

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-07-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Khorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublev str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

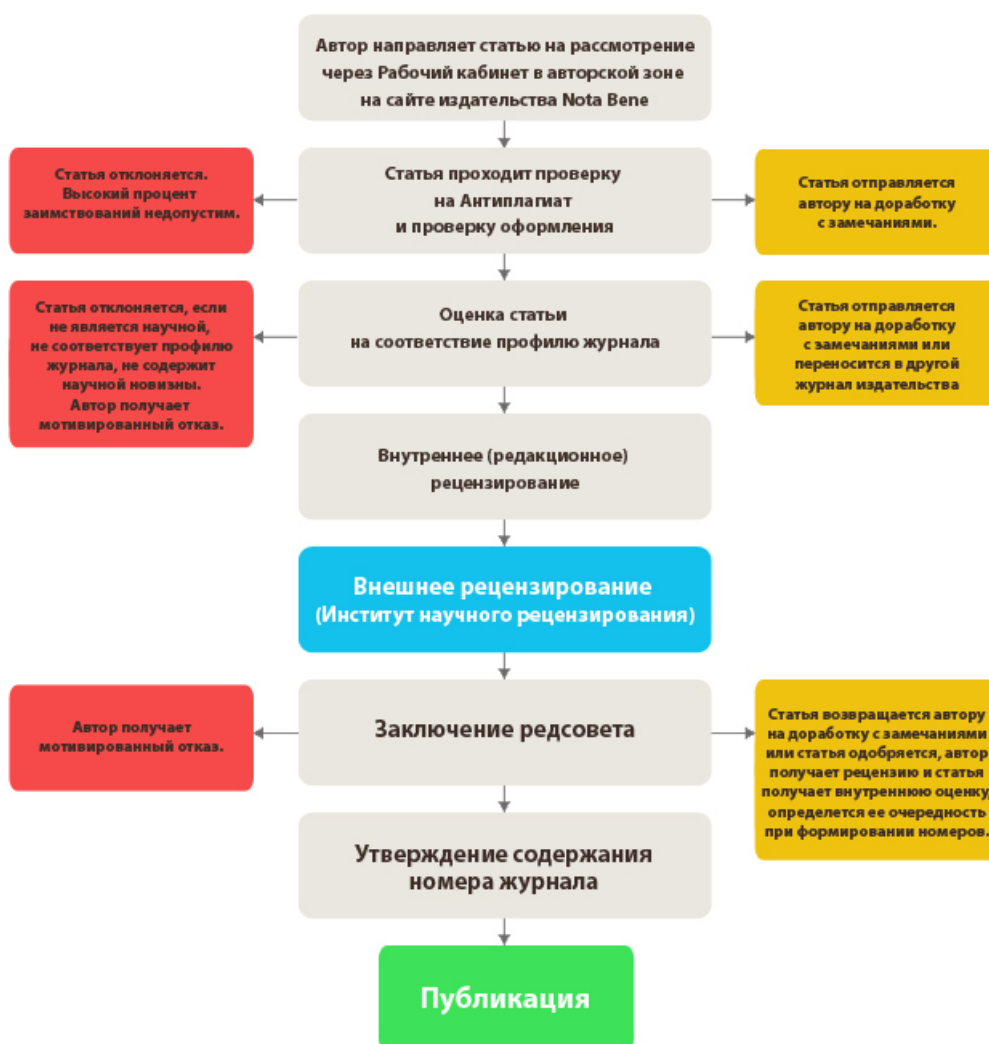
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Гилязова А.Е. Профессиональная чат-коммуникация юристов в цифровой среде: когнитивные стратегии и прагматическая организация	1
Ульянова А.В. Мифопоэтическое мировосприятие советской интеллигенции в романистике В. П. Аксёнова 1970-х годов (по романам «Ожог» и «Остров Крым»)	11
Зубов М.Д. Специфика синтаксического выражения семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка	27
Ши Л.-. Заимствование образов традиционного китайского гороскопа современной русской календарной словесностью: логика трансформации	42
Ключевский В.М. История изучения неопределенного артикля в испанской грамматике	55
Кун М. Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo)	69
Юсупов Х.А., Темирбулатова С.М. Ударение в даргинском языке, его функции и лексикографическая практика	82
Ершова И.В. Смысловое наполнение концепта СПОКОЙСТВИЕ в сознании носителей русского языка	92
Букач О.В., Шелестова О.В. Идеографические признаки авторского стиля в драматургии на материале пьесы Эдварда Олби "The American Dream"	100
Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Панфилова Д.В. Словоформы «минимум» и «максимум» в аспекте градуальной транспозиции в наречия: зоны ядра и гибридности	112
Англоязычные метаданные	126

Contents

Gilyazova A.E. Professional chat communication of lawyers in the digital environment: cognitive strategies and pragmatic organization.	1
Ul'yanova A.V. Mythopoetic worldview of the Soviet intelligentsia in the novels of V. P. Aksyonov in the 1970s (based on the novels "Burn" and "The Island of Crimea")	11
Zubov M.D. Peculiarities in Syntactic Expression of Possession Semantic Structure in Andean dialect of Spanish	27
Shi L.-. Borrowing images from the traditional Chinese horoscope in contemporary Russian calendar literature: the logic of transformation	42
Klyuchevskiy V.M. A Historical Overview of the Indefinite Article Studies in Spanish Grammar	55
Kong M. Russia's national image in Chinese social networks (based on the activity of RT's Weibo account)	69
Yusupov K.A., Temirbulatova S.M. Stress in the Dargwa language, its functions, and lexicographic practice	82
Ershova I. The semantic content of the concept of CALMNESS in the minds of native speakers of the Russian language	92
Bukach O.V., Shelestova O.V. Idiographic style features in drama (a case study: "American dream" by Edward Albee)	100
Shigurov V.V., Shigurova T.A., Panfilova D.V. The word forms "minimum" and "maximum" in the aspect of gradual transposition into adverbs: core and hybrid zones	112
Metadata in english	126

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гилязова А.Е. Профессиональная чат-коммуникация юристов в цифровой среде: когнитивные стратегии и прагматическая организация // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74798 EDN: WKESLB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74798

Профессиональная чат-коммуникация юристов в цифровой среде: когнитивные стратегии и прагматическая организация

Гилязова Алиса Евгеньевна

ORCID: 0009-0009-3916-4225

ассистент, институт филологии и межкультурной коммуникации; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Кремлевская, д. 18

✉ 89196873238@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74798

EDN:

WKESLB

Дата направления статьи в редакцию:

06-06-2025

Дата публикации:

13-06-2025

Аннотация: Предметом исследования данной научной статьи выступает профессиональная чат-коммуникация юристов в условиях цифровой среды, а именно особенности формирования, использования и интерпретации когнитивных стратегий и специфики прагматической организации общения. Анализируется, каким образом юристы реализуют профессиональное взаимодействие при помощи текстовых мессенджеров, форумов и специализированных платформ, какие речевые и мыслительные механизмы задействуются для эффективной передачи юридически значимой информации, выработки коллективных решений, аргументации и согласования позиций по правовым вопросам. Внимание уделяется исследованию способов планирования высказываний, выбору стратегий речевого воздействия в зависимости от

коммуникативных задач, участников и характера обсуждаемых вопросов. Изучается, как особенности цифровой среды и формат асинхронного текстового общения влияют на прагматическую структуру диалогов, жанровое разнообразие сообщений, специфику виртуальной юридической этики и вербального регламентирования юридической деятельности. Методология сочетает когнитивную реконструкцию, прагмалингвистический и контент-анализ на корпусе более 2300 сообщений из каналов «Форум юристов» и «Сообщество юристов» (2023–2025). Цель исследования – выявление когнитивных сценариев, прагматических стратегий и семиотических средств, структурирующих юридическое взаимодействие в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении профессиональной чат-коммуникации юристов в цифровой среде с позиций когнитивной лингвистики и прагматики. Впервые в отечественной науке проведён анализ особенностей использования цифровых мессенджеров и специализированных профессиональных платформ для общения между юристами, выявлены типичные когнитивные стратегии переработки и передачи информации в условиях ограниченного времени и формата сообщений. Особое внимание уделено анализу прагматической структуры сообщений и коммуникативным задачам, стоящим перед юристами при обсуждении деловых вопросов, передачи инструкций и согласования позиций в виртуальной среде. Исследование выявляет новые закономерности формирования речевых актов и прагматических тактик в условиях цифрового взаимодействия, что открывает дополнительные возможности для оптимизации профессиональной коммуникации юридического сообщества. Установлены три модели взаимодействия – директивная, навигационная и дискуссионная, различающиеся субъектной позицией и типом речевых актов, а также обнаружены признаки когнитивной компрессии, семиотической маркировки и синтаксической редукции.

Ключевые слова:

юридический дискурс, когнитивные сценарии, чат-коммуникация, прагматические стратегии, цифровая лингвистика, модель взаимодействия, юридическая речь, правовое консультирование, цифровизация, чат-дискурс

Введение. Современная цифровизация профессиональных сфер человеческой деятельности, сопровождаемая интенсивным проникновением компьютерно-опосредованных каналов коммуникации в юридическую практику, инициирует кардинальный сдвиг в характере профессионального речевого поведения специалистов в области права. Если традиционный юридический дискурс формировался и функционировал преимущественно в институционализированных пространствах судов, нотариатов, адвокатских коллегий и официальных документов, то с середины 2010-х годов наблюдается стремительная экспансия юридической речи в цифровое пространство, прежде всего – в рамках форумов, мессенджеров и чат-платформ. При этом акцент смещается не только с формата взаимодействия (от письменной, формализованной коммуникации к диалогически насыщенной онлайн-реплике), но и с нормативно-регламентированной структуры текста на когнитивно и прагматически насыщенные речевые микростратегии, направленные на экспресс-анализ ситуации, выстраивание правовой позиции и моментальную реакцию.

Особый интерес в данном контексте вызывает феномен профессиональной чат-

коммуникации юристов, реализующейся в рамках таких платформ, как Telegram, где специализированные сообщества выступают площадками для экспертных дискуссий, правового консультирования, кейс-ориентированного анализа и обмена нормативными прецедентами. Исследование подобных цифровых пространств требует синтеза лингвистических, прагматических, когнитивных и институциональных подходов, поскольку здесь конвергируют профессиональная нормативность и спонтанность цифровой речи, юридическая компетентность и языковая экономия, регламентированность и вариативность.

Результаты работы. Современное понимание юридического дискурса опирается на представление о нём как об особом виде институционального дискурса, в котором речевое поведение участников строго регламентировано нормативными рамками профессионального взаимодействия, а сама коммуникативная деятельность протекает в условиях функциональной асимметрии (адвокат–клиент, судья–подсудимый и т.д.) и высокой степени легитимизации речи. Согласно определению Е.С. Кубряковой, институциональный дискурс представляет собой «совокупность речевых практик, реализуемых в рамках социальной институции с целью поддержания, репрезентации и трансляции её норм и ролей» [\[6, с. 204\]](#).

Юридический дискурс характеризуется рядом устойчивых параметров: 1) высокой степенью терминологической насыщенности и нормативной отсылочности; 2) жесткой жанровой типологией (исковое заявление, протокол, судебное решение, договор и др.); 3) выраженной ориентацией на адресата как на объект легитимации, а не просто участника коммуникации. По классификации В.И. Карасика, юридический дискурс относится к типу «институционального монолога с регламентированной ротацией ролей» [\[3, с. 95\]](#).

С переходом юридической коммуникации в цифровую среду её форма всё более подчиняется закономерностям компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК), под которой, в терминологии О.Ю. Амурской, понимается «такой тип взаимодействия, который реализуется в пространстве цифровой платформы, опосредованной техническим интерфейсом и обладающей особенностями синхронности, мультимодальности и гипертекстуальности» [\[1, с. 43\]](#). КОК, как форма юридической речи, радикально отличается от бумажного и устного регламентированного дискурса: она строится на принципах сегментной нелинейности, репликативной реактивности, частичной анонимности и асинхронной интерактивности. Более того, КОК юридического типа развивает такую форму речевой активности, при которой нормативная отсылка (например, на статью закона) реализуется в сжатом, гипертекстуальном виде, часто без эксплицитного цитирования, но с прецизионной функцией («смотри ст. 445 ГК»).

На стыке традиционного юридического документа и спонтанной устной речи возникает особый тип речевого поведения – чат-дискурс, который представляет собой гибридную форму коммуникативного акта, сочетающего в себе свойства устного и письменного модуса. Как подчеркивают Е.А. Подгорная и К.А. Демиденко, «чат представляет собой уникальный жанр, в котором реализуются одновременно признаки письменной кодификации и устной реактивности, что делает его синтетическим по своей природе» [\[8, с. 152\]](#).

Сравнивая чат с другими формами цифровой юридической коммуникации (электронная почта, юридические тикет-системы, форумная переписка), можно выделить следующие уникальные признаки [\[12, с. 41\]](#):

- микродиалогичность – реплики краткие, лаконичные, часто построены по принципу «вопрос-реакция», с минимальным контекстом;
- реактивность – сообщения подаются в виде цепочек, с сильной привязкой к времени публикации и авторскому статусу;
- мультимодальность – использование смайликов, эмодзи, ссылок на законы, прикрепление документов, голосовых сообщений.

Современная лингвистика стремится описывать профессиональные формы речевого поведения не только в категориальной плоскости, но и с позиции когнитивного моделирования смыслов и прагматической направленности реплик. Когнитивный подход позволяет анализировать, какие ментальные сценарии активизируются в юридической коммуникации, например, «консультирование по проблеме», «правовая интерпретация документа», «поиск нормы» или «экспертная оценка правовой ситуации». Эти сценарии находят реализацию в форме компактных реплик, содержащих оценочные формулы («в договоре ошибка»), директивы («перепроверьте ссылку на закон»), отсылки к нормативному знанию («ГПК РФ, ст. 131»), в речевых актах вежливого совета, уместного сомнения, экспертного уточнения. Подобные прагматические стратегии тесно связаны с теорией речевых актов Дж. Серля, но в цифровом профессиональном дискурсе они преломляются сквозь призму экспресс-юридического анализа и когнитивной экономии.

Эмпирическую основу настоящего исследования составляет массив сообщений, извлечённых из двух открытых профессиональных телеграм-ресурсов: канала «Форум юристов» (<https://t.me/ForumYuristov>) и чата «Сообщество юристов» (https://t.me/chat_avdovkatov_yuristov), функционирующих в формате асинхронной цифровой коммуникации, при которой эксперты, практикующие юристы, адвокаты и иные специалисты в области права обмениваются сообщениями, вопросами, рекомендациями, шаблонами документов, ссылками на нормативные акты, проводят импровизированные дискуссии по кейсам. Хронологические рамки анализа охватывают период с октября 2023 года по апрель 2025 года включительно. Критериями отбора фрагментов послужили следующие признаки: тематическая релевантность (юридическая проблематика), прагматическая направленность (речевой акт должен содержать либо запрос, либо нормативно-аргументированный ответ), структурная завершённость (реплика – часть завершённой микросцены коммуникации), а также активность участников (сообщения от зарегистрированных юристов с цифровыми идентификаторами, никнеймами, профилями). В совокупности было обработано не менее 350 уникальных цепочек коммуникации, включающих более 2500 сообщений.

Численность участников в канале «Форум юристов» к апрелю 2025 года превысила 52 000 пользователей, а в «Сообществе юристов» – 11 000. Для обеспечения тематического охвата были задействованы подгруппы по направлениям: банкротство, наследство, арбитраж, защита прав потребителей, трудовые споры, гражданское и семейное право.

В структурном отношении телеграм-дискурс, репрезентирующий юридическую коммуникацию, представляет собой иерархически организованное пространство, в котором реализуются жанрово детерминированные формы профессионального взаимодействия. С точки зрения жанровой стратификации, коммуникация выстраивается по схеме: форум → чат → вопрос → тема → комментарий, где каждый уровень вносит специфическую прагматическую нагрузку и определённый жанровый регламент.

Так, в «Форуме юристов» каждая тематическая ветвь (например, «наследственное право») выступает как мезо-жанровое поле, в пределах которого пользователи

публикуют пост-запросы («вступил в наследство в 2014 году, сейчас оспаривают - как действовать?») и получают ответы-реплики, сопровождаемые ссылками на нормы законодательства, типовыми формулировками исков или уведомлений, а также метакомментариями в форме рассуждения о правовом статусе ситуации. Иллюстрацией может служить сообщение от пользователя Alexander Tolmachev: «А что прописано в договоре купли-продажи?» – демонстрирующее характерный для данного жанра рефлексивно-диалогический модус. Для чатов, таких как «Сообщество юристов», характерен менее формализованный, но тем не менее профессионально насыщенный стиль. Здесь наблюдается сближение с жанрами цифрового совещания и экспертного обсуждения, при котором высказывания приобретают черты ситуативной срочности и правовой оперативности: «Добрый вечер. Кто подскажет, надо ли согласие супруга при продаже комнаты, если доли нет?».

Анализ речевых актов, обнаруженных в сообщениях, позволяет выделить ряд доминирующих прагматических функций, характеризующих цифровую юридическую речь. Наиболее часто встречающимися являются:

- директивные акты (совет, рекомендация, требование): «оформите претензию в двух экземплярах и направьте заказным письмом»;
- информативные акты с нормативной отсылкой: «смотрите статью 209 ГК РФ»;
- вопросительные конструкции с высокой степенью прагматической насыщенности: «вы прикладывали акт приёма-передачи?»;
- дискурсивные размышления, в которых эксперт пытается интерпретировать ситуацию: «если есть долевая собственность и нет согласия, то риски признания сделки недействительной велики».

Языковая репрезентация данных актов характеризуется определённой лексико-грамматической спецификой. Преобладают личные местоимения второго лица («вы», «вам»), подчёркивающие диалогический характер общения; широко употребляются модальные глаголы («должны», «нужно», «можно», «следует»), формирующие нормативный вектор высказывания; нередко используются сгущённые юридические конструкции, например: «иск по 131 ГПК без приложений будет возвращён».

Одной из базовых когнитивных стратегий, структурирующей цифровое правовое мышление, выступает стратегия ситуационного правового анализа, предполагающая последовательную ментальную декомпозицию исходной проблемы на компоненты – правовые роли субъектов, документальные основания, гипотетические риски и процедурные рамки, в пределах которых возможно формирование допустимого дискурсивного вывода. Например, в типичной реплике «если вы платили по расписке, нужно доказать сам факт передачи средств», активируются сразу несколько когнитивных модулей: во-первых, модуль презумпции диспозитивности и обязательности доказательств (в терминологии М.М. Богуславского); во-вторых, модуль процедурной правоспособности, заключающийся в осознании доказательственной достаточности; и, в-третьих, сценарий нормативной интерпретации, предполагающий восполнение пробела через апелляцию к ст. 432-450 ГК РФ. Следовательно, формулировка, пусть и краткая, не является поверхностной: она конденсирует в себе целый кластер когнитивных операций, находящихся в латентной, но функциональной активности.

Другая доминирующая стратегия – юридическая навигация, реализующаяся через серию микроактов: идентификация релевантной нормы, локализация правовой конструкции,

сопоставление с прецедентами и институциональная верификация источника (в особенности – указание на действующий статус нормы). Выражения типа «по делу № 4-Г-2022 ВС уже рассматривал схожую ситуацию» или «пункт 3 статьи 12 ФЗ №127 см. на Консультанте» предполагают не только поиск информации, но и её фильтрацию по критерию применимости, юридической силы и актуальности. Здесь когнитивное усилие сосредотачивается не на синтезе, а на точечном акте регуляторной фокусировки, при котором происходит частичная деактуализация контекста в пользу нормы – процесс, описанный С.В. Кодзасым как «контекстуальная редукция фрейма» [\[5, с. 108\]](#).

Третьей когнитивной стратегией является оценка правовых рисков, в ходе которой участник, обладающий экспертным опытом, моделирует вероятностные сценарии развития дела, выносит эвристические заключения, касающиеся силы доказательств, допустимости правовых ходов, и репрезентирует это в форме предикатов модальной оценки («может не пройти», «вероятность ниже 10%», «суд не примет во внимание»). Такие конструкции структурируются по модели имплицитной аргументации: модальный оператор + правовой объект + гипотетическая реакция суда.

На метауровне все вышеописанные стратегии сопровождаются стратегией когнитивной экономии, характерной для экспертных сообществ, функционирующих в условиях информационного давления. В юридическом чат-дискурсе эта стратегия реализуется посредством гипертрофированной шаблонности, лексической редукции, аббревиации и цитатной фрагментации. Реплики типа «131-132 ГПК, иначе возврат» формируют вторичный нормативный код, предполагающий предзаданность интерпретации и обоюдную правовую компетентность отправителя и адресата, позволяя обходиться без разъяснений, аргументов и уточнений. Как отмечает Л.Л. Нелюбина, такая вербальная компрессия характерна для профессионально гомогенных сообществ, в которых декодирование обеспечивается не за счёт избыточности, а за счёт общности интертекстуального фона [\[7, с. 70\]](#).

Таким образом, когнитивный профиль участника юридической цифровой коммуникации не сводится к акту речевого поведения, а представляет собой динамическую совокупность активируемых ментальных моделей, каждый элемент которых сопряжён с нормативной структурой, институциональной рамкой и прагматической задачей конкретного общения.

Анализ визуально-графического слоя цифровой юридической речи, представленной в среде телеграм-каналов, обнаруживает сложную парадигму вторичных семиотических кодов, с помощью которых осуществляется регуляция модальности, эмоциональной насыщенности, структурной логики и экспертной аутентичности высказываний, функционирующих в условиях текстового обмена, лишённого интонации, паузации и невербальных каналов обратной связи. Одним из таких кодов является эмодзи-маркировка, которая, несмотря на свою ассоциацию с разговорной и экспрессивной цифровой лексикой, в юридических чатах принимает специфически регулятивную функцию, становясь частью прагматической грамматики. Так, знак ☐ не просто выражает тревогу, но и выполняет роль маркера правового риска, структурно эквивалентного выражению «обратите внимание: возможны правовые последствия». Таким образом, эмодзи трансформируется из эмоционального маркера в когнитивно-прагматический триггер, запускающий сценарий перцептивной фокусировки [\[11, с. 108\]](#).

Другим визуальным приёмом является капитализация смысловых элементов, которая, в отличие от графической эмфазы в повседневной цифровой речи, используется для

интенциональной сегментации юридического текста. Пример: «НЕ ПРОПУСТИТЕ СРОК ПОДАЧИ АПЕЛЛЯЦИИ» демонстрирует, как визуальная доминанта усиливает директивную интенцию и подменяет интонационно-синтаксическое выделение, невозможное в текстовом режиме. При этом капитализация не нарушает институциональный этос речи, так как воспринимается как функция юридической настоятельности, а не экспрессивности.

Наиболее репрезентативным элементом, включающим в себя визуальную и этосную нагрузку, является гипертекстуализация сообщения – включение ссылок на источники с высокой степенью институциональной авторитетности: законы, судебные решения, правовые справочно-правовые системы (consultant.ru, kad.arbitr.ru). Такая включённость выполняет не только функцию верификации (в терминах Грайса – усиление максимы достоверности), но и формирует параметр прозрачности экспертного заключения, придавая сообщению статус обоснованного юридического совета.

Таким образом, визуально-семиотические компоненты не являются периферийными по отношению к юридическому дискурсу в цифровом пространстве, а образуют вторичный когнитивно-прагматический слой, регулирующий не только оформление, но и интерпретацию, достоверность и речевую валидность юридических сообщений, функционирующих вне институционально закреплённой инфраструктуры.

Результаты лингвокогнитивного и прагматического анализа эмпирических данных, полученных из юридических телеграм-каналов «Форум юристов» и «Сообщество юристов», позволяют реконструировать устойчивые когнитивно-прагматические матрицы речевого взаимодействия, формирующиеся в условиях цифровой профессиональной коммуникации, организованной по принципу полилогической и асинхронной чат-структуры. Эти матрицы, при всей своей многообразной динамике и стилистической гетерогенности, поддаются когнитивной стратификации и функциональной типологизации на основании следующих ключевых переменных: институциональный статус коммуникантов, дискурсивная цель сообщения, формальная структура реплики, прагматическая интенция, а также тип информации, актуализируемой в речевом акте.

Наиболее устойчивой и продуктивной, с точки зрения категориального анализа, представляется бинарная модель взаимодействия, основанная на различении двух макропозиций участников: во-первых, субъектов, обладающих сопоставимым профессионально-юридическим статусом (модель «эксперт – эксперт»), и, во-вторых, субъектов, между которыми фиксируется выраженная асимметрия в институциональной и когнитивной компетенции (модель «юрист – непрофессионал» или «эксперт – профан»). При этом, как справедливо подчёркивает Е.А. Жигалина, в условиях цифрового взаимодействия правовой дискурс теряет часть своей традиционной иерархической структурированности, замещая её на функционально-прагматическую стратификацию, в рамках которой коммуникативная релевантность высказывания доминирует над титулом или статусом его автора [\[2, с. 93\]](#).

В парадигме «эксперт – эксперт» преимущественно функционируют модели кооперативного взаимодействия, характеризующиеся взаимной верификацией правовых позиций, обменом прецедентной практикой, выработкой единой трактовки нормы, её применимости и границ допустимых интерпретаций. Такая модель характеризуется высоким уровнем когнитивной плотности, частым использованием прецизионной юридической лексики, ссылками на нормативные акты с конкретными реквизитами и преобладанием аналитически развернутых речевых актов, выражающих мнения, экспертные оценки и интерпретации. В контексте модели «эксперт – профан» (юрист –

гражданин) коммуникативное поведение структурируется по иному принципу: акцент смещается на директивные речевые акты, упрощённые формы репрезентации норм, использование императивных конструкций, прямые указания на правовой путь решения проблемы, минимизацию когнитивной нагрузки за счёт редукции аргументации и ориентации на конечный результат.

Таким образом, в условиях стремительной дигитализации правового поля и роста популярности мессенджерных платформ как каналов профессионального общения юридическая коммуникация претерпевает не только структурную, но и функционально-когнитивную трансформацию, при которой речевая активность специалистов смещается в сторону асинхронной, прагматически насыщенной и мультимодальной формы взаимодействия, требующей от участников не только высокой степени правовой компетентности, но и способности к экспрессной вербализации экспертного знания в сжатых, маркированных и нормативно релевантных форматах, что влечёт за собой институциональное обособление чат-дискурса в статус гибридной формы цифрового юридического текста, обладающей устойчивыми когнитивно-прагматическими признаками и потенциалом к последующей стандартизации в контексте развития LegalTech-экосистем.

Библиография

1. Амурская О.Ю. Типология коммуникативных жанров в интернет-пространстве: прагматический аспект. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2008. 192 с.
2. Жигалина Е.А. Юридическая коммуникация в цифровую эпоху: структура и динамика экспертного дискурса // Современная лингвистика. 2022. № 6. С. 89-101. DOI: 10.21638/srbu13.2022.106 EDN: RQJZXL.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. 389 с.
4. Кибрик А.А. Контекстуальная редукция фрейма: когнитивный подход к интерпретации текста // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 83-98. EDN: VJYFZT.
5. Кодзасов С.В. Прогностическая модель аргументации в экспертной речи // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2016. № 2. С. 105-117. EDN: BCDJSK.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянских культур, 2004. 560 с. EDN: SUQHIP.
7. Нелюбина Л.Л. Прагматика профессиональной коммуникации: юридическая речь в цифровом дискурсе // Коммуникативные стратегии в профессиональной среде. 2018. № 3. С. 67-74. EDN: XWLXQS.
8. Подгорная Е.А., Демиденко К.А. Чат как новый жанр письменной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40). С. 150-153. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/40.html> (дата обращения: 07.06.2025).
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. 824 с.
10. Стернин И.А. Коммуникативное поведение: структура и типология. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. 228 с.
11. Хейлоуэлл М. Эмодзи как языковые маркеры и когнитивные триггеры: интерпретационные функции в цифровой среде // Язык. Культура. Коммуникация. 2021. Т. 24. № 1. С. 102-118. DOI: 10.31857/S123456789012345-1 EDN: YUJQXS.
12. Чайка В.Г. Цифровая прагматика: теория и практика речевого взаимодействия в медиапространстве // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. № 2. С. 34-50. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-23-2-34-50 EDN: TLOUQS.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают когнитивные стратегии и прагматическая организация профессиональной чат-коммуникации юристов в цифровой среде. Актуальность работы обоснованно аргументируется особым интересом научного сообщества к «феномену профессиональной чат-коммуникации юристов, реализующейся в рамках таких платформ, как Telegram, где специализированные сообщества выступают площадками для экспертных дискуссий, правового консультирования, кейс-ориентированного анализа и обмена нормативными прецедентами». Отмечается, что исследование подобных цифровых пространств требует синтеза лингвистических, прагматических, когнитивных и институциональных подходов, поскольку здесь конвергируют профессиональная нормативность и спонтанность цифровой речи, юридическая компетентность и языковая экономия, регламентированность и вариативность».

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные теории и практике речевого взаимодействия в медиапространстве; коммуникативным жанрам в интернет-пространстве; коммуникативному поведению; прагматике профессиональной коммуникации; юридической коммуникации в цифровую эпоху; чату как жанру письменной коммуникации и др. Библиография насчитывает 12 источников, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание автора(ов), что в тексте отсутствуют ссылки на некоторые источники, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи».

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; метод классификации; описательный и текстологический методы; интерпретативный анализ материала, контент-анализ; методы дискурсивного анализа. Эмпирическую основу исследования составил массив сообщений, извлечённых с октября 2023 года по апрель 2025 года из двух открытых профессиональных телеграм-ресурсов: канала «Форум юристов» и чата «Сообщество юристов», функционирующих в формате асинхронной цифровой коммуникации, при которой эксперты, практикующие юристы, адвокаты и иные специалисты в области права обмениваются сообщениями, вопросами, рекомендациями, шаблонами документов, ссылками на нормативные акты, проводят импровизированные дискуссии по кейсам. Обработано около 350 уникальных цепочек коммуникации, включающих более 2500 сообщений.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулирован обоснованный вывод о том, «в условиях стремительной дигитализации правового поля и роста популярности мессенджерных платформ как каналов профессионального общения юридическая коммуникация претерпевает не только структурную, но и функционально-когнитивную трансформацию, при которой речевая активность специалистов смещается в сторону асинхронной, прагматически насыщенной и мультимодальной формы взаимодействия, требующей от участников не только высокой степени правовой компетентности, но и

способности к экспрессной вербализации экспертного знания в сжатых, маркированных и нормативно релевантных форматах».

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в разработку феномена профессиональной чат-коммуникации юристов, в изучение ее когнитивных стратегий и прагматической организации. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов практикующими специалистами в области права и в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ульянова А.В. Мифопоэтическое мировосприятие советской интеллигенции в романистике В. П. Аксёнова 1970-х годов (по романам «Ожог» и «Остров Крым») // Филология: научные исследования. 2025. № 6. С. 11-26.
DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74799 EDN: YEQYFK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74799

Мифопоэтическое мировосприятие советской интеллигенции в романистике В. П. Аксёнова 1970-х годов (по романам «Ожог» и «Остров Крым»)

Ульянова Анна Владимировна

ORCID: 0000-0001-6079-5034

старший преподаватель; кафедра Отечественной и зарубежной литературы; Университет "Синергия"
Руководитель Литературного клуба; Университет "Синергия"

142451, Россия, Московская область, г. Ногинск, ул. Мкрн. новое бисерово-2, 10

✉ nebo_prior13@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74799

EDN:

YEQYFK

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2025

Дата публикации:

15-06-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу романов «Ожог» и «Остров Крым» Василия Аксёнова — крупнейшего писателя второй половины XX века. Автор статьи ставит своей целью выявить особенности раскрытия темы советской интеллигенции и определить основные черты, которыми обладал герой-интеллигент в романах Василия Аксёнова. Задачи исследования: осуществить анализ образов главных героев произведений «Ожог» и «Остров Крым», выделить мотивы их поведения и выбора, а также взаимодействия с окружающими, исходя из полученных данных, сделать вывод о том, как раскрывается тема советской интеллигенции 1970-х годов в романах. Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью творчества писателя, между тем как Василий Аксёнов являлся ключевой фигурой в литературном мире 1960-

1970-х годов, стоящей у истоков русского постмодернистского романа и развития жанра романа альтернативной истории. Автор статьи рассматривает содержание романов в тесной связи с биографией Василия Аксёнова и особенностями советской действительности 1970-х годов. Для достижения поставленной цели автор прибегает к биографическому, сравнительно-сопоставительному и культурно-историческому методам. В результате доказано, что герои-интеллигенты в романах Василия Аксёнова — это пассионарные личности, склонные к глубокому анализу окружающей действительности, способные к созиданию, они миролюбивые, сострадательные, каждый из них наделён миссией творца, их объединяет выбор служения высшей идее вместо личного счастья. Аксёновские герои-интеллигенты схожи в том, что пройдя инициацию, претерпев предательство в любви и дружбе, и придя, наконец, к «слову Божьему», их попытки внести позитивные изменения в советскую действительность и найти в ней место для себя оборачиваются трагедией. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования рассмотренного материала в преподавании у студентов-филологов дисциплин «Анализ художественного текста», «Литературоведение», «История русской литературы XX века» и спецкурса «Русская постмодернистская литература».

Ключевые слова:

мифопоэтика, Аксёнов, роман, интеллигент, альтернативная история, советская интеллигенция, образ, доносительство, любовная линия, мотив

Введение

Василий Павлович Аксёнов – один из самых ярких писателей второй половины XX века, символ 1960-х годов – «шестидесятник», наравне с поэтами «большой четвёрки», а также сценарист, переводчик, педагог. Родился в семье председателя Татарского областного совета профсоюзов Павла Аксёнова и известной в Казани журналистки и преподавательницы Евгении Гинзбург, которые были признаны врагами народа: Евгению Соломоновну в 1937 году приговорили к 10 годам тюремного заключения, а Павла Васильевича – в 1939 году к 15 годам лагерей. В 1956 году В. Аксёнов окончил 1-ый Ленинградский медицинский институт, однако серьёзно увлёкся литературой, и уже в 1960 году вышло его первое значительное произведение — повесть «Коллеги». Важно подчеркнуть, что В. Аксёнов родился в интеллигентной семье, получил прекрасное образование, имел дружеские отношения с творческой интеллигенцией 1960-х годов, что во многом обусловило выбор ведущей для писателя темы — судьба советской интеллигенции. Так, героями первой повести В. Аксёнова стали выпускники Ленинградского медицинского института — Александр Зеленин, Алексей Максимов, Владислав Карпов. Повесть относилась к «молодой прозе», то есть к произведениям о молодых людях: героям «Коллег» предстояло преодолеть ряд испытаний, чтобы понять своё предназначение и стать достойными гражданами советского общества. Тематика, проблематика и система персонажей повести вполне соответствовали канонам социалистического реализма, а в 1962 году был снят одноимённый фильм, в котором сценаристами выступили В. Аксёнов совместно с А. Сахаровым — режиссёром фильма. Тем не менее, по мнению Е. Р. Понамарева, творческий метод В. Аксёнова — «карнавальная соцреализм»: в повести очевидна борьба «со сложившимися правилами сюжетосложения, героическими героями, красивой идейной фразой» [\[1, с. 216\]](#). И. П. Шиновников заметил, что молодёжная проза сохранила основные мотивы соцреализма —

«романтику трудовых свершений, борьбу с вредителями и тунеядцами, оптимистический пафос, связанный с идеей скорого построения коммунизма», но привнесла и новое [\[2, с. 44\]](#). Поворотным моментом в жизни творческой интеллигенции и утверждении темы её судьбы в произведениях В. Аксёнова стала встреча, состоявшаяся 7 марта 1963 года в Свердловском зале Кремля, на которой руководство страны обрушилось на неё с суровой критикой. Воспоминания об этом нашли отражение в романе В. Аксёнова «Ожог» (1980), где подробно описана сцена публичного унижения Кукитой Кусеевичем (Никитой Сергеевичем) писателя Пантелея (Аксёнова) и в романе «Кесарево свечение» (2001), в котором спустя почти 40 лет воссозданы впечатления писателя:

Оттепель, март, шестьдесят третий,

Сборище гадов за стенкой Кремля,

Там, где гуляли опричников плети,

Ныне хрущёвские речи гремят.

Всех в порошок. Распалается боров.

Мы вам устроим второй Будапешт!

В хрюканье, в визге заходится свора

Русских избранных, подлых невежд... [\[3, с. 117\]](#)

В 1978 году был опубликован роман В. Аксёнова «В поисках жанра». Писатель включил в него некоторые моменты из собственной жизни, например, приобретение итало-советского фургончика. Он вспоминал об этом так: *«Стал бороздить пространства державы; иногда по делу, а иногда без определённого смысла; короче говоря, заторчал. Вот именно это слегка гипнотическое состояние советских автомобильных дорог и моё собственное отразились в новой книге» [\[4, с. 31\]](#). Так и главный герой романа — Павел Аполлинарьевич Дуров — разъезжает по разным частям страны: Минск, Литва, Крым, Новгородская область, Сочи и т. д., — на своём «Фиате». В дороге Павел Дуров много размышляет *«о пустоте и никчёмности своей быстро, год за годом пролетающей жизни, о пустоте и никчемности того странного жанра искусства» [\[5, с. 388\]](#)*, которым он занимался и зарабатывал себе на жизнь. Возможно предположить, что эмоциональное состояние героя романа и самого автора совпадали: Павел Дуров пытался понять, что означает его «жанр», потому что В. Аксёнов в это же время осознаёт, что принципы социалистического реализма ограничивают его творческие устремления, и, следовательно, создаёт своё первое экспериментальное произведение – «В поисках жанра». Исследователи О. Ю. Осьмухина и Р. А. Кадеева, отмечают, что *«роман «В поисках жанра» явился своего рода завершением «дороманного» этапа в творчестве В. П. Аксёнова, который характеризуется активными поисками новых жанровых модификаций и подступами к крупной форме, воплощающей максимальную творческую свободу художника в условиях цензуры» [\[6, с. 57\]](#).**

Финал произведения трагичен, поскольку Павел и его друзья обрели веру в свой жанр, но случилась катастрофа: *«Между скальных стен появилась и застыла на мгновение голова лавины. Как, чёрт возьми, она была безобразна!» [\[5, с. 506\]](#)* Однако, если рассматривать финал романа с точки зрения метафизики, он оптимистичен, поскольку герои обрели покой: *«Не было ни чувств, ни воспоминаний... Воздух любви теперь*

окружал нас, заполнял наши лёгкие, расправлял опавшие бронхи, насыщал кровь и становился постепенно нашим миром, воздух любви» [5, с. 508]. В действительности «странный жанр» стал неотъемлемой частью Павла и всех фокусников, они страдали и впадали в отчаяние, не находя уважения и интереса у публики, а в конце романа, подобно булгаковскому Мастеру, они обрели покой и место, где смогут творить. Так, выход в свет романа «В поисках жанра» стал переломным моментом в творчестве В. Аксёнова, освободившим писателя от рамок социалистического реализма. По мнению Е. Ю. Барруэло Гонзалез, «особое место среди писателей-экспериментаторов занимает В. П. Аксенов, творческая биография которого от ранних повестей и до романов, написанных в последние десятилетия, представляет собой непрерывный поиск формы, непрерывный эксперимент с жанровыми и стилистическими условностями» [7, с. 7].

Основная часть

Вслед за произведением «В поисках жанра» В. Аксёнов написал два романа «Ожог» (1980) и «Остров Крым» (1981), однако их публикация состоялась только за границей вследствие лишения писателя советского гражданства (1980) и цензуры — оба романа обличали пороки советской власти. В. Аксёнов 7 ноября 1980 года в письме Б. Ахмадулиной сообщает: *«Отрыв от Москвы получается здесь очень быстрый и как бы окончательный, но мы этому всячески сопротивляемся. «Ожог» вышел в «Ардисе», постараюсь послать вам дарственные копии. На очереди теперь «Остров Крым». Я понемногу начиню новую писанину» [8, с. 160].* Романы «Ожог» и «Остров Крым» имеют довольно много общего: в центре повествования герой-интеллигент, присутствует любовная линия, реализуемая появлением женщины-музы, в которую страстно влюблён главный герой, также автор включает в систему персонажей доносчика, детей главного героя, олицетворяющих будущее России, мотив пути и эсхатологический мотив. Создавая «Остров Крым», В. Аксёнов как будто повторяет историю, изложенную в «Ожоге», но при этом наделяет главного героя всеми материальными благами, которых был лишён герой-интеллигент в предыдущем романе, писатель словно даёт шанс на более оптимистический финал, однако психологизм и логика сюжета лишь подтверждают мысль литератора о том, что в исторических процессах есть свои закономерности и их невозможно избежать.

Специфика образа интеллигента в романистике В. П. Аксёнова

В «Ожоге» главные герои — пять Аполлинариевичей — музыкант Самсон Саблер, учёный Аристарх Куницер, доктор Геннадий Малькольмов, скульптор Радий Хвастищев, писатель Пантелей Пантелей, в романе «Остров Крым» главный герой Андрей Лучников — издатель-редактор газеты. Заметим, что интеллигенция — это прекрасно образованные люди, увлечённые своей областью, стремящиеся к творческим и научным открытиям, профессионалы, анализирующие, изучающие, преобразующие и создающие — другими словами, это прогрессивная сила в государстве, ведущая его к процветанию. Интеллигенция как слой общества, формирующий достойную действительность и создающий лучшее будущее советского государства, безусловно, не могла не быть в центре внимания В. Аксёнова — писателя, горячо любившего Россию и русскую культуру. Стоит отметить, что участь интеллигенции в советское время во многом зависела от того, насколько её представители считались благонадёжными и насколько они разделяли идеологические установки КПСС. В период с 1980 года по 1991 год, когда В. Аксёнова лишили советского гражданства и писатель находился в вынужденном изгнании, он сотрудничал с радиостанцией «Свобода» и вёл собственные радиопередачи, в которых много говорил о России, её прошлом и настоящем. В 1984

году гостем одной из передач был Ян Котт, польский литературный и театральный критик, философ и переводчик, который, рассуждая о России, Ленинграде, диссидентстве, также подчёркивал значимость интеллигенции: *«Сахаров является символом современной русской несогнутой интеллигенции. В принципе, русская интеллигенция вызвала к жизни очередное чудо. Джордж Оруэлл даже хронологически всё рассчитал довольно точно. К 1984 году на Земле, во всяком случае в России, должно было возникнуть общество, не оставляющее никаких надежд. В том, что это ещё не произошло, то есть в том, что надежда ещё теплится, повинно неожиданное духовное сопротивление интеллигенции»* [9, с. 131].

Интеллигенция в произведениях В. Аксёнова представлена одарёнными личностями, любящими Родину и стремящимися принести что-то полезное в её жизнь. Профессор Я. В. Солдаткина, рассматривая образ героя-интеллигента в прозе XX-XXI вв., подчёркивает, что подобные герои *«склонны если не к творчеству как таковому, то к творческому, поэтическому восприятию мира, стремятся мир облагородить, сообщить ему не только плотские устремления. Они сострадательны, не чужды эмпатии, что вызывает подозрения со стороны властей предрешающих»* [10, с. 289].

В. Аксёнов писал, что «Ожог» — это первое произведение, которое он создавал совершенно свободно, без оглядки на цензуру; писатель считал его своей *«основной книгой, своего рода opus magnum»* [4, с. 41]. Главные герои «Ожога» — пять Аполлинариевичей — это прежде всего творцы, на что указывает отчество героев: имя Аполлинарий восходит к богу Аполлону, который *«считался и считается олицетворением и покровителем всего интеллектуального и духовного в человеке, в противовес иррациональному и стихийному»* [11, с. 141]. Их объединяет одно на всех детство Толи фот Штейнбок и финал жизни, потому что они сливаются в одного героя — Пострадавшего. Таким образом, автор высвечивает типичный и драматичный сценарий жизни советского интеллигента. Кроме того, *«тема России и её исторической судьбы — одна из центральных в творчестве В. П. Аксёнова — решена в «Ожоге» на автобиографическом материале»* [12, с. 1001]: в романе нашли отражение события из жизни В. Аксёнова, его семьи и друзей. Все Аполлинариевичи в романе переживают своеобразную самоидентификацию: с одной стороны, каждый из них осознал своё истинное призвание, с другой — жизненные перспективы в советском обществе, в котором представители КПСС считали их неблагонадёжными, кажутся им туманными, едва ли возможными. Эта проблема обозначена в «Переоценке ценностей», исполненной Самсиком в экспозиции «Ожога»:

я переоценил

я недооценил

закаты и рассветы над городами в перспективах улиц

лимонные лиловые бухие

верблюжьи морды

плоские эскадры далёких миноносков

вкупе с ветром качающим над маленькой Европой

слепые фонари под проводами

с трамвайным скрежетом

со стуком каблучков

с младенцем в купе

жирным мамлакатом в купели цинковой

под солнцем сталинизма

под солюксом досмотров выставшим

и нашей юности зовущимся ... [\[13, с. 41\]](#)

Созданные писателем образы — эскадры миноносков, слепые фонари, трамвайный скрежет, купель цинковая, солнце сталинизма, солюкс досмотров — рисуют мрачную картину XX века. Примечательно, что именно «Переоценка ценностей» в главе «Потом пошёл дождь» предшествует пяти главам с одинаковым названием «ABCDE», повествующим о каждом из Аполлинариевичей, и тем самым она будто предопределяет суть драмы героев: они *переоценили* свои силы и *недооценили* силы партии и зоркость спецслужб, поддерживавших систему доноительства. Финал «Ожога» трагичен, лишён спокойствия и ясности: «*Тащатся, шипя пневмосистемами, гиганты КраЗы и «уральцы», середняки-работяги МАЗы и ЗИЛы, юлят новые кони России «Фиаты», проносятся фисташковые «Волги»-такси и черные персоналки-оперативки, мотоциклы «Явы» и «Иж-планеты», свадебные «Чайки» и похоронные ГАЗы, разбитные настырные «Москвичи» и одиночки-дипломаты – и все это течет, словно рыба-кета, на неведомый нерест, и в этом во всем как раз и везли Пострадавшего в последний, как говорится, путь» [\[13, с. 489\]](#). Писатель помещает главного героя в механизированное пространство, олицетворяющее тенденции в обществе: люди утрачивают духовность, душевность, добродетельность, уподобляясь бесчувственным машинам, глухим к вопиющей несправедливости и чужим страданиям.*

В романе «Остров Крым» В. Аксёнов создаёт альтернативную историю: во время Гражданской войны представители белого движения сосредоточились на острове Крым и выдержали натиск большевиков. Так на острове обосновалось русское дворянство, а сам Крым стал независимым, на нём процветает капитализм, а люди, то есть «врэвакуанты», живут в роскоши и изобилии в то время, как в Советской России господствует товарный дефицит. Главный герой романа Андрей Лучников — состоятельный издатель-редактор известной во всём мире и влиятельной газеты «Русский Курьер». У Лучникова есть в прямом смысле всё: деньги, мировая известность, любовь и обожание со стороны женщин, уважение и признание со стороны мужчин. В. Аксёнов наделяет своего героя, помимо всего перечисленного, свободой: проживая на острове, не входящем в Советский Союз, Андрей издаёт собственную газету, не ограничивая себя в выборе освещаемых им тем. И всё же Лучников не может найти покой: он становится активным пропагандистом Идеи Общей Судьбы, суть которой заключалась в том, что СССР и остров Крым — это одна страна с общей судьбой, поэтому необходимо их объединение. Лучников, несмотря на сомнения, высказанные по поводу состоятельности идеи его любимой женщиной Татьяной Луниной и отцом, организует политическое движение «Союз общей судьбы» — СОС, он одержим своей идеей. Считая русских единой нацией, Андрей Лучников культивирует комплекс вины за неучастие в мучениях Советской России и советского народа. Андрей был движим благородными стремлениями, однако его активные действия привели к тому, что советские войска вошли в Крым. Произведение заканчивается трагически: вследствие разных

обстоятельств погибли практически все близкие люди Андрея — друзья, отец, Татьяна Лунина, Кристина. Обратим внимание на то, что В. Аксёнов для большего охвата круга интеллигенции включает в повествование как сторонников Андрея, его друзей и одноклассников – Фёдор Бутурлин (член Кабинета министров), полковник Александр Чернок (командующий Северным укрепрайоном Острова Крым), Пётр Сабашников (крымский представитель в ЮНЕСКО), Вадим Беклемишев (старший «кор» в корреспондентском пункте на Кутузовском), граф Новосильцев, Тимоша Мешков (совладелец нефтяного спрута «Арабат ойл компани»), профессор Фофанов (ответственный сотрудник Временного Института Иностранных Связей, то есть министерства иностранных дел Острова Крым), Вадим Востоков (представитель разведки ОСВАГ), так и представителей советской власти, которые наблюдают за деятельностью Андрея и его газеты – Марлен Михайлович Кузенков (куратор Острова Крым), полковник Сергеев. Причём автор изображает представителей Крыма, то есть единомышленников Андрея Лучникова, как свободных, спокойных, уважающих себя и увлечённых своей идеей людей, а представителей советской власти – Кузенкова и Сергеева, занимающих высокое положение в обществе, как живущих в постоянном страхе. Например, в главе IV «Любопытный эпизод», показано, как Марлен Кузенков приходит в ужас от того, что был участником неприятной сцены со стариком, которого он сгоряча назвал «грязный стукач», однако прежде чем это сделать, он почувствовал «фонтанчик страха» и подумал: *«Да неужели даже и сейчас, даже и на такой должности не выдавить из себя раба?»* [5, с. 75]. Оскорбление в адрес старика, произнесённое Марленом, следует расценивать как протест против раба, которого Кузенков в себе подозревал. Друзья же Лучникова, наоборот, обладали свободой и деньгами в достаточной мере, чтобы влиять на политическую жизнь острова, следовательно, понимали, что могут быть инициаторами событий, которые оставят след в истории. Н. Н. Карлина пишет, что *«моделируя свою собственную жизнь и судьбы своих героев, В. Аксёнов вводил мушкетёрский тип поведения в свой текст для романтической мотивировки»* [14, с. 99]. Поведение одноклассников Лучникова можно отнести к мушкетерскому типу: они дружат с детства, причём их дружеский союз является скорее братством, основанном на единстве принципов и взглядов, это интеллигентные, порядочные люди, руководствующиеся гуманистическими ценностями, в частности стремлением к справедливости, достижение которой им видится в присоединении Крыма к СССР. Тем не менее на очередной встрече *«перед камином в пентхаузе»* Лучникова они, помимо прочего, обсуждали, *«как лучше унизить молодёжь, агрессивных и ярких «Яки-Туган-Фьюча», и граф Новосильцев сказал: «Можете не сомневаться, я сделаю всю эту мелюзгу на обычных «жигулях»* [5, с. 232]. Далее следует текст: *«Довольный эффектом, он допил до дна бокал и покивал небрежно друзьям, не забыв метнуть случайный взгляд и к Таниной верхотуре. Да-да, он сделает их всех, и своих, и иностранных «пупсиков», на «наших» (он подчеркнул) обыкновенных советских «жигулях» модели «06»* [5, с. 232]. Очевиден контраст между представителями московской власти, ощущавшими в себе рабов и жившими в парализующем страхе, делавшем их неспособными к суждениям и действиям без оглядки на вышестоящих партийных работников, и представителями аристократии Крыма, лелеявшими в себе богов и воспринимавшими серьёзные политические процессы, как игру, как повод продемонстрировать собственную уникальность и предаться самолюбованию. Именно поэтому Татьяна Лунина думала об одноклассниках Андрея с раздражением – *«супермены вшивые»* [5, с. 231]. Исследователи О. Ю. Осьмухина и Г. А. Махрова приходят к выводу: *«Примечательно, что, в общем-то, взяв в основу романа формулу «что было бы, если...», прозаик подчеркивает, что история развивается в соответствии со своими внутренними законами, при этом любое допущение в прошлом*

может отсрочить, но ни в коем случае не изменить тех или иных событий» [15, с. 52].

Амбивалентность женских образов в романистике В. П. Аксёнова

Для раскрытия характера главного героя и развития сюжета в романах В. Аксёнова важно наличие любовной линии, реализуемой введением в текст женщины-музы: в романе «Ожог» это Алиса Фокусова, в романе «Остров Крым» — Татьяна Лунина. Автор даёт Алисе следующие портретные характеристики: *«Эту женщину с её быстрым и лукавым взглядом, с её ртом, то горьким, то дерзким, с её шалой гривой рыжих волос, эту штуку из десятка нынешних московских красавиц он признал сразу»* [13, с. 54], *«Прежде она была образом гулящей и хитрой, коррумпированной, «выездной»* [13, с. 411], кроме того автор сообщает, что Алиса замужем за знаменитым конструктором тягачей, но всё же окружена любовниками. Татьяна Лунина была популярной личностью: *«непревзойдённая в прошлом барьеристка — сто десять метров сумасшедших взмахов чудеснейших и вечно загорелых ног, полёт рыжей шевелюры и финишный порыв грудью к заветной ленточке»* [5, с. 52], *«Лучников увидел ту, которая поразила его десять лет назад, — лихую московскую девку, которая может и как ш<...>ха дать где-нибудь в ванной, а может и влюбить в себя на всю жизнь»* [5, с. 144], она замужем за известным десятиборцем, окружена любовниками. Алиса и Таня похожи: обе эффектные красавицы из высшего общества, не скрывают свою чувственную природу и поддаются похоти, обе замужем, но имеют любовников. Аксёновские герои-интеллигенты любят таких женщин, поэтому стремятся соединиться с ними: в «Ожоге» *«Алиса нужна была теперь Пантелею для новой, простой и трезвой жизни»* [13 с. 411], а в романе «Остров Крым» Андрей Лучников хотел увезти Таню с собой и подрался с её мужем — *«Таня, скажи ему, что ты моя»*, — попросил Лучников [5, с. 150]. Обратимся к символичности имён в романах: Фокусова – фамилия героини и эпитеты в её описании (*лукавый взгляд, гулящая, выездная*) подчёркивают фальшивость, ложность, а имя второй героини – Лунина – следует рассматривать в паре с фамилией главного героя романа «Остров Крым» – Лучниковым, которого друзья часто называли Луч. Возможно предположить, что фамилия Лунина восходит к Луне, а Лучников (Луч) – к Солнцу. Основоположник аналитической психологии Карл Юнг в своей последней работе «Таинство воссоединения» (Mysterium Coniunctionis) обратился к вопросу противоположностей, среди которых им была выделена противоположность «Солнце/Луна». При сближении Луны и Солнца наблюдается следующий феномен: сторона Луны, обращённая к Солнцу, полностью освещена, а другая погружена во мрак, то есть природа Луны – это двойственная природа. Учитывая данный факт, учёный заключил: *«Чем больше наш разум опускается до явлений, постигаемых чувством, тем больше он удаляется от умопостигаемых вещей, и наоборот»* [16, с. 32]. Вывод, сделанный Карлом Юнгом, во многом объясняет природу взаимоотношений Татьяны Луниной и Андрея Лучникова: на протяжении 10 лет они были любовниками, они отдавались своим чувствам и взаимному притяжению, потом они стали вникать в содержание жизни друг друга, и оказалось, у Татьяны есть десятилетний сын Саша, обладающий «лучниковским носом», что поразило Андрея, а Татьяна – *«не первый уже раз она гасила в себе вспыхивающее вдруг раздражение против Лучникова»* [5, с. 234]. После того, как Таню завербовали советские спецслужбы, они с Андреем физически стали намного ближе: Татьяна переехала к нему в вигвам, они проводили вместе каждую ночь, но отчуждение между ними только увеличивалось, потому что на не освещённой Солнцем стороне, то есть на той, что осталась во мраке, – несостоявшееся признание Тани о сотрудничестве со спецслужбами, о том, что она продана за крупную сумму другу его отца Бакстеру, о

том, что Востоков об этом знает и имеет на неё компромат, а Андрей в свою очередь горел, подобно *Солнцу*, идеей Союза общей судьбы.

В обоих романах любовь оборачивается катастрофой: Алиса была майором госбезопасности и донесла на Пострадавшего, а Таня донесла на Андрея, а в финале романа уехала с пожилым банкиром Фредом Бакстером и погибла. История любви, описанная в анализируемых романах, имеет много общего, особенно в части двойственности женских образов (Алисы и Татьяны), которых любит герой-интеллигент, но есть и различие: в романе «Ожог» отсутствует рефлексия Алисы, внутренние монологи, что усиливает эффект её ирреальности, а в романе «Остров Крым» широко представлен путь Татьяны от любви к Андрею к разочарованию, злости, раздражению и одиночеству, по причине которого она решилась уехать с Бакстером. В. Аксёнов отмечал, что *«весь роман – это не что иное, как огромный стих о любви Андрея и Татьяны»* [4, с. 117], но при этом писатель показывает, как одержимый своей идеей Лучников всё разрушает: *«Подонки во всём: и родных своих забыл, и любимую выбросил, и даже такая мелочь – не удосужился за все эти месяцы старого друга найти. Всё поглотила садомазохистская идея, снобизм, доведённый до абсурда»* [5, с. 318], – так думал Кузенков, друг Лучникова.

Тема доноительства в художественном пространстве романов В. П. Аксёнова

В романах В. Аксёнова широко представлено доноительство, однако писатель, как правило, в пределах одного романа выделяет несколько персонажей, особенно изощрённых в лицемерии и, часто, испытывающих вожделие по отношению к главному герою. В романе «Ожог» доносчиков крайне много: среди них гардеробщик (полковник в отставке Чепцов С. К.), поэт Л. П. Фруктозов («Силикат»), студентка Клара Хакимова и «девушка Тамара» (мл. лейтенант Фильченко) — любовницы Радия Хвастышева, и скульптор Игорь Серебро, которого Аполлинариевичи считали другом, например, Радий Хвастышев говорил о нём: *«Старый друг Игорёша — вдохновенный и порывистый пройдоха, артистичная натура», «любимец Москвы», «он искренний и нелепый и, уж во всяком случае, вдохновенный, честный»* [13, с. 253]. Находясь уже за границей, где Серебро получил политическое убежище, в интервью английскому журналисту Игорь признался, что доносил на своих товарищей – творческую интеллигенцию: *«Да, я двенадцать лет был секретным сотрудником. Если человек однажды струсит и даст подпись, они уже его не выпустят»* [13, с. 400]. В романе «Остров Крым» писатель также подчёркивает, что все друг на друга доносят, но это в большей степени касается москвичей и территорий СССР. Так, Дим Шебеко, музыкант и друг Лучникова, приходит к следующему выводу: *«А может быть, в косвенном смысле у нас каждый гражданин — стукач? Все ведь что-то делают, что-то говорят, а все ведь к ним стекается...»* [5, с. 183]. Отдельно следует выделить Юрку Игнатьева-Игнатьева — это одноклассник Лучникова, «карикатурный тип», «страшно крикливый монологист, политический экстремист» [5, с. 301], всю жизнь следующий тенью за Андреем. Он относил себя к «Молодой волчьей сотне» и был злейшим врагом Лучникова, потому что «влюблён в него» [5, с. 31]. Игнатьев-Игнатьев – антагонист Лучникова. С точки зрения Андрея, Юрка и его последователи – это «крайне правое крыло СВРП, Союза Возрождения Родины и Престола», «самые настоящие фашисты, бандюги, спекулирующие на романтике «белого движения» [5, с. 228]. Портрет Юрки не вызывает симпатии – «чрезвычайно нескладный мерин, выглядящий много старше своих лет, с отвратительной улыбкой, открывающей все дёсны и жёлтые в разнобой зубы» [5, с. 30]. Писатель создаёт, действительно,

неприятного персонажа и тем самым, с одной стороны, оттеняет маскулинность и неотразимость Андрея, с другой – его эгоизм и одержимость идеей СОС. Создавая антагониста, В. Аксёнов делает его удивительно схожим с протагонистом: Лучников является основоположником политического движения «Союз общей судьбы», Игнатъев-Игнатъев – «Молодой волчьей сотни», оба демонстрируют одержимость в достижении своих политических целей и не гнушаются сомнительными методами, ведущими к их достижению, также они не задумываются о масштабах последствий. Интересно и то, что В. Аксёнов, представляя читателю альтернативную историю, даёт своеобразную аллюзию на исторический факт: в романе Игнатъев-Игнатъев является последователем реально действующей и крайне эффективной в годы Первой мировой войны «Волчьей сотни», созданной атаманом Андреем Шкуро. Ю. Г. Хазанкович, исследуя проблему литературного архетипа «волк» в фольклоре и литературе, приходит к выводу: *«В мифологии и фольклоре волк предстает как хищник либо как Чудесный помощник человека. В литературе расширяется его ролевая функция: через мифологию в художественные тексты проникает архетип Оборотня (физическое или духовное превращение) и архетип тотемного первопредка – животного, животного-прародителя»* [17, с. 182]. Писатель в портретной характеристике и поступках Игнатъева-Игнатъева придерживается именно архетипа оборотня, а «Молодую волчью сотню» превращает в карикатуру кавалерийского отряда Шкуро. Это связано прежде всего с тем, что идеалы старшего поколения (в том числе и отца Андрея – Арсения Николаевича, чья называлась «Каховка» в память о юнкерском батальоне, в составе которого Арсений Лучников дрался в Каховке во время Гражданской войны) искажены и опорожены поколением детей в лице Андрея Лучникова и Юрки Игнатъева-Игнатъева, это осквернение, вылившееся в комплекс вины, навязываемый Андреем врэвакуантам, и все поступки Юрки как лидера «Молодой волчьей сотни», обусловленные гомосексуальным влечением к Андрею.

Проблема «детей» в образной системе героя-интеллекта

Важным для В. Аксёнова являлся тема будущего России и, следовательно, вопрос – чьими руками оно должно создаваться? Примечательно, что в романах «Ожог» и «Остров Крым» писатель показывает жизнь героя-интеллекта, не делая его счастливым семьянином и заботливым отцом. В «Ожоге» у всех Аполлинариевичей была любовная связь с Машкой Кулаго – русской француженкой, эмигранткой в третьем поколении, впоследствии ставшей леди Брудпейстер. Однако в момент, когда Геннадий Малькольмов, принимая решение о спасении умирающего «садиста», «сталиниста» Чепцова и рассуждая о том, что своё открытие, Лимфу-Д, он потратит на него, думает: *«А я жду её везде, где бы я ни был за эти годы, во всех сточных ямах, на всех склонах и виражах, и Машка моя ждёт её, таскаясь по чужим постелям в чужих городах, и дети мои её ждут, те ребята, что ещё не видели своего отца и ничего не слышали о нём...»* [13, с. 396]. В главе «ППП, или Последнее приключение пострадавшего» главный герой Пострадавший (Пострадавший – это все Аполлинариевичи, слившиеся в одного человека) рассказывает буфетнице: *«Мы встречались в течение девяти лет раз в три года. Теперь выяснилось, что Машка родила мне троих детей. Я и приехал сюда не для борьбы за мир и не для коммерции, а просто деток повидать»* [13, с. 434]. Далее по тексту Пострадавший встречается с детьми, которых воспитывает «в атлантическом духе» Мариан и её муж адмирал Брудпейстер, дети закричали: *«Шурли! Фаин! Лавли дадди!»* [13, с. 440]. Очевидно, дети русского интеллекта не владеют русским языком, не воспринимают СССР как Родину, они будут жить и строить своё будущее за границей. Сам же герой вернётся в СССР, где его арестуют.

В романе «Остров Крым» немного другая история: Андрей Лучников в молодости влюбился Марусю Джерми и женился на ней, у них родился сын Антон, однако семейная жизнь не сложилась. Роман начинается с неожиданной встречи отца с сыном в доме деда Арсения Николаевича – *«на лесенке бассейна стояло отродье Андрея Арсеньевича, его единственный сын, о котором он вот уже больше года ничего не слышал»* [5, с. 19]. Безусловно, Андрей и Антон очень рады встрече, они любят друг друга, но их семейному воссоединению мешает одержимость Андрея Идеей Общей Судьбы, из-за которой он покидает остров и отправляется в тайное путешествие, а по возвращении, как заметил Антон, они с отцом *«стали чем-то вроде политических противников»* [5, с. 274]. С этого момента началась череда трагических событий, после которых их дороги окончательно разошлись. Даже о том, что Антон женился и что скоро станет отцом, Андрей узнал случайно от подруги Антона – Кристины. О том, что скончалась его супруга и мать Антона – Маруся, он тоже не знал. Антон, несмотря на наполнявшие его нежные чувства к жене Памеле и ещё не родившемуся ребёнку, глубоко переживал потерю матери и отдаление отца: *«Мать ушла, а отец и не знает об этом, орбита его удаляется, он кружит в холодных кольцах своей подлой славы, всё дальше и дальше отлетая от меня... и от деда...»* [5, с. 334]. В конце романа Бенджамин Иванов со своей подругой, Антон с Памелой и новорождённым ребёнком, внуком Андрея, на открытом катере покидают оккупированный советскими войсками Крым, стремясь добраться до турецкого побережья. Андрея в конце романа ждёт арест.

Как мы видим, аксёновские интеллигенты — это пассионарии, поскольку служение идее/высокой цели для них первостепенно, такие личности являются творцами. По этой причине всё, что связано с созданием семьи, с семейным счастьем и воспитанием детей, как правило, не является в их жизни состоятельным и терпит крах. Детям интеллигентов высокая идея в жизни отцов видится или иллюзорной, или неоправданной в сравнении с силами, затраченными на её реализацию, поэтому они, чаще всего, не разделяют точку зрения отцов и выбирают другой жизненный путь.

Мотивная система романов В. П. Аксёнова

В произведениях русской литературы часто встречается мотив дороги, например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, «Воскресение» Л. Н. Толстого и др. Нередко дорога воспринималась как жизненный путь героя или своеобразная инициация, результатом которой становилось его преобразование, прозрение. Так, В. Г. Андреева отмечает, что *«на эпической дороге характерны прозрения, связанные с народной жизнью, осмыслением широты души простого русского человека»* [18, с. 17]. Вместе с тем дорога в художественном тексте может представлять именно движение героя в пространстве, с сопутствующими этому перипетиями и случайными встречами. Т. С. Кокоева отмечает, что на дороге *«своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются»* [19, с. 463]. Заметим, как в романе «Ожог», так и в романе «Остров Крым» главные герои отправляются в путешествие: в «Ожоге» основное место действия – Москва, однако писатель расширяет пространство текста, и читатель вслед за героями оказывается в джунглях Катанги, в Ялте, Магадане, Риме, Париже, графстве Сассекс. В романе «Остров Крым» Лучников отправляется в тайное путешествие по глубинке России, но в итоге оказывается в Карелии и незаконно пересекает границу, попадая в Стокгольм. Стоит обратить внимание на то, что путешествия обоих героев наполнены приключениями и случайными

людьми, а сами герои принимают нетипичный для них вид: Андрей Лучников – «*был одет во всё советское <...> Рыжих его сногшибательных усов не видно, потому что весь по глаза зарос этой рыжей с клочками седины щетиной. Смеялся, веселый, как чёрт*» [5, с. 214], Аполлинариевичи – «*Мужчина в маске был не юн, небрит, нетрезв и небогат, о чем свидетельствовали хотя бы трехрублевые белые тапочки, правда совсем новые. Но было в нем нечто таинственное, это был, конечно же, некий «таинственный в ночи»*» [13, с. 174]. В. Аксёнов, следуя традиции классиков XIX века, через мотив дороги раскрывает жизнь народа и государства. Писатель, благодаря мотиву дороги, с одной стороны, ввёл новых героев в повествование (генерал Чувиков, музыкант Шебеко, тромбонист Бен-Иван и др.) и тем самым представил советского человека в массе – немного нелепого, сентиментального и всегда оригинального, непременно имеющего убеждения, с другой – иронично показал инициацию Аполлинариевичей и Лучникова, для которых путешествие стало чередой препятствий с выходом в «чужое» пространство: для Лучникова это советская глубинка, для Аполлинариевичей – Ялта. В обоих романах писатель использует бинарные оппозиции «своё – чужое», создающие очевидный контраст между жизнью в СССР и за его пределами. Кроме того, исследователь А. И. Куприянова отмечает: «*Ничем не ограниченное, незамкнутое пространство передвижения открыто всем героям В. Аксёнова, но вместе с этим для некоторых из них, как, например, для Павла Дурова («Поиски жанра»), путешествие — это «бесконечный бег», а кольцевая структура романа «Ожог» отражает вынужденный путь героев в замкнутом кругу*» [20, с. 8].

Философ Н. А. Бердяев и вслед за ним учёные А. В. Старыгина и Е. Н. Вагнер сходились во мнении, что эсхатологизм является свойством русского национального сознания и влияет как на литературу, так и на всю русскую культуру в целом. Е. Н. Вагнер, отмечала, что «*наиболее остро апокалиптическое чувство проявляется в культуре переходных периодов (эпоха церковного раскола, крушение Российской империи, распад Советского Союза и менее значительные события – войны, нумерологические рубежи и т.д.)*» [21, с. 90]. В этой связи важно сказать, что в обоих романах В. Аксёнова особое место занимает крушение Российской империи и ввод войск в Чехословакию; кроме того, романы создавались в период застоя, поэтому в них нашёл отражение кризис конца 1970-х годов, охвативший разные сферы жизни советского общества. «Ожог» и «Остров Крым» заканчиваются тем, что главные герои приходят к «диалогу с Богом» и всё замирает, точно в ожидании чего-то. В романе «Ожог» видим следующие строки: «*Всё затихло тут на какое-то единственное, полное пронзительной надежды мгновение, и затем из-за гор донеслось до нас печальное слово:*

– *Бог не карает, и сила его не во власти. Бог – это только добро и только любовь и никогда не зло. <...> но Бог посылает тебе мысль о себе, и это надежда. Ждите, как все, кто ждёт Его Сына, ждите и мо...*» [13, с. 488]. Потом всё резко оборвалось, растворилось в черноте, поехали машины. «*Мгновенная и оглушительная тишина опустилась на Москву, и в тишине этой трепетали миллионы душ, но не от страха, а от Близости встречи, от неназванного чувства*» [13, с. 490]. В финале романа «Остров Крым» Лучников приехал в храм Святого Владимира, чтобы отпеть и похоронить Кристину Парслей. Последняя глава романа изобилует трагическими событиями, которые Андрей не в силах принять – он хохочет, говорит о том, что всё происходящее – это киносъёмки, затеянные Октопусом, потом лихорадочно задаёт вопросы отцу Леониду, но тот не отвечает на них прямо, а читает Евангелие от Матфея: «*Где будет труп, там соберутся орлы...и многие лжепророки предстанут и прельстят многих...претерпевший же до конца спасется...бодрствуйте, ибо не*

знаете, в который час Господь ваш придет» [5, с. 372]. В это время за осколком мраморной колонны находился тревожный полковник Сергеев (именно он завербовал Татьяну, чтобы она доносила на Лучникова), который посмотрел на циферблат своих часов – «Вдруг что-то случилось с современным механизмом: стрелки, секундная, минутная и часовая, закрутились с невероятной скоростью, словно в бессмысленной гонке, а в рамке дней недели стало выскакивать: понедельник, вторник, среда...» [5, с. 372]. Как мы видим, заключительные сцены в обоих романах В. Аксёнова схожи: главные герои обращаются к слову Божьему, при этом финал романов проникнут апокалиптическим настроением, что в полной мере соответствует художественной идее «Ожога» и «Острова Крым». В романе «Ожог» автор создаёт картины жизни советского атеистического государства: дефицит, пьянство, доноительство – «ВСЮ НОЧЬ ШЕПТАЛИСЬ СТУКАЧИ// И СТУКОТУ ПИСАЛИ» [13, с.160], лицемерие, бюрократизм – всё это точно театр абсурда, и главный герой пытается бежать, но это бег по кругу, и последняя попытка скрыться заканчивается его арестом. Притом писатель помещает Пострадавшего на один из перекрёстков центра Москвы, сквозь который каждый час проходит по пятнадцать тысяч машин. В. Аксёнов описывает лишь машины и звуки, издаваемые ими, он обезличивает пространство, делает его механизированным, безразличным ко всему, лишает лица и эмоциональности. Создаётся ощущение, что это апогей бессмысленности жизни: повсюду ложь, отчуждённость, предательство, человеческие связи нарушены, духовные ценности попорчены – следовательно, человечество дошло до того момента, когда «должно было возникнуть Ожидаемое» [13, с. 490]. Последние страницы романа «Остров Крым» не менее драматичны. На протяжении всего повествования писатель изображает капиталистическое общество врэвакуантов, наполненное свободой, изобилием, роскошью: «Всего полно, в карманах масса денег, все простиитуируют и ждут наслаждений. Погибающий мир...» [5, с. 217], «где и воздух сам – сплошная порнография» [5, с. 223]. Главный герой – Лучников – наделён аристократическим происхождением, привлекательной внешностью, умом и деньгами. Кажется, привыкнув к достатку и мировой известности, он уподобляется лжепророку, культивируя идею СОС. По мере популяризации СОС Андрей рвёт отношения с друзьями, теряет любимую женщину, и даже гибель Кристины Парслей в контексте СОС выглядит как жертвоприношение. В заключительном эпизоде романа, когда Андрей молится в храме, а остров захвачен войсками СССР, писатель вновь вводит в повествование механизм – часы. С одной стороны, они символизируют течение времени, которое невозможно остановить или изменить, как невозможно исправить всё содеянное Андреем и вернуть его погибших друзей и отца, с другой – быстротечность времени и смерть, это касается разворачивающейся экспансии СССР и приближающегося ареста Андрея. Е. Н. Вагнер выделяет два сценария эсхатологического мифа – охватившая весь мир катастрофа и апокалипсис в душе самой личности, однако «оба смыкаются в том случае, если герой литературного произведения оказывается изоморфен городу, стране или миру, которые являются координатами "всеобщности"» [21, с. 92]. В романах В. Аксёнова главные герои выступают воплощением судьбы целого поколения интеллигенции, которая является «двигателем» развития всего государства, поэтому видится обоснованной изоморфность аксёновских героев-интеллигентов стране.

Заключение

Герои-интеллигенты в произведениях В. Аксёнова — это прежде всего современники писателя и отчасти сам автор; они склонны к глубокому анализу действительности, способны к созиданию, миролюбивые, сострадательные, честные люди. Романы «Ожог» и

«Остров Крым» имеют мифопоэтическую основу, включающую отдельные образы, ситуации и характеристики. Так, персонажей — Пострадавшего (Аполлинариевичей) и Андрея Лучникова — писатель связывает с *Аполлоном* — богом света, покровителем искусств, предсказателем будущего, богом-врачевателем: герои «Ожога» имеют отчество *Аполлинариевич*, а у героя романа «Остров Крым» фамилия *Лучников* (друзья называют его *Луч*). Таким образом писатель подчёркивает миссию творца в каждом из них: музыкант, учёный, доктор, скульптор, писатель, редактор – всё это герои-интеллигенты В. Аксёнова, любящие свою страну, её культуру, и стремящиеся быть полезными людям и государству. Также аксёновских интеллигентов объединяет стремление к свободе и самоидентификации, поэтому они движутся в пространстве, то есть находятся в пути. Кроме того, посредством мотива пути реализуется ироничная инициация главных героев. Для каждого из них важна любовь, как источник вдохновения и силы: в романах развёртывается драматичная любовная линия, поскольку герой-интеллигент влюбляется не столько в саму женщину, которая становится его музой, сколько в её образ, что неизбежно ведёт к несчастью — предательству со стороны любимой женщины. Тема предательства раскрывается также ввиду того, что писатель включает в систему персонажей множество доносчиков, тем самым показывает доноительство как особенность советского времени, как инструмент контроля общества в руках власти, как личную трагедию в жизни интеллигенции. Герои-интеллигенты В. Аксёнова — пассионарные личности, выбирающие служение высшей идее вместо личного или общественного счастья, в результате между ними и их детьми образуется пропасть, вследствие чего детям кажутся иллюзорными идеи отцов, поэтому они выбирают другой жизненный путь. Эсхатологический мотив важен для интерпретации романов, поскольку в них писатель создаёт погибающее общество: в романе «Ожог» государство обречено, потому что тотальный контроль и подавление личности ведёт к уничтожению мыслящей интеллигенции и формированию общества рабов, неспособных на самостоятельные мысли и смелые открытия, в романе «Остров Крым» неограниченная свобода ведёт к безнравственности и распущенности, а также к тому, что каждый считает себя если не Богом, то, по крайней мере, пророком — одним словом, утрата духовных ценностей в обществе есть путь к его неминуемой гибели.

Библиография

1. Пономарев Е. Р. Соцреализм карнавальный. Василий Аксенов как зеркало советской идеологии // Звезда. 2001. № 4. С. 213-220. EDN: YNBQVZ.
2. Шиновников И. П. Элементы диалогических карнавализованных жанров в повести В. П. Аксёнова "Коллеги" // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (13). С. 43-46. EDN: KZPAZJ.
3. Петров Д. П. Аксенов / Дмитрий Петров. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 440 [8] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1361).
4. Аксёнов В. П. Край недоступных фудзиям / Василий Аксенов. – М.: Вагриус, 2007. – 304 с.
5. Аксёнов В. Остров Крым; В поисках жанра; Золотая наша Железка: роман, повести / Василий Аксёнов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2003. – 704 с. – (Русская литература. Большие книги).
6. Осьмухина О. Ю., Кадеева Р. А. Специфика авторской стратегии романа В. П. Аксёнова "В поисках жанра" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 1. С. 53-58. DOI: 10.30853/phil20220745. EDN: LUEQRB.
7. Барруэло Гонзалез Е. Ю. Роман В. П. Аксенова "Московская сага". Проблема жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Елена Юрьевна Барруэло Гонзалез. – СПб., 2009. – 184 с. EDN: NQPXFR.

8. Аксёнов Василий. Ловите голубиную почту... Письма (1940-1990 гг.) / Сост. В. М. Есипов. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 464 с. (Письма писателей).
9. Аксенов В. Десятилетие клеветы (радиодневник писателя). – М.: Изографус, Эксмо, 2004. – 416 с.
10. Солдаткина Я. В. Сюжет "конца света" в русской прозе XX-XXI вв. глазами героя-интеллекта: социальное, фантастическое и аксиологическое // Новый филологический вестник. 2021. № 3(58). С. 287-297. DOI: 10.54770/20729316_2021_3_287. EDN: ERKPDN.
11. Мурзин Н. Н. Отвергнутый бог: Аполлон от греков и до наших дней // Vox. Философский журнал. 2017. Выпуск 23 (декабрь). С. 141-174. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00022. EDN: YMDFKK.
12. Ульянова А. В. Образ Мариан Кулаго в контексте темы России в романе В. П. Аксёнова "Ожог" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 4. С. 1000-1007. DOI: 10.30853/phil20230167. EDN: RUHTKR.
13. Аксенов В. П. Ожог. – М.: Изограф; Эксмо-Пресс, 1999. – 496 с.
14. Карлина Н. Н. Мушкетерство как тип мужского поведения в романах Василия Аксёнова // Гендерная проблематика в современной литературе. 2010. С. 96-110. EDN: MXAQVR.
15. Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А. Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х 2000-х гг.) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 4. С. 50-58. EDN: RRQGQR.
16. Юнг К. Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения / Пер. А. А. Спектор. – Мн.: ООО "Харвест", 2003. – 576 с.
17. Хазанкович Ю. Г. Архетип "волка" в фольклоре и литературе // Вестник ТГУ. 2009. Выпуск 4 (72). С. 177-183.
18. Андреева В. Г. Мотив пути и образ путешественника в романе Л. Н. Толстого "Воскресение" // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 17-26. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-17-26. EDN: NCLIJ0.
19. Кокоева Т. С. Мотив дороги в русской литературе // Бюллетень науки и практики. 2024. № 10. С. 460-466. DOI: 10.33619/2414-2948/107/59. EDN: RFKMCU.
20. Куприянова А. И. Мотив пути в прозе В. П. Аксёнова 1960-1970-х гг.: автореф. дис. кан. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 24 с. EDN: NIYKCR.
21. Вагнер Е. Н. Эсхатологический миф в русской постмодернистской литературе // Культура и текст. 2005. № 8. С. 90-98. EDN: OZZJH.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает мифопоэтическое мировосприятие советской интеллигенции в романистике В. П. Аксёнова 1970-х годов. Материалом исследования послужили романы «Ожог» и «Остров Крым». Актуальность работы определяется научным интересом к феномену Василия Павловича Аксёнова, «одного из самых ярких писателей второй половины XX века, символа 1960-х годов – «шестидесятника», наравне с поэтами «большой четвёрки», а также сценариста, переводчика, педагога».

Теоретической базой научной работы послужили фундаментальные и актуальные труды российских исследователей, посвященные эсхатологическому мифу в русской постмодернистской литературе; различным аспектам творчества В. П. Аксёнова:

специфике авторской стратегии, элементам диалогических карнавализованных жанров, мотиву пути в русской литературе и в прозе В. П. Аксёнова и др. Библиография составляет 21 источник, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, социокультурный и художественный анализ, литературоведческий и текстуально-герменевтический анализ произведения, культурно-исторический метод, методы дискурсивного и когнитивного анализа.

В ходе исследования проведен качественный анализ изучаемой проблематики: подробно рассмотрена специфика образа интеллигента в романистике В. П. Аксёнова; амбивалентность женских образов автора; тема доношительства в художественном пространстве романов Аксёнова; проблема «детей» в образной системе героя-интеллигента; мотивная система романов В. П. Аксёнова, позволивший автору(ам) сделать вывод о том, что «герои-интеллигенты в произведениях В. Аксёнова — это прежде всего современники писателя и отчасти сам автор; они склонны к глубокому анализу действительности, способны к созиданию, миролюбивые, сострадательные, честные люди», «аксёновских интеллигентов объединяет стремление к свободе и самоидентификации, поэтому они движутся в пространстве, то есть находятся в пути», «герои-интеллигенты В. Аксёнова — пассионарные личности, выбирающие служение высшей идее вместо личного или общественного счастья, в результате между ними и их детьми образуется пропасть, вследствие чего детям кажутся иллюзорными идеи отцов, поэтому они выбирают другой жизненный путь» и др.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение и интерпретацию мировосприятия советской интеллигенции в произведениях В. П. Аксёнова, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, творчеству В. П. Аксёнова и др.

Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения четкая. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зубов М.Д. Специфика синтаксического выражения семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74870 EDN: SCEEDF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74870

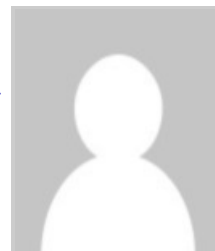
Специфика синтаксического выражения семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка

Зубов Максим Дмитриевич

преподаватель; кафедра испанского языка и перевода; Московский государственный лингвистический университет
аспирант; кафедра испанского языка и перевода; Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, Москва, г. Москва, ул. Остоженка, 38, ауд. 115

✉ zuboffmaksim@yandex.ru

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74870

EDN:

SCEEDF

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2025

Дата публикации:

20-06-2025

Аннотация: Предметом исследования данной научной статьи являются синтаксические средства выражения ядерной семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка на фоне сопоставления с современным нормативным испанским языком. Автор уделяет особое внимание практическому применению последовательного механизма определения и презентации средств вербализации рассматриваемой категории путем их описания специализированными схемами в соответствии с «Теорией функционального синтаксиса» А.Мустайоки. Цель исследования – выявить расхождения в способах языкового выражения анализируемого поля посессивности в андском диалекте и современном нормативном испанском языке путем проведения сопоставительного анализа их глубинных (семантических) и

поверхностных (синтаксических) структур. Установление подобных отличий станет основой для анализа факторов формирования отклоняющихся синтаксических конструкций в рамках андского диалекта, а также рассмотрения различных вариантов их узуса. Для осуществления сравнительного обзора синтаксических конструкций автором исследования были отобраны примеры из нескольких корпусов испанского языка, испаноязычных средств массовой коммуникации, а также корпусов, представленных в различных научных исследованиях, посвященных синтаксису андского диалекта испанского языка. Общий объем материала составил 1500 единиц. Новизна настоящего исследования обусловлена тем, что в нем впервые был произведен функционально-синтаксический анализ семантической категории со значением «Обладание», а также осуществлено сопоставительное изучение как глубинных, так и поверхностных структур ее вербального воплощения на примере андского диалекта и современного нормативного испанского языка. Автор исследования пришел к следующим выводам: 1) в рамках синтаксических структур посессивности андского диалекта испанский язык может адаптировать несвойственный для него базовый порядок слов, что обусловлено влиянием индейских языков кечуа и аймара; 2) в рамках простых притяжательных конструкций андского диалекта агглютинативные аффиксы калькируются в испанский язык в виде предлогов и притяжательных местоимений, что создает такой феномен синтаксического уровня, как «двойная посессия»; 3) отклоняющиеся от нормы синтаксические конструкции могут представлять собой не только предмет нейтральной языковой традиции, но и обладают прагматическим, коммуникативным и дискурсивным потенциалом.

Ключевые слова:

ядерная семантическая структура, обладание, посессивность, функциональная лингвистика, функционально-семантический синтаксис, функционально-синтаксический анализ, сопоставительный анализ, андский диалект, испанский язык, ономасиологический подход

Введение

Немало исследователей занимались и продолжают заниматься изучением особенностей синтаксиса андского диалекта испанского языка (А.Эскобар, Р.Серрон, Г.Гранда, И.Поззи-Эскот, Г.Мерма, Х.Родригес и др.), однако в абсолютном большинстве работ, посвященных данной теме, для описания синтаксического оформления диалекта используется формально-структурный подход. В то же время у лингвистов набирает популярность относительно новый, разработанный по большей части во второй половине XX века, ономасиологический подход к изучению одновременно и глубинного (семантического), и поверхностного (синтаксического) уровней языка. В связи с этим нами было принято решение совершить попытку описания специфики синтаксического устройства андского диалекта испанского языка в контексте рассмотрения ядерной семантической структуры со значением «Обладание», опираясь именно на концепцию исследования лингвистических явлений по направлению «от значения к форме».

Под андским диалектом в настоящем исследовании мы понимаем разновидность испанского языка, распространенную в горных регионах Южной Америки (Анды), простирающихся от северо-запада Аргентины до самого юго-запада Колумбии. На этой территории изначально располагалась империя инков, где основным языком коммуникации был кечуа, после пришествия испанцев ставший языком миссионерства.

Таким образом, уже более 450 лет на одном пространстве сосуществуют испанский язык и языки кечуа и аймара, которые находятся в постоянном и тесном контакте, что и обусловило появление рассматриваемого диалекта, явившегося результатом многочисленных и сложных интерференций [\[1, с. 15-16\]](#)

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что различия в области функционально-семантического синтаксиса в национальных и диалектных вариантах испанского языка практически не изучены и требуют более детального рассмотрения. Исследования в рамках испанистики проявляют в настоящее время большой интерес к изучению специфики национальных и диалектных вариантов испанского языка: одна из ведущих ученых в области диалектологии Н.Ф. Михеева отмечает, что «в отечественной испанистике специальное изучение отдельных диалектов только начинается» [\[2, с. 23\]](#).

Цель настоящего исследования – идентифицировать синтаксические структуры андского диалекта испанского языка, отклоняющиеся от общеиспанской нормы, чтобы затем произвести сопоставительный обзор отличающихся глубинных и поверхностных структур для анализа факторов их формирования и особенностей функционирования в языке.

В соответствии с поставленной целью определяем следующие задачи: дать определение семантической структуре со значением «Обладание», обозначить ее границы, а также проанализировать глубинные и поверхностные структуры современного нормативного испанского языка (*español estándar*), принятого Королевской академией испанского языка (*Real Academia Española*) и служащего в качестве базового нейтрального варианта в нашем исследовании, для выявления регулярных и нейтральных основных видов синтаксических реализаций в рамках рассматриваемого семантического поля для последующего их применения при сопоставительном анализе со структурами, используемыми в андском диалекте испанского языка.

В рамках выполнения поставленных нами задач для отбора репрезентативных примеров из различных контекстов применялся лексико-грамматический поиск на базе нескольких корпусов испанского языка (*Corpus de Referencia del español Actual (CREA)*, *Corpus Diacrónico del español (CORDE)*, *Corpus del Español del siglo XXI (CORPES XXI)*) и испаноязычных источников средств массовой коммуникации, а также были использованы корпусы из исследований различных ученых, занимающихся проблематикой андского диалекта испанского языка. Общий объем репрезентативного материала составил 1500 примеров: современного нормативного испанского языка – 1000 единиц, андского испанского – 500.

В настоящей статье мы прибегаем к целому ряду методов, а именно: методу контролируемого отбора, методу описания, контекстуально-семантическому и функциональному видам анализа, методу дефиниционного анализа, сопоставительному методу, обобщению и методу теоретического анализа и синтеза.

Также представляется важным оговориться, что концептуальную основу нашего исследования составляет «Теория функционального синтаксиса» А.Мустайоки, основной особенностью которой в деле изучения языка является упомянутое выше направление лингвистического описания «от значения к форме» (от семантических структур к языковым средствам выражения) или также известный как ономаσιологический подход [\[3\]](#). Соответственно, определение семантической структуры со значением «Обладание» было взято из таких работ упомянутого ученого, как «Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам» и «Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов», и используется нами по умолчанию в

рамках единой концепции.

В то же время не можем не отметить, что выбор семантической структуры со значением «Обладание» является отнюдь не случайным и обусловлен тем, что именно данное поле представляется одним из наиболее нейтральных и универсальных для всех языков или разновидностей одного языка (национальных и диалектных) ввиду того, что без понятия посессивности не может существовать и функционировать ни один естественный язык.

Наконец, считаем целесообразным заметить, что используемые в данной и следующей главе схемы описания глубинных и поверхностных структур позаимствованы нами у самого А.Мустайоки из работ «Теория функционального синтаксиса от семантических структур к языковым средствам» [3] и «Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов» [4]. Каждый элемент глубинной структуры будет отделяться от другого квадратными скобками и помечаться малыми буквами (например, О – объект, Ps – предикат обладания, Р – посессор), а конstituенты поверхностной структуры будут выражены сокращениями (по типу Сущ. – существительное и т.п.)

Основные средства выражения семантической структуры со значением «Обладание» в современном нормативном испанском языке

А.Мустайоки определяет обладание (Ps) как «нахождение объекта во владении или распоряжении субъекта» [4, с. 127]. Предикат обладания должен отвечать на вопрос «Что имеет Х?» или «У кого находится Y?». Основные элементы данной ядерной семантической структуры представлены глубинным предикатом обладания (Ps), субъектом-посессором (Р) и объектом обладания (О) [4, с. 127]. Кроме этого, как дополнительный элемент порой будет фигурировать локализатор (L).

Предикаты Обладания не локализованы во времени: посессор может обладать объектом постоянно, длительное время или ограниченный период времени [4, с. 127].

Все основные средства выражения обладания А.Мустайоки делит на два типа: а) «конструкции, ориентированные на субъект обладания» и б) «конструкции, ориентированные на объект обладания» [4 с. 128-130]. Это обусловлено тем, что посессор может быть как подлежащим (субъектом), так и дополнением (объектом). Рассмотрим реализации данной семантической структуры на глубинном и поверхностном уровнях в рамках современного нормативного испанского языка.

А) «Конструкции, ориентированные на субъект обладания»

Очевидно, что первыми в данном случае будут посессивные конструкции, выраженные существительным или местоимением в качестве посессоров с глаголами или глагольными сочетаниями обладания, владения (в том числе временного) (*tener, poseer, disponer de, contar con, tener a (en) disposición, alquilar, llevar, traer, mantener* и др.). Объект обладания также выражается или существительным, или местоимением:

· *...asegura el portavoz del PP, Esteban González Pons, "porque mientras **el Grupo Mixto tiene un coche** para cinco senadores, en el PP sólo tenemos uno para 150". (La Razón. 03.12.2001)*

· *En el fondo reconoces que ella es la responsable. A fin de cuentas, **ella posee el manuscrito**. Estás en su casa. (Jorge Volpi. Días de ira)*

· *También **[él] se dispone de un botón de manos libres** para hablar por el micrófono del*

equipo... (El Tiempo. 13.09.1996)

Схема подобной конструкции представляется следующей:

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл. облад.]_{РS} + [Сущ./Мест.]_О

Также добавим, что подобная конструкция может быть дополнена компонентом (локализатором), уточняющим местоположение объекта, которым владеет посессор:

· ***La casa Opelle ha regalado coches y tiene una casa en las afueras de París, donde escucha canciones... (El País. 02.12.1987)***

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл. облад.]_{РS} + [Сущ./Мест.]_О + ([Где])_Л

Кроме этого, объект в виде прямого дополнения в посессии может выражаться в испанском через местоимение:

· ***... el que lo tiene en caja de ahorro se lo quiere llevar. (El País. 17.07.2001)***

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Мест.]_О + [Гл. облад.]_{РS} + ([Где])_Л

Отметим, что посессор в роли субъекта обладания в испанском языке может опускаться, и это является вполне нормативной и регулярной практикой.

Однако кроме глаголов обладания и владения к приведенной выше схеме могут относиться и конструкции «начала и конца обладания». Ситуация обладания может меняться, посессор может переставать быть обладателем объекта или, напротив, становиться им. В связи с этим А.Мустайоки дает классификацию подобного положения дел. Он пишет, что посессор может становиться обладателем предмета в случаях [\[4, с. 134-137\]](#).

1. компенсированного (не)обладания. В испанском языке в этом случае предикат будут выражать следующие глаголы (также могут фигурировать глагольные сочетания): *comprar, adquirir, vender, ganar, intercambiar, permutar, ocupar, prestar* и др.
2. некомпенсированного (не)обладания: *tomar, dar, entregar, transferir, regalar, encontrar, obtener, devolver, recibir, apropiarse, pedir, otorgar* и др.
3. обладания предметом в результате накопления: *acumular, ahorrar, amasar, almacenar, guardar* и др.
4. отчуждения предмета: *quitar, arrebatarse, capturar, conquistar, confiscar, robar, hurtar, apoderarse* и др.

В большинстве случаев употребления конструкции со значением «начала и конца обладания» схема будет следующей:

[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл.]_{РS} + [Сущ./Мест.]_О

Также в испанском языке существуют конструкции, в рамках которых глагол «*ser*» или иной подобный глагол, как, например, «*representar*», «*consituir*» и др., сопровождается существительными со значением обладания, владения (*dueño, propietario, accionista, poseedor, titular, arrendatario, inquilino* и др.):

· ***... es un personaje muy conocido en porque es el dueño de un restaurant de la zona... (El Universal. 21.01.1997)***

· **Auggie es el propietario de un estanco en Brooklyn**, especie de ghetto al que acuden subversivos practicantes de un vicio hoy tan mal visto y perseguido en EE.UU...(La Vanguardia. 16.11.1995)

[(Сущ./Мест.)]_P + [Гл._{ser} + Сущ._{облад.}]_{Ps} + [de + Сущ]_O + ([Где]_L)

Кроме этого, представляется важным оговориться, что «обладание, ориентированное на субъект» также может выражаться и локативными конструкциями, состоящих из локализатора, глагола «haber» и самого объекта обладания, а посессором в данном случае выступает локализуемое место или пространство:

· *En esa suerte de comisaría hay un patio, el patio número 3, donde se hacinan los presos que...* (La Voz del Sur. 02.09.2024)

Сложность отнесения конструкций данного типа к семантическому полю обладания зачастую осложняется тем, что многие локативные предложения с глаголом «haber» скорее будут отнесены к семантической структуре со значением «Существование», поскольку, как сам пишет автор концепции, обладание может трактоваться как подкатегория существования, но выносится им в отдельный тип ядерных семантических структур ввиду особого значения посессивности в языке [3, с. 226]. Для отнесения таких конструкций к полю обладания необходимо, чтобы на первый план выходило именно значение принадлежности, как в приведенном выше примере. Напротив, если в предложении описывается ситуация, например, «*En la Universidad hay un professor que...*», то, очевидно, что подобное высказывание не выражает посессивности, а именно существование или что-то иное, определяющееся окружающим контекстом.

Б) «Конструкции, ориентированные на объект обладания»

В случае с «конструкциями, ориентированными на объект обладания» одной из наиболее продуктивных является схема, в рамках которой объект, выраженный существительным или местоимением, согласуется с глаголом «ser», а посессор реализуется через предлог «de», одной из главных функций которого является именно выражение принадлежности, например:

· *Porque yo siempre digo que **esta casa es de todos** y para todos los españoles: de fontaneros, albañiles, toreros, periodistas...* (Cambio 16. 01.10.1990)

[(Сущ./Мест.)]_O + [Гл._{ser}]_{Ps} + [de + (Сущ./Мест.)]_P

Кроме этого, довольно частотными представляются конструкции с тем же глаголом «ser», однако в данном случае посессор выражается притяжательным прилагательным, имеющим в своем значении отношение к какому-то субъекту (*estatal, público, privado, campestre, cervantino* и т.п.), например:

· *... pero como **esta entidad es estatal** y también estará en paro, los cadáveres deberán permanecer en las neveras de los hospitales hasta que se pueda hacer este procedimiento.* (El Tiempo. 11.02.1997)

· **Mi escuela es privada**, pero en ella puede entrar todo el niño que quiere aprender baile, sin problemas... (El Tiempo. 16.07.1990)

[(Сущ./Мест.)]_O + [Гл._{ser}]_{Ps} + [Прил.]_P

Более того, существует схожая конструкция, однако вместо существительного в ней посессор выражен простым притяжательным местоимением вместе с существительным или же отдельным абсолютным притяжательным местоимением:

· *Ésta es nuestra casa, ésta es nuestra ciudad, somos de aquí, no recordamos haber vivido nunca en otra parte.* (Arturo Uslar Pietri. *La visita en el tiempo*)

· *...La selección española es la nuestra", dijo. El mundo del ciclismo no está al margen.* (Última Hora Digital. 03.06.2004)

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл_{ser}]_{Ps} + [Мест.притяж. + Сущ.]_Р

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл_{ser}]_{Ps} + [Мест.абсолютн.]_Р

Также распространены конструкции, в рамках которых предикат обладания выражается глаголом «ser» (или другим подобным глаголом) и существительным со значением обладания, владения (*propiedad, posesión* и т.п.), например:

· *Es la propiedad del autor de una canción, de un poema, de una novela que, aunque no sea dueño del disco...* (Lima Gris. 08.04.2020)

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл_{ser} + Сущ.облад.]_{Ps} + [de + Сущ/Мест.]_Р

Кроме этого, встречаются конструкции с глаголом принадлежности «*pertenecer*» и иными подобными:

Haití pertenece a los haitianos y la solución corresponde a los haitianos... (El Mundo. 26.05.1994)

[(Сущ./Мест.)]_О + [Гл.принадл.]_{Ps} + [Сущ/Мест.]_Р

В) Простые притяжательные конструкции

Кроме вышеупомянутых двух крупных групп конструкций, определенных А.Мустайоки, представляется утилитарным в интересах целей нашей работы и проведения последующего сопоставительного анализа ввести дополнительную – «простые притяжательные конструкции». К подобным будут относиться не полноценные конструкции с семантикой обладания, а словосочетания (синтагматические конструкции), которые зачастую вписаны в предложения с предикатами иных видов, но все же сохраняющие внутреннее значение посессивности. А.Мустайоки называет их посессивными конструкциями «в качестве погруженного элемента в атрибутивной позиции» [\[3, с. 228\]](#). Рассмотрим, какое воплощение находят подобного рода притяжательные конструкции в испанском языке.

В первую очередь речь идет о различных типах притяжательных местоимениях, согласующихся с существительными, например:

· *Quienes me conocen saben que me rijo por **mi** propio **criterio**, como demuestra **mi** libro sobre cine fantástico.* (La Vanguardia. 02.02.1995)

· *... esta nueva **casa suya** sería tan grande y lujosa como el palacio del rey.* (Jesús Torbado. *El peregrino*)

[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О

[Сущ]О + [Мест.притяж.]Р

Также фигурируют, как и отмечалось выше, прилагательные, имеющие в своем значении отношение к какому-то субъекту (*estatal, público, privado, campestre, cervantino* и т.п.):

· *¿No se arrepiente de los años dedicados a la **universidad pública**?* (*La Vanguardia*. 14.04.1994)

[Сущ]О + [Прил.]Р

Наконец, притяжательная конструкция, в рамках которой отношение принадлежности объекта посессору выражается через предлог «*de*»:

· *Es la **propiedad del autor** de una canción, de un poema...* (*Lima Gris*. 08.04.2020)

[Сущ]О+ [de + Сущ./Мест.]Р

А.Мустайоки верно оговаривается, что подобные конструкции не стоит путать с теми, которые выражают не обладание, а объектно-субъектные функции [3, с. 228], например: ***La muerte de la abuela Florinda*** *supuso un durísimo golpe para Conchi Gladys* (*Alfonso Ussía. Tratado de las buenas maneras II*).

Нет сомнений, что в испанском языке существуют и другие виды выражения семантической структуры со значением «Обладание», нашей целью было только раскрыть основные способы ее реализации, однако представляется уместным заметить, что представленные выше конструкции как минимум на уровне поверхностных структур сходятся с тем, что определяет, например, Саторре Грау в статье «*Formas de expresión de la posesión en el español medieval*», в которой лингвист во введении определяет лексические и грамматические способы выражения посессивности в современном испанском языке [5, с. 794].

Синтаксические конструкции, реализующие семантическую структуру со значением «Обладание» в андском диалекте испанского языка: особенности и факторы формирования

Перед началом сопоставительного анализа считаем необходимым оговориться, что все вышеизложенные синтаксические конструкции, выражающие семантическую структуру «Обладание», и на глубинном (семантическом), и на поверхностном (синтаксическом) также присутствуют и в андском диалекте испанского языка, однако коль скоро в фокусе нашего внимания находится именно специфика синтаксических способов выражения, нами принято решение в рамках данного раздела осветить свойственные исключительно рассматриваемому диалекту конструкции. Их можно разделить на две группы по синтаксическим признакам дифференциации:

- 1) изменение порядка слов в предложении;
- 2) притяжательные конструкции с двойной посессией.

Изменение порядка слов в предложении

Как уже было отмечено во введении, андский испанский представляет собой результат плотного и продолжительного лингвистического контакта испанского языка и индейских языков кечуа и аймара, в результате чего субстрат коренных языков стал катализатором многих видов интерференции, которая, в свою очередь, затрагивает все уровни языка и

особенно синтаксический аспект [6]. Таким образом, в рамках андского диалекта испанский язык перенимает характерные черты языков, которые разительно отличаются от него в структурном и типологическом плане. Один из главных исследователей в данной области А.Эскобар даже подмечала, что кечуа и испанский языки по всем лингвистическим характеристикам являются максимально далекими друг от друга [7, с. 17].

Представляется своевременным отметить, что языки кечуа и аймара обладают базовым порядком слов SOV (subject-object-verb; подлежащее-прямое дополнение-сказуемое), в то время как испанский представляется стандартным языком типологии SVO (subject-verb-object; подлежащее-сказуемое-прямое дополнение). Носители андского диалекта весьма частотно и системно используют перенос синтаксической структуры индейских языков в язык испанский. Таким образом, последний перенимает порядок слов индейских языков, что кардинально меняет его структуру на глубинном и поверхностном уровнях. Рассмотрим примеры из районов, где распространены языки кечуа:

- «...**mi hermano, el pico y la pala lleva**...» [8, с. 206]
- «...**el camión, el durazno lleva**...» [8, с. 206]
- «...**panes, de la panadería hey traído**...» [8, с. 206]
- «...*en lo que estaba distraído, **sus cosas le han robado***...» [8, с. 206]

В данном случае перед нами предложения «начала и конца обладания» и общей для них будет следующая схема: [(Сущ./Мест.)_Р + [Сущ./Мест.]_О + [Гл.]_{Р_С}]. Она значительно отличается от выявленной выше и стандартной для современного нормативного испанского [(Сущ./Мест.)_Р + [Гл.]_{Р_С} + [Сущ./Мест.]_О].

Как пишет Вирхиния Савала, такое изменение порядка слов в андском диалекте является его стабильной характерной чертой и в первую очередь обусловлено билингвизмом говорящих [9, с. 59], которые копируют синтаксическую структуру своего первого (родного) языка и переносят ее в испанский. Считаем любопытным привести некоторые примеры из Вилькечико (Перу), где для большинства местных жителей родным языком является аймара (схема та же):

- «*Dicen que **ese lugar sirenas tiene***...» [10, с. 251]
- «**Mis jilatas coca traen y chacchamos en la cirimonia del alferadu**» [10, с. 251]

Первое предложение – типичный пример «конструкции, ориентированной на субъект обладания», второй – «начала и конца обладания».

Однако данными примерами тема изменения порядка слов в андском диалекте не заканчивается, поскольку языки коренных народов (кечуа и аймара), хоть и имеют указанный выше базовый порядок слов в предложении, однако все же обладают серьезной вариабельностью на синтаксическом уровне, что также приводит к формированию порядка слов совершенно разных типов (SVO, OVS, OSV) в рамках андского диалекта, что помимо сложившейся традиции переноса синтаксической структуры и билингвизма, может быть обусловлено и факторами информативного (прагматические цели, например, выражение тема-рематических отношений) и экспрессивного характера [11]. Приведем несколько примеров в рамках рассматриваемой

семантической структуры:

· «*todo, mi papá en sus bolsillos guarda*» [\[8, с. 207\]](#)

В данном случае порядок слов принадлежит к типу OSV, а схема получается следующая: **[Сущ./Мест.]_О + [(Сущ./Мест.)]_Р + [Где]_Л + [Гл.]_{Р_с}**, в то время как в нормативном испанском была бы **[(Сущ./Мест.)]_Р + [Гл. облад.]_{Р_с} + [Сущ./Мест.]_О + [Где]_Л**.

Возможна и подобная конструкция (относится к типу «начало и конец обладания»):

· «*zapatos y chompa, esos nomás me han comprado*» [\[8, с. 207\]](#)

В данном случае порядок слов выстраивается по формуле (S)OV, подлежащее опускается. Схема получается следующая: **[(Сущ./Мест.)]_Р + [Сущ./Мест.]_О + [Гл.]_{Р_с}**.

Абсолютное большинство приведенных выше примеров выражения ядерной семантической структуры со значением «Обладание» в андском диалекте были отобраны исследователями в сельских районах Перу, однако ареал их распространения значительно шире: предложения с таким порядком слов можно услышать и среди городского населения в столице Перу (г. Лима), причем от людей различных социокультурных групп, а употребление в речи подобных конструкций даже входит в норму образованных слоев населения города [8 с. 207].

Кроме этого, Г. Мерма Молина в своей статье приводит данные различных лингвистов о том, что подобный феномен распространен в том числе за пределами Перу: на северо-западе Аргентины и в Боливии [\[8, с. 207-208\]](#).

Притяжательные конструкции с двойной посессией

Еще одной характерной чертой синтаксиса андского диалекта испанского языка представляется весьма частотное использование притяжательных конструкций с двойной посессией, так называемого «двойного посессива» (*doble posesivo*) или же «избыточного посессива» (*posesivo redundante*). Данный лингвистический феномен получил широкое распространение почти во всех латиноамериканских странах (кроме Эквадора и Колумбии), на территорию которых заходят Анды [\[8, с. 197\]](#).

Если, как было обозначено ранее, в современном нормативном испанском языке простые притяжательные конструкции строятся по схеме **[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О** или же **[Сущ.]_О + [de + Сущ./Мест.]_Р**, то в андском диалекте нередки следующие 2 типа синтаксического построения подобных структур:

· «a eso dice que lo ordenó al cura para que traiga a la señorita a **su cuarto del cura**» [\[9, с. 621\]](#)

· «...**su carro de mi hermano**...» [\[8, с. 198\]](#)

[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О + de + [Сущ.]_Р

[Мест.притяж.]_Р + [Сущ.]_О + de + [Мест.притяж. + Сущ.]_Р

Или же

· «...**de mi hijo su escuela**...» [\[8, с. 197\]](#)

· «...**de mi mamá su hermano**...» [\[8, с. 197\]](#)

de + [Мест.притяж.]р + [Сущ.]р + [Мест.притяж.]р + [Сущ.]о

Из приведенных выше предложений и схем глубинных и поверхностных структур можно заметить, что в рамках андского диалекта происходит дублирование и соединение в одно притяжательное словосочетание тех синтагматических конструкций, который в современном испанском языке употребляются отдельно и никогда не образуют такого рода синтезированных словосочетаний.

Х.Родригес Гарридо в своей статье подмечает, что употребление структур первого типа ограничивается тем, что они, по его наблюдениям, используются только с местоимением третьего лица в сочетании с другим местоимением, существительным или именами собственными, но все эти элементы должны ссылаться именно на людей. Также в подобных случаях использование третьего лица может обуславливаться вербализацией вежливости по отношению ко второму лицу. В то же время лингвист оговаривается, что по мере распространения конструкций данного типа их узус выходит за рамки исключительно третьего числа и снимает необходимость наличия человека в качестве посессора [\[12, с. 117\]](#).

В тоже время очевидно, что приведенные выше 2 типа словосочетаний структурно отличаются на обоих уровнях не только от нормативного испанского, но и различаются между собой. Чем же обусловлена подобная дихотомия?

Родригес Гарридо, рассуждая об узусе данных словосочетаний в Перу, подмечает, что конструкция первого типа является более распространенной и используется на всей территории протяженности Андских гор. Структуры второго типа не используется в северной части Андских гор и употребляется носителями диалекта, проживающими в южной части горного хребта и в перуанской Амазонии. Причем представляется важным отметить, что узус данных конструкций в Перу разрастается за счет миграции носителей из сельских районов страны [\[12, с. 117\]](#).

Говоря о конструкциях первого типа, представляется любопытным отметить, что многие исследователи объясняли ее формирование влиянием синтаксиса языков кечуа. Например, А.Лосано писал, что подобная структура является следствием переноса кечуанских аффиксов «*ра*» (присоединяется к посессору) и «*п*» (присоединяется к объекту посессии), а также тем, что в этих индейских языках посессор должен стоять перед объектом. Следовательно, в языках кечуа посессивные отношения выражаются сразу двумя аффиксами, а посессор и объект обладания имеют обратную нормативному испанскому последовательность, что, по его мнению, и восполняется синтагматической дубликацией в андском диалекте [\[13, с. 299\]](#). Однако данное объяснение не совсем подходит для конструкции первого типа, поскольку фраза, например, «*hwampa amigap karga*» будет дословно переводиться на испанский «*de Juan su amiga*», что больше подходит для экспликации конструкции второго типа [\[12, с. 118-119\]](#).

Некоторые лингвисты, рассуждая о происхождении обоих видов реализации притяжательной конструкции в андском диалекте испанского языка, задумывались о том, что их существование может быть обусловлено разной степенью билингвизма говорящих [\[14, с. 3\]](#), или же предполагали, что в рамках сложных процессов интерференции,

происходивших ввиду исторического билингвизма районов андского диалекта и постоянного тесного языкового контакта появились новые форм выражения посессии [15, с. 107].

Сам Х. Родригес Гарридо склоняется к объяснению данного феномена посредством аргумента о сохранении в андском диалекте уже ставшей архаичной в современном нормативном испанском языке притяжательной конструкции. Он приводит соответствующие примеры из «*El Cantar de mio Cid*» («*so sobrino del Campeador*», «*sos mannas de los ynfantes*») или же из произведения Диего де Сан Педро «*Cárcel del amor*» («*su cámara de Laureola*», «*su muger de Amed*»), из которых мы можем наблюдать историческое употребление притяжательной конструкции, частотно используемых сегодня в андском диалекте [12, с. 120].

Кроме этого, Родригес Гарридо в подтверждение своего тезиса приводит слова Х.Кенистона, который, изучая испанскую прозу XVI века, заключил, что подобная конструкция была достаточно частотной в испанском языке того времени, однако ее узус обладал ограничениями, заключившимися в исключительности ее употребления только по отношению к 3 лицу единственного или множественного числа или же ко 2 лицу единственного или множественного числа в вежливой форме. Те же самые ограничения, по Родригесу, накладываются и сегодня в отношении подобных конструкций в андском диалекте испанского [12, с. 120; 16, с. 244]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что конструкции первого типа («*su carro de mi hermano*») являются синтаксическим архаизмом, сохранившемся в андском диалекте с XVI века, когда на территорию сегодняшнего Перу начали прибывать испанцы.

Если говорить о притяжательных конструкциях второго типа («*de mi hijo su escuela*»), то, как мы уже пояснили выше, в них происходит своеобразное «калькирование» посессивной структуры кечуа, однако примечательно, что аффиксы, выражающие отношения между посессором и объектом, «*ра*» и «*п*», будучи элементами морфологического уровня, в рамках андского диалекта получают воплощение в притяжательном предлоге («*de*») и притяжательном местоимении («*su*»), становясь единицами синтаксического уровня.

В андском диалекте выделяют и третий тип притяжательных конструкций:

«...**de mí mi mamá** es trabajadora...» [8, с. 198]

«...**de ti tu amigo** es malo...» [8, с. 198]

«...**de mí mi cumpleaños** hemos celebrado...» [8, с. 198]

de + [Мест.личн.]р + [Мест.притяж.]р + [Сущ.]о

Г. Мерма Молина отмечает, что узус притяжательных конструкций с двойным посессивом в андском диалекте не ограничивается только третьим лицом (или 2-ым при выражении вежливости). На приведенных выше примерах можно увидеть, что в подобных структурах фигурируют и первое, и второе лицо, а с синтаксической точки зрения они выделяются необычным даже для двойной посессивности дублированием синтагм обладания за счет и генетивного предлога «*de*», и личного местоимения, и притяжательного местоимения [8, с. 198].

Кроме этого, представляется важным заметить, что подобные притяжательные

конструкции в андском диалекте могут помимо нейтрального выражения посессивности со специфическим синтаксическим строем также выполнять определенные задачи экстралингвистического характера. В рамках своего исследования Р.Риско провела в Буэнос-Айресе (Аргентина) несколько интервью с перуанскими эмигрантами из районов распространения изучаемого диалекта с целью выявления дополнительных функций притяжательных конструкций с двойным посессивом. Ученый проанализировала собранный корпус аудиозаписей, уделяя особое внимание настрою собеседника, тематике разговора и контексту использования рассматриваемых притяжательных конструкций. Выяснилось, что подобные структуры могут употребляться в том числе для того, чтобы: 1) сделать акцент (эмпфаза) на посессоре в коммуникативных целях определенного контекстуального окружения; 2) подчеркнуть важность темы разговора с личной точки зрения или с точки зрения картины мира; продемонстрировать эмоциональную сопричастность с ней; 3) установить микротему дальнейшей дискуссии [17]. Таким образом, можно констатировать, что притяжательные конструкции с двойным посессивом в том числе могут выполнять прагматические, коммуникативные и дискурсивные функции.

Заключение

Сопоставительный анализ синтаксических средств выражения ядерной семантической структуры со значением «Обладание» современного нормативного испанского языка и андского диалекта позволил нам выявить значительные структурные расхождения как на глубинном, так и на поверхностном уровне данных языковых вариантов.

Упомянутые отклонения на обоих уровнях обусловлены тем, что в рамках андского диалекта испанский язык перенимает как базовый, так и ситуационный порядок слов из языков кечуа и аймара: вместо привычного языка SVO становится языком SOV, а в некоторых случаях, например, в целях построения необходимых тема-рематических отношений или внесения эмотивной составляющей синтаксическое оформление конструкций может варьироваться от типа OVS до OSV и (S)V0.

Кроме того, значительные трансформации могут происходить и в рамках простых притяжательных конструкций, которые в андском диалекте принимают форму двойной посессии вследствие использования или архаичного способа построения подобных конструкций, или переноса свойственных языкам кечуа и аймара агглютинативных аффиксов с морфологического на синтаксический уровень. Узус подобных конструкций также может объясняться прагматическими, коммуникативными и дискурсивными целями.

Таким образом, можно констатировать, что андский диалект испанского языка представляет собой уникальный лингвистический феномен в рамках испаноязычной диалектологии и является ярким примером продолжительного продуктивного языкового контакта, приведшего к интерференции на самом стойком к изменениям уровне языка – синтаксическом.

Библиография

1. Toro R.A. El español andino. II parte // Forma y Función. 2002. 15. Pp. 15-40
2. Михеева Н.Ф. Межвариантная диалектология испанского языка: Учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2006.
3. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010.
4. Мустайоки А. [и др.] Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов / А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. Москва: Издательство

Юрайт, 2019.

5. Satorre F. Formas de expresión de la posesión en el español medieval // Actas del IV Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española. Universidad de la Rioja, 1998, 1, Pp. 739-804
6. Stark D. Aspectos gramaticales del español hablado por los niños de Ayacucho. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 1970.
7. Escobar A.M. Los bilingües y el castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1990.
8. Merma G. Lenguas en contacto: Peculiaridades del español andino peruano. Tres casos de interferencia morfosintáctica // ELUA. Universidad de Alicante. 2004. 18. Pp. 191-211.
9. Zavala V. Reconsideraciones en torno al español andino // Lexis. 1999. 23(1). Pp. 25-85.
10. Gonza M. Análisis del castellano andino de aimarahablantes del distrito de Vilquechico (Puno) // Boletín de la Academia Peruana de la Lengua. 2020. 68. Pp. 239-257
11. Calvo J.P. Pragmática y Gramática del quechua Cuzqueño. Perú: Centro de Estudios Regionales Andinos Bartolomé de las Casas, 1993.
12. Rodríguez J.A.G. Sobre el uso del posesivo redundante en el español del Perú. // Lexis. 1982. 6. Pp. 117-123.
13. Lozano A. Syntactic borrowing in Spanish from quechua: The Noun Phrase, Lingüística e Indigenismo. 1975. 297-306.
14. Pozzi-Escot I. Apuntes sobre el castellano de Ayacucho. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos. Centro de investigación de lingüística aplicada, 1973.
15. Escobar A. Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1978.
16. Keniston H. The syntax of Castilian prose, The sixteenth century, Chicago-Illinois: The University of Chicago Press, 1937.
17. Risco R. El doble posesivo en el español andino: un enfoque etno-pragmático // Cuadernos de la ALFAL. 2012. 4. Pp. 97-111

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию специфики синтаксического выражения семантической структуры со значением «обладание» в андском диалекте испанского языка. Актуальность работы обоснованно аргументируется тем, что различия в области функционально-семантического синтаксиса в национальных и диалектных вариантах испанского языка практически не изучены и требуют более детального рассмотрения. Отмечается, что «у лингвистов набирает популярность относительно новый, разработанный по большей части во второй половине XX века, ономаσιологический подход к изучению одновременно и глубинного (семантического), и поверхностного (синтаксического) уровней языка», в связи с этим автор(ы) предприняли попытку описания специфики синтаксического устройства андского диалекта испанского языка в контексте рассмотрения ядерной семантической структуры со значением «обладание», опираясь на концепцию исследования лингвистических явлений по направлению «от значения к форме». Выбор семантической структуры со значением «обладание» обусловлен тем, что данное поле представляется одним из наиболее нейтральных и универсальных для всех языков или разновидностей одного языка (национальных и диалектных) ввиду того, что без понятия посессивности не может существовать и функционировать ни один естественный язык.

Теоретической основой исследования выступили труды по теории функционального синтаксиса; грамматическим аспектам испанского языка; межвариантной диалектологии испанского языка; особенностям андского диалекта испанского языка; социолингвистическим вариациям испанского языка в Перу и др. Библиография статьи насчитывает 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллирует к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология исследования определена поставленной целью («идентифицировать синтаксические структуры андского диалекта испанского языка, отклоняющиеся от общеиспанской нормы, чтобы затем произвести сопоставительный обзор отличающихся глубинных и поверхностных структур для анализа факторов их формирования и особенностей функционирования в языке») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, обобщение, метод контролируемого отбора, контекстуально-семантический и функциональный анализы, метод дефиниционного анализа, сопоставительный метод и др. Эмпирическим материалом послужили примеры из нескольких корпусов испанского языка (Corpus de Referencia del español Actual, Corpus Diacrónico del español, Corpus del Español del siglo XXI) и испаноязычных источников средств массовой коммуникации, также были использованы материалы из исследований различных ученых, занимающихся проблематикой андского диалекта испанского языка. Его общий объем составил 1500 примеров: современного нормативного испанского языка – 1000 единиц, андского испанского – 500.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проанализированы основные средства выражения семантической структуры со значением «обладание» в современном нормативном испанском языке; рассмотрены синтаксические конструкции, реализующие семантическую структуру со значением «обладание» в андском диалекте испанского языка; проведен их сопоставительный анализ, который выявил значительные структурные расхождения как на глубинном, так и на поверхностном уровне данных языковых вариантов. В заключении сформулированы обоснованные выводы о том, что «андский диалект испанского языка представляет собой уникальный лингвистический феномен в рамках испаноязычной диалектологии и является ярким примером продолжительного продуктивного языкового контакта, приведшего к интерференции на самом стойком к изменениям уровне языка – синтаксическом» и др.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением региональных вариантов испанского языка. Полученные результаты могут быть использованы в курсах по диалектологии романских языков, лингвострановедению и межкультурной коммуникации.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая и понятная. Работа имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна заинтересованному кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ши Л.-. Заимствование образов традиционного китайского гороскопа современной русской календарной словесностью: логика трансформации // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74986 EDN: MKCPTX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74986

Заимствование образов традиционного китайского гороскопа современной русской календарной словесностью: логика трансформации

Ши Лу -

аспирант; кафедра истории русской литературы; Санкт-петербургский государственный университет

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, ул. Малая Морская, д. 6

✉ shiluaptx4869@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74986

EDN:

MKCPTX

Дата направления статьи в редакцию:

21-06-2025

Дата публикации:

28-06-2025

Аннотация: В статье исследуется процесс адаптации образов традиционного китайского гороскопа (то есть 12 китайских зодиакальных знаков: Крыса/мышь, Бык, Тигр, Кролик, Дракон, Змея, Лошадь, Коза/овца, Обезьяна, Петух, Собака, Кабан/Свинья) в современной русской календарной словесности. Опираясь на классификацию календарных текстов и типологию журналов, предложенные Е. В. Душечкиной в монографии «Русский святочный рассказ», автор на материале популярных журналов «Лиза» и «Домашний очаг» (1995–2023 гг.) анализирует механизмы трансформации восточных астрологических символов при их интеграции в русскую культурную среду. Выявляется, что заимствование образов животных китайского зодиака представляет собой сложный процесс культурной переработки, включающий адаптацию к русскому

календарному циклу, переосмысление символики животных через призму славянского фольклора, локализацию посредством литературных и исторических аллюзий, а также функциональное обогащение астрологической системы. Метод исследования – семантический анализ текстов и культурологическое комментирование процесса адаптации китайской зодиакальной символики в российском контексте. Особое внимание уделяется трансформации смысловой нагрузки образов животных восточного гороскопа в русской календарной традиции. В настоящей работе впервые систематически проанализирован процесс заимствования и трансформации традиционных образов китайского зодиака в современной российской календарной культуре. Выявлено явление включения китайской зодиакальной традиции в российский культурный контекст и формирования своеобразной «гибридной» репрезентации. Исследование показало, что в российском дискурсе культурное значение китайских зодиакальных символов претерпело изменения и существенно отличается от их изначального значения в китайской традиции, что подчеркивает новизну данного кросс-культурного символического синтеза. В результате трансформации возникает уникальный гибридный феномен, сплавляющими китайскую зодиакальную традицию и смыслы, созвучные русской культуре. Особое внимание уделяется анализу календарных текстов о китайском гороскопе, интегрированных в систему русских календарных обрядов, включая трактовку зодиакальной символики, описание межзнаковой совместимости, материалы об амулетах, ежемесячные прогнозы и годовые гороскопы. Исследование демонстрирует, что восточный гороскоп в российской календарной словесности становится элементом праздничной новогодней культуры, при этом мантические и магические функции отступают на второй план.

Ключевые слова:

китайский гороскоп, календарная словесность, культурная адаптация, фольклорная трансформация, народный календарь, зодиакальные символы, межкультурное взаимодействие, новогодняя обрядность, русская периодика, символика животных

Введение

Важной составляющей китайского фольклора и китайской культуры в целом является восточный гороскоп (китайский гороскоп) — система предсказания человеческой судьбы по астрономическим явлениям. Восточный гороскоп берет свое начало в мантических практиках, отражавших соотношение между небесными явлениями и человеческой жизнью в древнем Китае. Гороскоп излагает «волю Неба» и ее влияние на мысли и поступки людей. Предположительно гороскоп возник в качестве одного из методов гадания при династии Шан (1600–1046 до н. э.). Его мировоззренческая основа — религиозно-идеалистическое представление о «воле Неба». Неотделимая часть восточного гороскопа — система китайского циклического времяисчисления — «небесные стволы» и «земные ветви». Двенадцать «земных ветвей» также соответствуют двенадцати китайским знакам зодиака. Двенадцать знаков зодиака (шэнсяо) известны как образы животных восточных гороскопов: Крыса, Бык, Тигр, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Коза (Овца), Обезьяна, Петух, Собака, Свинья. Эти двенадцать знаков зодиака используются для хронологии вместе с системой «Небесные стволы и земные ветви». Это их основная функция (например, 2024 г. — год Дракона Цзя (небесный ствол), Чэн (земная ветвь)). Согласно Китайской энциклопедии, «происхождение китайского зодиака должно быть напрямую связано с двенадцатью земными ветвями и культом животных»

[16].

Передача китайской знаково-символической системы за пределы Китая стала возможной благодаря многовековым торговым, дипломатическим и миссионерским контактам. Ещё в XIII–XIV вв. образы двенадцати зодиакальных животных проникли на Русь вместе с китайскими предметами роскоши и позднее укоренились в царских интерьерах и архитектуре [30], а в XVI–XVII вв. получили отражение в трудах западноевропейских и русских знатоков восточной культуры [25]. Со временем эти образы заняли прочное место в российской культуре: от декоративного искусства до новогодних ритуалов. Самая ранняя из найденных русскоязычных записей о китайском зодиаке датируется 1905 годом – «Китайско-русский календарь на 31-й год Гуан-Сюй (1905 г.)» [20]. Издание штаба Заамурского округа (Русско-китайская пограничная служба), составители – штабс-ротмистр Титов и драгоман Ла-Да-Хе. В нём даны переводы китайских астрономических и календарных сведений на 1905 г., в том числе 12-летний «зодиак» – здесь прямо названы животные знаки (например, «Год Змеи»), а также ассоциированные с ними образы («7 драконов дают дождь», «4 быка пашут землю») Этот календарь – пример полного перевода китайской системы (входит набор животных и стихии). В современной России знаки китайского гороскопа продолжают восприниматься как «экзотический» источник восточной мудрости и предсказаний. Зодиакальные символы регулярно появляются в гляцевых журналах о моде и здоровье, телепрограммах и региональных газетах, где их значение адаптируется под русскую метафорику. Для анализа были выбраны тексты из журналов «Домашний очаг» и «Лиза», чьи календарные тексты – гороскопы, советы по фэн-шуй, интерьерные подсказки – демонстрируют, как восточная символика интегрируется в российскую культурную среду. Наша сравнительная выборка материалов из этих изданий позволяет оценить, насколько современные трактовки в российских журналах соответствуют традиционным китайским метафорам и как они перекодируются с учётом славянских гадательных практик (подблюдные песни). Таким образом, китайский восточный гороскоп в России прошёл путь от дипломатических диковин до полноценного элемента народного календаря, оставаясь при этом носителем исходных символических значений – пожеланий удачи, долголетия и защиты от злых духов [27].

Присутствие китайских мотивов в русской календарной традиции имеет давнюю историю, начиная с дипломатических подарков и заканчивая заимствованиями образов в литературе и народном искусстве. Сегодня эти символы, будь то китайские каменные львы в саду дружбы на Литейном проспекте в Санкт-Петербурге или украшения в китайском стиле, продолжают очаровывать и вдохновлять, обогащая русскую культуру новыми смыслами и традициями. Их популярность не ограничивается простым любопытством к восточной экзотике. Скорее, это стремление к расширению мировоззрения, поиску альтернативных способов понимания себя и мира. Китайский календарный гороскоп, с его двенадцатью животными, в современной российской периодической прессе куда популярнее, чем традиционные славянские календарные символы, гадательные практики или литературные жанры вроде святочных рассказов. При приближении черты очередного года именно знаки восточного календаря становятся своего рода компасом, помогающим ориентироваться в потоке времени, характеризовать очередной этап летоисчисления и принимать решения. В этой календарной системе каждый знак наделен определенными чертами характера и предрасположенностями, которые могут быть использованы для выбора праздничного декора и костюма, составления праздничного меню и планирования будущего [24]. Образы животных китайского зодиака играют важную роль в создании праздничной

атмосферы. Они появляются в календарных открытках, сувенирах, украшениях и в кулинарных рецептах, добавляя колорит и загадочность в повседневную жизнь. Будучи изначально данью моде и проявлением любопытствующего интереса к экзотической древней восточной мудрости, внимание к китайскому гороскопу стало неотъемлемой частью российской календарной словесности. При этом стоит отметить, что отдельных исследований текстов гороскопов, и в целом мантических текстов в российской периодике нам практически неизвестно. Особенно значимо, что отсутствуют исследования, которые могли бы помочь проследить трансформации образов древней китайской литературы в поэтику календарной словесности. Восприятие китайских образов животных в России – это сложный и многогранный процесс, отражающий взаимодействие культур, и описание этого процесса станет одной из задач данной статьи [\[17\]](#).

Процесс интеграции образов традиционного китайского зодиакального цикла в русскую фольклорную культуру имеет существенное значение для филологических исследований современной календарной словесности. Изначально укоренённые в китайской космологической системе, где двенадцать зооморфных символов органично вписывались в философскую картину мира, эти образы претерпели существенную трансформацию в процессе адаптации к русской календарной традиции. В китайской фольклорной культуре зодиакальные персонажи выступали как важные элементы календарной мифологии, тесно связанные с циклическим восприятием времени и аграрными ритуалами. В современной русской календарной традиции эти образы приобрели иную семантическую нагрузку, сохранив внешнюю форму, но наполнившись новым содержанием. Особенно показательно проявление этого процесса в календарных текстах новогоднего цикла. Если в китайской фольклорной традиции смена зодиакального животного сопровождалась комплексом обрядовых практик [\[29\]](#), то в русской календарной культуре эти образы стали преимущественно элементами праздничной символики. Такая трансформация отражает общие закономерности адаптации инокультурных элементов в фольклорных системах.

В современной российской массовой и фольклорной культуре образы восточного гороскопа прочно вошли в календарную словесность, став ее неотъемлемой частью. Календарная словесность, как отмечает Е.В. Душечкина, является частью праздничной обрядности, которая, в свою очередь, формирует «традицию праздника и закрепляет за ним множество текстов (песни, стихи, ораторские выступления, лозунги и т. д.). В этом контексте проникновение образов животных китайского зодиака в российскую фольклорную культуру представляет собой интересный пример культурного заимствования и трансформации [\[18\]](#). Образы животных, занимающие важное место в символической системе восточной астрологии, наделены уникальными характеристиками и предсказательными значениями. Они проникли в российский народный календарь и стали частью повседневной жизни, особенно во время празднования европейского и китайского Нового года. Изображения животных китайского зодиака можно увидеть повсюду, от товаров до рекламных щитов, что свидетельствует об их широком распространении и восприятии в народной культуре.

В современном фольклорном пространстве России наблюдается интересное явление – адаптация и интеграция элементов китайского зодиака в русскую календарную словесность. Этот процесс не простое копирование, а сложная трансформация, обусловленная взаимодействием фольклорных культур и стремлением к новизне. Образы животных китайского календарного гороскопа, наделенные символическим значением и мистическим ореолом, проникают в народную культуру через различные каналы, в

частности, через популярные календарные тексты, ориентированные на женскую аудиторию. Эти издания, по определению Е.В. Душечкиной, тяготеют к традициям и циклическому воспроизведению, что делает их идеальной платформой для распространения календарных текстов, в том числе гороскопов. Привлекательность китайского зодиака для российской аудитории объясняется его экзотичностью и отличием от привычных астрологических систем. Новизна образов, сочетание древних традиций и восточной мудрости создают своего рода «художественную игру»^[17], обещающую уникальные знания и прозрения. Е.В. Душечкина отмечает, что с увеличением разрыва между городской и деревенской жизнью традиционная аграрная календарная обрядность постепенно терялась в городской среде. В этом контексте периодическая печать оказалась удобным способом предоставления городскому населению календарных текстов. Журналы, активно реагирующие на даты народного календаря и сезоны, публикуют материалы, связанные с праздниками и традициями, включая восточный гороскоп. Исследовательница следующим образом характеризует процесс урбанизации праздничной культуры: «Городские власти в какой-то степени пытались компенсировать эти потери устройством народных гуляний, ярмарок, балаганов, святочных и масленичных представлений, масленичных катальных гор и т. п. Несмотря на эти меры, как традиционные праздничные обряды и обычаи, так и календарный фольклор в городе от поколения к поколению все более и более забывались»^[18].

Будучи знакомой с образами китайского гороскопа внутри китайской культуры, при наблюдении за заимствованиями ее образов российской культурой, не могу не заметить, что происходит одновременная романтизация и мистификация исходного «текста», превращающая его в привлекательный объект фольклорной культуры. Экзотическая новизна восточного гороскопа, отличие его от западноевропейских астрологических практик и традиционной системы календарной обрядности, знакомых российской аудитории, делает китайский зодиак экзотической альтернативой, сочетающей моду, древнее происхождение и мистику восточной мудрости. В результате он становится популярной темой в русской литературе, праздничном дизайне и календарных текстах, отражая широкий интерес к китайской фольклорной культуре в России.

Интеграция китайского календарного гороскопа в русскую культурную среду представляет собой процесс трансформации, при котором происходит не просто заимствование внешней формы, но глубокое переосмысление символики животных через призму русской фольклорной традиции. Как показывает исследование данного феномена, наблюдается явная тенденция к локализации восточных астрологических образов посредством привлечения русских литературных аллюзий, фольклорных мотивов и культурных кодов, что создаёт уникальный гибридный феномен на стыке двух культурных традиций. Политолог У До, анализируя символику образов животных в современной культуре, отмечает подобную культурную трансформацию на примере панды, которая из мифологического ездового животного Чи Ю превратилась в символ мира и дружбы, демонстрируя, как древние образы способны приобретать новое звучание в современном контексте^[31]. В процессе культурной адаптации китайский гороскоп в русской словесности обретает дополнительные функции и смыслы: от мантической практики до элемента календарной обрядности, создавая многоуровневую систему значений, которая органично вписывается в современную русскую календарную словесность. Китайский филолог Ян Лихуй, исследуя образы животных в традиционном фольклоре, подчёркивает их многомерную символику, что объясняет пластичность этих образов при их заимствовании другими культурами и возможность их творческой

интерпретации в новом культурном контексте, как это происходит в современной русской календарной словесности [\[32\]](#).

Методы исследования

Исследование трансформации образов китайского гороскопа в российской календарной словесности выполнено на основании детального анализа текстов современных «тонких» журналов «Лиза» и «Домашний очаг», выходящих с 1995 года по настоящее время. Еженедельный журнал «Лиза» издается с декабря 1995 года, с февраля 1996 года выходит еженедельно. И ежемесячный журнал «Домашний очаг» издается с июня 1995 года, выходит ежемесячно. В результате событий 2022 года, связанных с уходом с российского рынка многих международных издательских холдингов, в том числе в марте 2022 года конгломерат Hearst, издававший «Домашний очаг», отозвал свои лицензии у российских изданий. Летом этого же года журнал был переименован в «Новый очаг». Эти издания, по типологии Е.В. Душечкиной, относятся к периодическим изданиям, ориентированным не на изменение, а на воспроизводство смыслов, ожидаемых читателями, и, соответственно, богаты календарными текстами. Считается, что основная аудитория этих журналов — женщины, что и обусловило их классификацию как «женских» изданий. «Лиза», судя по тематике публикаций, ориентирована в основном на молодых девушек, в то время как «Домашний очаг» — на замужних женщин, хозяек. За период с 1995 по 2023 годы нами проведен контент-анализ 47 публикаций, связанных с китайским зодиаком (33 материала из «Домашнего очага» и 14 из «Лизы», включая специальное издание «Лиза гороскоп», выходящее с 2000 года).

Методологической основой исследования стал семантический анализ текстов и культурологическое комментирование процесса адаптации китайской зодиакальной символики в российском контексте. Особое внимание уделяется трансформации смысловой нагрузки образов животных восточного гороскопа в русской календарной традиции. Проанализированы механизмы переосмысления семантики двенадцати зодиакальных животных, характер их репрезентации в массовой культуре и способы адаптации инокультурных элементов к российскому менталитету.

Анализ

Проведенный филологический анализ материалов журналов «Лиза» и «Домашний очаг» с 1995 года позволяет выявить фундаментальные закономерности адаптации элементов китайской фольклорной традиции в русском культурном контексте.

Одна из ключевых особенностей адаптации китайского гороскопа в русской культуре — его интеграция в структуру традиционного русского календарного цикла. Как показывает анализ публикаций, материалы о китайском зодиаке появляются преимущественно в конце декабря — начале января, то есть в период новогодних праздников по григорианскому календарю. Это существенно отличается от исходной традиции, где смена зодиакального животного привязана к лунно-солнечному календарю и происходит значительно позже (с конца января до середины февраля).

Следующим важным моментом изменений является переосмысление образов животных в журнальных публикациях через привычные для русского читателя категории. Показателен пример из статьи «Структурный гороскоп о восточных знаках» журнала «Домашний очаг», где автор пишет: «Крыса — женский знак с мистическим мировоззрением, склонный к интуитивным решениям». Подобная характеристика полностью игнорирует традиционную китайскую систему классификации через систему пяти стихий и концепцию Инь-Ян, вместо этого переводя образ в категории, понятные

русскому читателю с гендерными разметками и характеристиками темпераментов [\[14\]](#).

Происходит изменение системы персонажей. Особый интерес представляет устойчивая замена Кролика на Кошку в русской версии китайского гороскопа в статье «Во сколько вы родились?» [\[15\]](#), опубликованной в издании «Лиза гороскоп». Если в оригинальной китайской традиции четвертым знаком является именно Кролик (или Заяц), то в русскоязычных публикациях часто фигурирует Кошка. Эта замена соответствует вьетнамской версии восточного календаря, но её устойчивость в русской культуре можно объяснить особенностями русской фольклорной традиции. В русском фольклоре образ кошки символизирует хранительницу домашнего очага, воплощая идеалы уюта и семейного благополучия. Об этом свидетельствуют примеры из подблюдных песен: «Кошка сидит на лавочке / ходит по ней / спит на лавочке / в печурке», «кошка мягка, теплехонька» [\[19\]](#). В то время как заяц в русской традиции больше ассоциируется с мужскими качествами: «Заяц завитай на чужую сторонку / ковыляй по чужой стороне» [Там же]. В символическом коде русской народной «зоологии» заяц связан с сексуальными коннотациями. Таким образом, выбор в пользу Кошки может быть связан с её более позитивной символикой в русской народной культуре.

В материалах о совместимости знаков китайского гороскопа наблюдается интересный процесс адаптации через обращение к русской литературной и культурной традиции. В статье «И всюду, страсти роковые, и от судеб защиты нет...» журнала «Домашний очаг» автор иллюстрирует тезис о совместимости знаков примером из жизни русских литераторов: «Счастливый брак между Ниной Берберовой (Бык) и Владиславом Ходасевичем (Собака) подтверждает гармонию этих знаков». В другой публикации – «Я с тобою свободен» – приводится пример супружеских отношений других значимых для русской культуры лиц – певца Федора Шаляпина (Дракон) и Екатерины Пешковой (Крыса). Такая локализация через биографии «культурных героев» позволяет создать иллюзию органичной связи между русской культурой и китайской астрологической традицией, делая последнюю более близкой и понятной читателю [\[9\]](#).

Наиболее продуктивной категорией текстов оказались публикации о символике знаков зодиака – амулетах, счастливых цветах и других атрибутах. Популярность этой темы можно объяснить созвучием с русской фольклорной традицией невербальной магии, где амулеты и обереги (различные магические средства (вербальные тексты, предметы, действия, жесты, обряды), предохраняющие человека и его мир (дом, скот, урожай, орудия производства и т. п.) от потенциальной опасности: нечистой силы, болезней (в том числе сглаза, порчи), хищных животных, змей, градовых туч и т. д. [\[1\]](#). Действие оберегов состоит в том, чтобы различными способами предотвратить еще не реализованное зло — создать преграду между охраняемым объектом и опасностью, магически «закрыть» охраняемый объект, сделать его невидимым, нейтрализовать носителя опасности, нанести ему вред, уничтожить его, отогнать опасность, задобрить ее или наделить сам охраняемый объект защитными свойствами и способностью сопротивляться злу») [\[23\]](#) играют важную роль. В статье «Рогатый амулет» журнала «Лиза гороскоп» предлагается выбирать талисман в соответствии с принципами совместимости знаков: «Дело в том, что Ирина родилась в Год Лошади, а, согласно китайскому гороскопу, Лошадь и Крыса между собой не очень ладят. Разрешить этот конфликт помогает Бык. Надеемся, несмотря на крошечный размер, он будет Ирине надежным защитником» [\[26\]](#).

Публикации «Выбираем цвет» [\[4\]](#) и «Выбираем кошелек» [\[3\]](#) в журнале «Домашний очаг»

утверждают, что у каждого животного зодиака есть свой счастливый цвет. Хотя эти тексты опираются на элементы китайской космологии, их интерпретация часто отклоняется от принятого в исходной культуре. Например, в статье «Выбираем цвет» автор высказывает идею о том, что времена года влияют на выбор цвета для каждого знака зодиака, что является адаптацией китайской теории к западной сезонной эстетике .

Особый интерес представляют ежемесячные предсказания для знаков китайского зодиака, поскольку этот формат является инновацией, отсутствующей в оригинальной китайской традиции. В китайской культуре зодиакальные символы связаны преимущественно с годовым циклом, а не с месячным. Появление ежемесячных китайских гороскопов в русской календарной словесности можно рассматривать как результат слияния западной астрологической традиции (где месячные прогнозы распространены) и восточной системы символов.

В публикациях журнала «Домашний очаг» за 2015 год представлены прогнозы на каждый месяц для всех знаков китайского зодиака. При этом каждый месяц сопоставляется с одним из 12 знаков зодиака, и общая энергетика периода описывается через метафоры соответствующего животного. Так, в «Прогнозе на март» ^[13] март характеризуется как месяц Кролика и описывается как благоприятное время для зачатия ребенка, что связывается с биологическими особенностями этого животного – длительным периодом размножения и высокой плодовитостью. В «Прогнозе на апрель» ^[10] апрель назван месяцем Дракона, которому приписывается справедливость – одно из свойств Дракона в традиционной китайской культуре. В «Прогнозе на май» ^[12] май представлен как месяц Змеи, связанный со стихией Огня, что «приводит к росту оптимизма и желанию людей путешествовать и быть в движении». Особенно интересна интерпретация декабря в «Прогнозе на декабрь» ^[11] как месяца Крысы, символизирующей романтизм и создающей благоприятную атмосферу для празднования Нового года. Такая трактовка образа Крысы не соответствует традиционным китайским представлениям, но перекликается с русским фольклором, где в подблюдных песнях «крыса тащит казну» ^[19] и приносит богатство и счастье. Это яркий пример слияния русской метафорической традиции и восточной астрологии .

Годовые гороскопы наиболее полно отражают процесс адаптации китайской календарной традиции к русской культуре. В этих текстах синтезируются различные элементы: зодиакальная совместимость, характеристики животных, символические значения и теория пяти стихий. В интерпретации символики животных наблюдается определенное сходство с традиционными китайскими представлениями, но с поправкой на русский культурный контекст. Например, в статье «Год петуха» ^[8] журнала «Домашний очаг» утверждается, что «Петух символизирует агрессивность и храбрость», что сближает его с образом петуха в русском фольклоре, где он ассоциируется с мужской воинственностью и защитой (вспомним сказку «Кот, петух и лиса» ^[21]).

Интересны рекомендации по встрече Нового года, основанные на поведенческих особенностях животных-символов. В статье «Год красной свиньи» ^[6] рекомендуется в Новый год не есть продукты из свинины, а в публикации «Год крысы» ^[7] советуется иметь на праздничном столе сыр – любимое лакомство грызунов. Подобные советы представляют собой адаптацию календарных пищевых запретов и предписаний, характерных для многих традиционных культур, включая русскую.

Особого внимания заслуживает использование теории пяти стихий при составлении годовых прогнозов. В статье «2015 год деревянной козы» [\[1\]](#) утверждается, что поскольку 2015 год относится к стихии Дерева, «следует уделить повышенное внимание антиоксидантам и гидратации». В публикации «Год красной огненной обезьяны» [\[5\]](#) говорится, что сочетание знака Обезьяны со стихией Огня «сделает этот год полным приключений и неожиданностей».

Выводы

Процесс культурного заимствования восточной астрологической системы в русской календарной словесности представляет собой сложное явление культурной трансформации. Образы двенадцати животных китайского зодиака, попадая в русский контекст, неизбежно подвергаются переосмыслению через призму принимающей культуры, её фольклорных традиций и календарных представлений.

Исследование публикаций в журналах «Лиза» и «Домашний очаг» с 1995 по 2023 годы выявило устойчивые механизмы адаптации китайских астрологических образов к русской культурной парадигме. Это происходит через несколько параллельных процессов: замещение непривычных образов более близкими русскому фольклорному сознанию (например, замена Кролика на Кота); переосмысление символики животных в соответствии с их восприятием в славянской традиции (положительные коннотации Крысы как носительницы богатства); привязка астрологических событий к русскому календарному циклу (смещение празднования с китайского лунного календаря на григорианский). Значимым аспектом трансформации является смысловое обогащение заимствованных образов через интеграцию элементов русской фольклорной традиции. Так, восприятие Крысы как символа «романтизма» и благополучия в календарных текстах отражает не китайскую традицию, а образ крысы из русских подблюдных песен, где она «тащит казну» и выступает символом богатства. Происходит своеобразный культурный синкретизм, при котором значения животных китайского зодиака дополняются и переосмысляются через символику русских фольклорных образов.

В процессе адаптации китайской астрологии к русскому культурному контексту наблюдается её существенная функциональная трансформация. Если в оригинальной китайской традиции зодиакальная символика преимущественно используется для характеристики личностных качеств человека и общей хронологии годового цикла, то в русской календарной словесности она приобретает выраженную мантическую функцию. Появление ежемесячных гороскопов на основе китайских зодиакальных животных представляет собой инновационное заполнение отсутствующего в исходной традиции элемента, что отражает характерное для русской культуры стремление к конкретизации предсказаний и включению их в регулярный календарный цикл. Особую роль в процессе культурной адаптации играет сближение китайской астрологической системы с русскими магическими практиками. Амулеты с символами животных китайского зодиака воспринимаются через призму русской традиции оберегов и невербальной магии. Рекомендации по подготовке новогоднего стола с учётом предпочтений животного-символа года (например, сыр для года Крысы) перекликаются с русскими обрядами кормления домовых: «Чтобы домовый хорошо относился к семье, в определенные дни ему совершают приношения, т. н. «относы»: хлеб, который кладут под печку, в углы хлева, борщ, кашу, которые на Новый год относят на чердак, на заговены относят туда же кусок мяса или чашку молока — «заговориться хозяину» или перед ужином выходят во двор и на коленях просят домового на заговены, а после ужина оставляют еду на столе. Так же поступают на Пасху и Рождество. Чтобы задобрить рассерженного домового,

краюшку хлеба кладут вместе с солью в чистую белую тряпку, во дворе становятся на колени и оставляют узелок около ворот со словами: «Хазяин батюшка частной дамавой, хазяюшка дамавая, матушка частная, вот я вам хлеб-соль принес!». Угощение домовому оставляют на столбе, на котором держатся ворота» [22]. Таким образом, магический компонент китайской традиции переосмысливается в соответствии с русскими фольклорными представлениями.

В русской календарной словесности наблюдается тенденция к конкретизации и категоризации астрологических образов по принципам, близким русскому мировосприятию. Характерным примером выступает гендерное деление знаков китайского зодиака, отсутствующее в оригинальной традиции. Разделение знаков на «мужские» и «женские» тройки (Лошадь, Тигр, Собака) [14] с приписыванием им соответствующих качеств отражает стремление русской культуры к осмыслению мира через бинарные оппозиции, включая гендерное противопоставление. Значимым аспектом адаптации китайского гороскопа является его локализация через обращение к знакомым образам русской литературы и культуры. Примеры совместимости знаков китайского зодиака иллюстрируются через примеры браков известных русских литераторов и деятелей искусства [9] (Николай Гумилев и Анна Ахматова, Валерий Брюсов и Надя Львова, Сергей Есенин и Айседора Дункан), что создаёт впечатление органичной связи заимствованной традиции с русской культурой.

Китайская теория пяти стихий при переносе на русскую почву частично сохраняет свою структуру, но наполняется новым содержанием. Авторы русских календарных текстов правильно соотносят стихии со знаками зодиака, но интерпретируют их влияние через категории, близкие современному российскому читателю (например, связывая стихию Деревя с необходимостью приёма антиоксидантов [1]).

Календарная приуроченность публикаций о китайском зодиаке демонстрирует его встраивание в структуру русского календарного цикла. Большинство материалов появляется в конце декабря – начале января, что соответствует не традиционному китайскому Новому году (конец января – середина февраля), а западному новолетию. Это свидетельствует о том, что функционирование заимствованных элементов подчиняется логике принимающей культуры и её календарной системе.

В целом, заимствование образов китайского гороскопа современной русской календарной словесностью представляет собой многогранный процесс культурной адаптации и творческой переработки иноязычного материала. Китайский зодиак, изначально воспринимавшийся как экзотический элемент чужой культуры, постепенно интегрировался в систему русских календарных представлений, обогатился новыми смыслами и функциями, и сегодня выступает как органичный компонент современной русской календарной словесности. Эта трансформация демонстрирует механизмы культурного взаимодействия и адаптивные возможности русской фольклорной традиции, способной творчески осваивать и переосмысливать инокультурный материал.

Библиография

1. Амулет // Атеистический словарь / [А. И. Абдусамедов, Р. М. Алейник, Б. А. Алиева и др.]; под общ. ред. М. П. Новикова. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Политиздат, 1985. - С. 16.
2. Б. А. 2015 год деревянной козы // Домашний очаг. 2015. Январь. С. 166-167.
3. Б. А. Выбираем кошелек // Домашний очаг. 2013. Февраль. С. 194.
4. Б. А. Выбираем цвет // Домашний очаг. 2013. Апрель. С. 242.

5. Б. А. Год красной огненной обезьяны // Домашний очаг. 2016. Январь. С. 161-163.
6. Б. А. Год красной свиньи // Домашний очаг. 2006. Декабрь. С. 277-281.
7. Б. А. Год крысы // Домашний очаг. 2007. Декабрь. С. 301-302.
8. Б. А. Год петуха // Домашний очаг. 2004. Декабрь. С. 227-231.
9. Б. А. И всюду, страсти роковые, и от судеб защиты нет... // Домашний очаг. 1995. Авг.-сент. С. 113-114.
10. Б. А. Прогноз на апрель // Домашний очаг. 2015. Апрель. С. 190-191.
11. Б. А. Прогноз на декабрь // Домашний очаг. 2015. Декабрь. С. 262-263.
12. Б. А. Прогноз на май // Домашний очаг. 2015. Май. С. 166-167.
13. Б. А. Прогноз на март // Домашний очаг. 2015. Март. С. 190-191.
14. Б. А. Структурный гороскоп о восточных знаках // Домашний очаг. 1995. Июнь-июль. С. 112-113.
15. Во сколько вы родились? // Лиза. Гороскоп. 2000. № 9. С. 4-5.
16. Гао Юпен. 12 знаков зодиака [Электрон. ресурс] // Китайская энциклопедия. Вторая версия. URL: <https://h.bkzx.cn/item/229904?q=十二生肖> (дата обращения: 29.04.2024).
17. Дятлов В. И. Экзотизация и "образ врага": синдром "жёлтой опасности" в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 2 (20). С. 26-28.
18. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 27.
19. Земцовский И. И. Песенная поэзия русских земледельческих праздников // Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., прим. И. И. Земцовского; общ. ред. В. Г. Базанова. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1970. С. 108-341.
20. Китайско-русский календарь на 31-й год гуан-суй (1905 год). Литфонд.ру. URL: <https://www.litfund.ru/auction/37/141/#:~:text=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE,54%C3%9743%C2%A0%D1%81%D0%BC> (Дата обращения: 18.06.2025).
21. Кот, петух и лиса: [Тексты сказок] № 37-39 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. - М.: Наука, 1984-1985. - (Лит. памятники). Т. 1. - 1984. - С. 48-51.
22. Левкиевская Е. Е. Домовой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 123.
23. Левкиевская Е. Е. Обереги // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 443.
24. Ли Вэньцзюнь. Влияние китайского зодиака на жизнь людей // Реликвии китайской культуры. 2009. № 4. С. 69.
25. Ли Минбин. 300 лет распространения китайской культуры в России. Ч. I: Ранний "китайский бум" // Исследования китайской культуры. 1996. № 13. - С. 127-132.
26. Рогатый мулет // Лиза. Гороскоп. 2007. № 12. С. 5.
27. Сомкина Н. А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений. Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2009. Вып. 2. С. 77-80.
28. Смит Л. Китай и Запад: культурный обмен. Лондон, 2010. С. 112.
29. Сюй Вэй. Китайские знаки зодиака и их культурное значение // Журнал китайской культуры. Серия 38. 2011. № 2. С. 42.
30. Трощинская А. В. Китайский фарфор в допетровской Руси: на пересечении культур Востока и Запада // Труды исторического факультета СПбГУ. 2013. Вып. 16. - С. 246-269. EDN: RPYXSH.
31. У До. Китайская "дипломатия панд" и имидж государства // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 3 (68). С. 26.
32. Yang Lihui et al. Handbook of Chinese Mythology. New York: Oxford University Press, 2008. P. 156.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются особенности заимствования образов традиционного китайского гороскопа современной русской календарной словесностью. Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется тем, что «в процессе культурной адаптации китайский гороскоп в русской словесности обретает дополнительные функции и смыслы: от мантической практики до элемента календарной обрядности, создавая многоуровневую систему значений, которая органично вписывается в современную русскую календарную словесность», «процесс интеграции образов традиционного китайского зодиакального цикла в русскую фольклорную культуру имеет существенное значение для филологических исследований современной календарной словесности».

Теоретической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные различным аспектам китайской мифологии и восточной астрологической системе; влиянию китайского зодиака на жизнь людей; русским фольклорным традициям; культурному обмену Китая и Запада и др. Библиография насчитывает 32 источников, в том числе Атеистический словарь под общ. ред. М. П. Новикова (1985), Китайская энциклопедия (электронная версия), этнолингвистический словарь «Славянские древности» (1999) и журналы «Домашний очаг» и «Лиза». Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако, по мнению рецензента, автору(ам) следует чаще апеллировать к собственно научным трудам по изучаемой проблематике, в том числе к научным работам, изданным в последние 3 года, что позволило бы судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания. Данное замечание носит рекомендательный характер.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию; дискурс- и контент-анализ; а также семантический анализ текстов и культурологическое комментирование процесса адаптации китайской зодиакальной символики в российском контексте. Эмпирической базой исследования послужили тексты современных «тонких» журналов «Лиза» и «Домашний очаг», выходящих с 1995 года по настоящее время: за период с 1995 по 2023 годы проведен контент-анализ 47 публикаций, связанных с китайским зодиаком (33 материала из «Домашнего очага» и 14 из «Лизы», включая специальное издание «Лиза гороскоп», выходящее с 2000 года).

В ходе филологического анализа материалов журналов «Лиза» и «Домашний очаг» рассмотрены особенности трансформации смысловой нагрузки образов животных восточного гороскопа в русской календарной традиции; проанализированы механизмы переосмысления семантики двенадцати зодиакальных животных («замещение непривычных образов более близкими русскому фольклорному сознанию; переосмысление символики животных в соответствии с их восприятием в славянской традиции; привязка астрологических событий к русскому календарному циклу»), характер их репрезентации в массовой культуре и способы адаптации инокультурных элементов к российскому менталитету («в русской календарной словесности наблюдается тенденция к конкретизации и категоризации астрологических образов по принципам, близким русскому мировосприятию», «значимым аспектом адаптации китайского гороскопа является его локализация через обращение к знакомым образам

русской литературы и культуры»); сформулированы выводы о том, что «заимствование образов китайского гороскопа современной русской календарной словесностью представляет собой многогранный процесс культурной адаптации и творческой переработки иноязычного материала», интеграция китайского календарного гороскопа в русскую культурную среду «демонстрирует механизмы культурного взаимодействия и адаптивные возможности русской фольклорной традиции, способной творчески осваивать и переосмыслять инокультурный материал». Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы связаны с ее вкладом в развитие таких современных научных направлений, как лингвокультурология, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, сравнительно-сопоставительное изучение национальных лингвокультур. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ключевский В.М. История изучения неопределенного артикля в испанской грамматике // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.75012 EDN: KSRZXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75012

История изучения неопределенного артикля в испанской грамматике

Ключевский Владимир Михайлович

ORCID: 0009-0001-1772-2793

аспирант; институт иностранных языков; Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

194354, Россия, г. Санкт-Петербург, Выборгский р-н, ул. Сикейроса, д. 12 литера Б

✉ vovakluch@yandex.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.75012

EDN:

KSRZXH

Дата направления статьи в редакцию:

24-06-2025

Дата публикации:

01-07-2025

Аннотация: Предметом исследования является историко-лингвистический анализ неопределённого артикля испанского языка (*un, una, unos, unas*) как элемента партикуляризации в системе имени, а также его роль в выражении категории детерминации. Исследование включает изучение происхождения артикля, процессов его десемантизации и признание статуса нового грамматического смысла. Проводится анализ функционально-семантических значений неопределённого артикля в разные периоды истории испанского языка, а также даётся сопоставление трактовок и подходов к его статусу и функциям в различных грамматических традициях и научных школах, в том числе и на базе исследований этой проблематики на русском языке. В рамках статьи уделяется внимание роли неопределенного артикля в преобразовании имени из состояния потенции в состояние реального употребления имени в речи. Метод и

методология исследования основывается на структурно-функциональном и историческом подходе, включающем анализ текстов XIII-XVII вв., сопоставительный историко-филологический анализ и семантико-функциональную интерпретацию данных. Основными выводами проведённого исследования являются установление этапов грамматизации неопределённого артикля в испанском языке и описание семантических и функциональных изменений, сопровождающих эти этапы. Было выявлено, что частотность употребления неопределённого артикля с грамматической категорией числа сменилась ролью маркера партикуляризации именной группы. Также было отмечено последовательное развитие форм единственного и множественного числа (*unos, unas*), были выявлены характерные грамматические особенности в их употреблении, и проанализировано семантическое различие между неопределённым артиклем и местоимением *algún*. Научная новизна исследования заключается в реконструкции пути развития испанского артикля и выявлении ранее не описанных закономерностей его семантической эволюции, а также в систематизации накопленного опыта академических исследований неопределённого артикля на русском языке.

Ключевые слова:

Неопределённый артикль, Грамматизация, Десемантизация, Категория детерминации, Детерминатив, Артикль, Испанский язык, Историко-лингвистический анализ, Функционально-семантическое значение, Категория артикля

Введение

Современная грамматика испанского языка достаточно четко описывает формы и функции неопределённого артикля. За долгую историю испанистики были опубликованы различные работы, более или менее подробно освещающие эту проблематику. Тем не менее, многие вопросы остались спорными и малоизученными.

В настоящей статье поставлена цель – раскрыть многогранность процесса формирования и эволюции системы неопределённого артикля от его латинских предшественников *ŭnus* и *quidam* до современного состояния. Это необходимо как для понимания первоначального скепсиса грамматистов, не признававших формы *un, una* артиклевыми и не выделявшими в испанском языке неопределённый артикль как отдельную грамматическую категорию, так и причин спорного описания этого явления в современной грамматической традиции.

В отличие от определённого артикля (*el, la, los, las*), возникшего из указательных местоимений и достаточно подробно изученного историками испанского языка, формирование неопределённого артикля долгое время оставалось недостаточно исследованным. Между тем, появление артиклей в процессе формирования испанского языка привело к кардинальным изменениям в структуре именной группы: если в латинском языке артикли как отдельный класс не существовали, то в современном испанском языке они являются неотъемлемой частью языковой системы.

Актуальность и новизна настоящей статьи определяются тем, что в ней, во-первых, представлен критический анализ накопленного опыта изучения истории неопределённого артикля как российскими, так и зарубежными учёными, а во-вторых, учитываются различные аспекты процесса грамматизации латинского числительного *ŭnus* «один» в служебный элемент, т.е. неопределённый артикль. Подобный анализ позволяет глубже понять общие механизмы языковых изменений, особенности становления

грамматической системы испанского языка и различный статус неопределённого артикля на разных этапах эволюции испанского языка.

1. Этимология и грамматические функции *unus* в народной латыни

Латинский язык обладал разветвлённой системой неопределённых местоимений, включавшей, в частности, *quis*, *aliquis* и *quidam*. По сравнению с языками, которые имеют артикли, контраст специфичности и (не)определённости выражался в латыни не артиклями, а с помощью именно этих трёх типов неопределённых местоимений [19; с. 25].

При этом происходило следующее разделение:

(1) *quidam* — «некий, определённый», обозначает конкретный объект, известный говорящему;

(2) *aliquis* — «какой-то», объект неопределённый, неизвестный говорящему;

(3) *quis* — «кто-нибудь, любой», употребляется в условных или вопросительных контекстах для обозначения произвольного, неидентифицированного объекта [23].

В речах Плавта и Цицерона, а затем и в позднелатинских памятниках, например, в тексте Вульгаты, *unus* можно встретить в «артиклеподобной» функции. Однако подобное употребление не являлось общей нормой латинского языка; оно отражает раннюю семантическую переработку исходного количественного значения слова *unus* как числительного «один» в сторону индивидуализирующего, презентационного детерминатива.

Выдающийся исследователь в области испанского неопределённого артикля Х. Позас-Лойо указывает на эти случаи как на предварительные этапы грамматикализации артикля. В то же время она подчёркивает, что в латинском языке числительное *unus* так и не приобрело устойчивое грамматическое значение артикля, лишь изредка приближаясь к роли неопределённого местоимения *quidam* [19; с. 134].

Таким образом, в классическом латинском языке отсутствовали артикли, хотя при переходе от классической к вульгарной латыни намечается переход *unus* из разряда числительных в разряд «артиклеподобных» определителей, детерминантов. Уже в памятниках поздней вульгарной латыни (III-VII вв.) латыни и ранних романских языков (IX-X вв.) *unus* регулярно используется в качестве неопределённого артикля. Именно из этой исходной грамматической формы впоследствии развился неопределённый артикль в романских языках, включая современный испанский *un*, *una*.

2. Формирование парадигмы неопределённого артикля в испанском языке

В староиспанском языке (период раннего средневековья, X-XIII вв. [3; с. 158]) процесс десемантизации *unus* в полноценный артикль ещё не завершился. Средневековые тексты демонстрируют гораздо более свободное употребление существительных без какого-либо детерминатива, чем современный язык.

Так, в памятнике литературы XII века «Песнь о моём Сиде» лишь около 59% именных групп имеют при себе артикль или другой детерминатив, тогда как остальные ~ 41% употреблены без него [18; с. 447]. Причём даже в тех группах, где есть детерминатив, подавляющее большинство содержит определённый артикль: соотношение употребления форм определённых и неопределённых артиклей в этом тексте составляет порядка 26:1

[18; с. 455]. Иными словами, на каждое употребление неопределённого артикля *un* в «Песне о Сиде» приходится более двух десятков случаев использования определённого артикля *el*.

При этом, отсутствие артикля в текстах на староиспанском не было хаотичным. Исследователи отмечают, что нулевая марка детерминации, т.е. неупотребление артикля, чаще встречалась в определённых семантико-синтаксических позициях, например, в названиях должностей и социальных ролей, а также перед существительными, обозначающими род, класс, вид [18; с. 453]. Рассмотрим строку из «Песни о Сиде»: *«Piden a sus fijas a mio Çid... por seer reynas de Navarra i de Aragon»* (ст. 3398) – (послы) просят дочерей Сиды, дабы они стали королевами Наварры и Арагона (перевод Н. Любимовой), где дополнение *reynas* («королевами») выражает социальный статус в общем смысле и употреблено без артикля в именной части сказуемого. В подобных случаях отсутствие артикля указывает на родовое значение или класс объектов.

Тем не менее, уже в староиспанский период прослеживаются зачатки современного употребления неопределённого артикля. Формы *un*, *una* начинают появляться перед существительными, обозначающими единичного, ещё не известного адресату референта, особенно когда говорящий вводит нового персонажа или предмет в повествование. Хотя такие употребления фиксируются нечасто, именно в эту эпоху закрепляется функция «презентации» нового участника коммуникации с помощью *un*.

Например, в «Хронике Педро Лопеса де Айялы» (*Crónica de Pedro López de Ayala*) отмечена фраза, эквивалентная «пришёл один человек», – где *un omne* служит для упоминания некоего человека, о котором ранее не было речи. [*Cronicas de los Reyes de Castilla Don Pedro, Don Enrique II, Don Juan I, Don Enrique III (1779) - López de Ayala Pedro*]. Подобные контексты свидетельствуют, что значение *un* постепенно сдвигается от чисто количественного «один» к неопределённо-личному «некий, какой-то».

Однако важно подчеркнуть, что в староиспанском языке формы *un*, *una*, *unos*, *unas* ещё не имели статуса обязательного грамматического средства выражения партикуляризации. На данном этапе развития языка нельзя было утверждать о системности этой грамматической категории, говорящие часто прибегали к нулевому артиклю или используя иные средства грамматической актуализации референта. Преждевременно было говорить о формировании четкой оппозиции экстенсивного и антиэкстенсивного артикля. Таким образом, система средств выражения категории определённости/неопределённости оставалась недостаточно сформированной и отличалась вариативностью употребления артикля или его отсутствия.

Характерной чертой испанского языка стало различие между формой числительного *uno*, *una* и их усечённым вариантом для мужского рода *un*. Форма мужского рода латинского *ūnus* в позиции перед существительным, утратив конечное *-o*, превратилась в староиспанское *un*. Это ясно прослеживается уже в древнейших памятниках: в средневековых текстах мужской род неопределённого артикля обычно записывался как *un* (например, *un omne* – «один человек»). Существительное *uno* сохранялась только в абсолютной позиции – чаще всего, когда выражала роль числа: *¿Tienes caballo? – Tengo uno.* («У тебя есть конь? – Есть один (конь)»).

Форма женского рода не столкнулась с усечением конечной гласной не только по семантической функции (выражение рода), решающее значение имело фонологическое правило апокопы, сложившееся в поздней народной латыни и староиспанском: конечный безударный **lo** регулярно опускался в проклитических позициях перед последующим

словом — отсюда *uno* > *un*, *bueno* > *buen*, *primero* > *primer* ит.д. Безударная **la** в этих позициях не исчезала (аналогичное явление видно в прилагательных *buena*, *primera* и др.)

Форма *unos* (множественное число от *uno*) изначально не имела собственного количественного значения «несколько» и употреблялась лишь с существительными, не имеющими формы единственного числа (т. н. *pluralia tantum*).

В классической латыни не существовало полноценной формы множественного числа числительного «один», так как невозможно было сказать «две единицы» в значении «несколько». Поэтому для выражения идеи «несколько, некоторые» использовались иные лексемы, например, *nonnulli* или *quidam* во множественном числе.

В разговорной поздней латыни могла возникать конструкция с формами *ūnī*, *ūnae* применительно к существительным, употреблявшимся только во множественном, например, *ūnae scales* – «некие весы», ср. исп. *unas escalas*.

На этапе перехода от вульгарной латыни к протороманским языкам формы *unos*, *unas* постепенно закрепились для передачи неопределённого множественного значения «некоторые, несколько». Первоначально их использование было весьма ограниченным: формы множественного числа *unos/unas* чаще встречались с существительными, не имеющими единственного числа типа *unas tijeras* – «ножницы», либо являлись калькой с латинских моделей. В грамматике испанского языка 1492 г. А. де Небриха специально подчёркивал, что форма *uno* («один») не образует множественного числа, так как это противоречит её исходному значению единственности предмета. Исключением являются лишь случаи употребления данной формы с существительными, которые не имеют единственного числа. В качестве примера Небриха приводил словосочетание *unas tijeras* (букв. «одни ножницы»), уточняя, что по смыслу оно эквивалентно конструкции *un par de tijeras* («пара ножниц») [\[15\]](#).

Иными словами, в конце XV в. считалось нормативным употреблять *unos*, *unas* лишь с парными или множественными предметами, где *unos* фактически означает «одна пара/единица (составного объекта)».

А. де Небриха отмечал также и другое употребление формы *uno*: она может использоваться не в количественном значении, а в качестве указателя на отдельный, конкретный, хотя и не вполне определённый объект, подобно латинскому *quidam*. В таких случаях, подчёркивает Небриха, слово *uno* приобретает значение «некий» (*cierto*) и допускает употребление во множественном числе [\[15\]](#).

Этим он фактически признал существование у форм типа *un* и *uno* функции, отличной от количественной, т.е. функции неопределённого артикля, аналогичной латинскому *quidam*.

Таким образом, к концу средневекового периода формы *un* и *uno* приобретают значение маркера введения нового референта (то, что позднее назовут «артикль новизны»), хотя ещё не употребляется повсеместно. Формы детерминанта множественного числа *unos*, *unas* начинают использоваться не только в буквальном смысле «пара», но и в значении «некоторые» применительно к исчисляемым существительным. Этот процесс отражает постепенное складывание парадигмы неопределённого артикля единственного и множественного числа в испанском языке [\[17\]](#).

3. Грамматизация *un* и признание статуса неопределённого артикля в

грамматической традиции

Дорубежа XV-XVI вв. кастильская грамматическая традиция не располагала собственным понятийным аппаратом для описания форм *un, una, unos, unas* поскольку опиралась на латинские учебники, в которых категория артикля отсутствовала. Поэтому средневековые авторы трактовали *un* и *una* либо как количественное числительное *uno*, либо как неопределённое местоимение, а формы определённого артикля как разновидность указательного прилагательного. Иными словами, грамматической категории неопределённого артикля ещё не существовало: существовали лишь словоформы, чьё новое служебное значение партикуляризации имени ещё не было описано. Тем самым, возникла дилемма: описывать кастильский язык через рамки латинской схемы, без категории артикля, или создавать собственную классификацию, отражающую действительные детерминативные функции испанских словоформ.

В 1492 г. А. де Небриха в своей «Грамматике кастильского языка» впервые ввёл в испанскую грамматическую традицию понятие артикля, однако трактовал его специфически. Согласно А. де Небрихе, артикль представляет собой служебную часть речи, которая присоединяется к существительному и выражает грамматическую категорию рода [15].

Иными словами, он воспринимал *el, la* прежде всего как показатель грамматического рода (*masculino/femenino*).

Понимание неопределённого артикля как особой единицы тогда ещё не было сформировано, и форма *un* продолжала восприниматься грамматистами как числительное *uno*. В последующие столетия стали появляться взгляды на *un* как на артикль. Так, Г. де Корреас в «Искусстве кастильского языка» (1626) назвал указанную словоформу «неопределённым именем» (*«nombre indefinido»*) и фактически описал его употребление в статусе неопределённого артикля. В грамматике Гонсало де Корреаса, опубликованной в 1627 г. под названием *Trilingüe de tres artes de las tres lenguas castellana, latina y griega*, формы неопределённого артикля были напрямую названы *«artículo indefinido»* в противоположность *el*, которое обозначено как *«artículo demostrativo»*. По сути, это первое зафиксированное в истории изучения испанского языка прямое признание *un* артиклем.

Таким образом, к XVII в. в испанской грамматической традиции окончательно формируется представление о неопределённом артикле как самостоятельной грамматической категории. Грамматические формы артикля *un* начинают функционально противопоставляться формам определённого артикля *el* по признаку выражения неопределённости или определённости референта, хотя терминологическое обозначение данной грамматической категории не было окончательно закреплено и различалось у разных авторов.

Параллельно в европейской грамматической науке происходило формирование представления о категории артикля как самостоятельной части речи. Значительный вклад в развитие теоретического осмысления грамматического статуса артикля внесла французская «Грамматика Пор-Рояля» (1660), в которой был предложен системный логико-грамматический анализ артикля как самостоятельной части речи, оказавший существенное влияние на испанскую грамматическую традицию. Уже к эпохе Просвещения в испанской грамматической мысли закрепляется подход, согласно которому артикли подразделяются на два вида: определённые и неопределённые, различающиеся по выражаемым грамматическим значениям и функционально-

коммуникативной роли в предложении. Например, грамматика Бенито Сан Педро (1769) уже демонстрирует подход к формам неопределённого артикля *un*, *una* как к полноценным грамматическим единицам, которые выражают категорию неопределённости в современном её понимании.

Несмотря на постепенное формирование и закрепление новой грамматической категории артикля в испанском языке, вопрос о её статусе как самостоятельной части речи оставался дискуссионным на протяжении длительного периода. Вплоть до XX в. в испанской грамматической традиции сохранялись сомнения относительно самостоятельного грамматического статуса форм неопределённого артикля. В ряде грамматических описаний данные формы рассматривались как разновидности прилагательных или количественных числительных. Лишь постепенно, в результате развития теоретических исследований, грамматические формы неопределённого артикля были окончательно закреплены в качестве самостоятельной служебной части речи, реализующей грамматическую функцию выражения категории неопределённости.

Под влиянием французских трактатов середины XVIII в. артикль признаётся служебной частью речи. Появляется термин *determinante* (детерминатив). Бельо отмечает, что морфологическая единица *un* «ограничивает экстенсию понятия, актуализируя произвольный единичный референт», тем самым сближаясь с понятием партикуляризации, но термин антиэкстенсивности отсутствует [24].

В XX веке испанские грамматические исследования значительно углубили изучение природы и функционально-семантических особенностей неопределённого артикля, при этом выдвигались различные и порой противоположные точки зрения на степень грамматикализованности форм артикля *un*, *una*. Так, Амадо Алонсо одним из первых (1933) стал рассматривать форму артикля *un* как самостоятельную грамматическую единицу, обозначающую неопределённость, отделяя её от исходного количественного значения числительного [10; с. 104]. Лапеса вводит оппозицию *artículo de novedad (un) / de continuidad (el)* [13].

В то же время Э. Аларкос Льорак подчёркивал неполную десемантизацию формы неопределённого артикля *un*, указывая на ряд её особенностей, отличающих её от полностью грамматикализованного определённого артикля *el*. В своей грамматике Аларкос Льорак выделял два ключевых признака: во-первых, форма неопределённого артикля *un* якобы сохраняет самостоятельность (имеет собственное ударение), тогда как форма определённого артикля *el* чаще всего выступает проклитически и теряет фонетическую самостоятельность. Во-вторых, форма *un* сохраняет элементы исходного количественного значения («единичности») и тем самым сближается с числительными, в то время как форма *el* полностью семантизирована и выражает лишь грамматическую категорию определённости. Как отмечает Аларкос Льорак, «форма неопределённого артикля *un* никогда не достигает полной грамматизации в той степени, в какой её достигает форма определённого артикля *el*» [12; с. 66].

4. Неопределённый артикль в трудах российских испанистов

Российская грамматическая традиция испанского языка уделяет особое внимание описанию грамматической категории неопределённости, центральным средством выражения которой являются формы неопределённого артикля. Отечественные исследователи внесли значительный вклад в изучение этой категории, предложив оригинальные функционально-семантические и типологические подходы.

Одним из фундаментальных исследований является труд О. К. Васильевой-Шведе и Г. В. Степанова (1980), в котором грамматические формы множественного числа *unos*, *unas* интерпретируются не как артикли, а как местоименные формы с неопределённо-количественным значением «несколько». Авторы вводят понятие «неопределённая соотнесённость», обозначающее представление объекта как одного из неопределённого множества однородных объектов. В частности, подчёркивается, что категория неопределённости может выражаться не только наличием артикля в единственном числе (*un libro*), но и его отсутствием при существительных множественного числа (*libros*) [2; с. 32]. Данный подход демонстрирует необходимость учёта типологических различий при описании категории артикля, поскольку в испанском языке формы типа *unos* имеют особый функциональный статус, не полностью аналогичный всем другим романским языкам.

В современных работах представлен более широкий функционально-семантический анализ грамматической категории неопределённости. Так, В. Б. Попова (2021) трактует неопределённый артикль как дейктическую грамматическую единицу, реализующую типовое (категориальное) значение и допускающую при этом вариативность признаков объекта. По её мнению, неопределённый артикль обозначает объект как представителя класса без уточнения его индивидуальных особенностей, что позволяет говорящему указывать на неопределённого представителя множества однородных объектов (*un perro* – «некая/какая-то собака») [6; с. 21].

В учебной грамматике испанского языка Н. И. Поповой (2019) неопределённый артикль описывается в рамках его исторического развития от числительного *uno* к полноценной грамматической форме. Отмечается, что основная функция неопределённого артикля состоит во введении нового референта в речевой контекст, а также в обозначении единичного объекта как представителя класса предметов [7; с. 25]. Таким образом, подчёркивается преемственность исторического значения и современной функции неопределённого артикля.

В типологической монографии В. Б. Кашкиной (2001) неопределённый артикль рассматривается как элемент функционально-семантического поля неопределённости, при этом автор акцентирует внимание на типологически обусловленных особенностях его функционирования в разных языках, включая испанский. Данный подход позволяет соотнести испанский неопределённый артикль с аналогичными грамматическими средствами других языков и выделить универсальные и специфические признаки выражения категории неопределённости [4; с. 11].

Э. Ф. Киро в диссертационном исследовании (1999), посвящённом сопоставлению категории определённости/неопределённости в русском и испанском языках, анализирует грамматическую форму неопределённого артикля в испанском языке и средства выражения аналогичных значений в русском языке (лексемы «один», «какой-то», а также отсутствие специального маркера). Автор отмечает системный грамматический характер категории неопределённости в испанском языке, в отличие от русского, где подобные значения реализуются преимущественно лексически или с помощью интонационных средств [5; с. 18].

Функциональный подход к анализу неопределённого артикля представлен также в работе Н. В. Боронниковой (2002). В диссертации подчёркивается, что неопределённый артикль выражает не только грамматическую категорию неопределённости, но и несёт особую грамматическую форму, указывая либо на единичность неопределённого

объекта, либо на его презентативную функцию целого класса. Таким образом, грамматическая форма артикля реализует как собственно грамматическое, так и прагматически обусловленное значение неопределённости [\[1; с. 3\]](#).

Российские исследователи значительно расширили и дополнили понимание категории неопределённости, разработав оригинальные термины и подходы. Их вклад заключается в типологическом обосновании грамматического статуса неопределённого артикля, а также в системном функционально-семантическом и прагматическом анализе этой грамматической единицы, что позволило уточнить её роль и значение в испанской грамматической системе.

5. Современное состояние неопределённого артикля в испанском языке

В 1980-2000 гг. в испанистике произошёл переход от преимущественно описательного и структурно-функционального анализа неопределённого артикля к подходам, активно использующим понятийный аппарат формальной семантики и генеративной грамматики. Среди ведущих исследователей, внёсших значительный вклад в изучение категории неопределённости, следует назвать И. Боске (I. Bosque), М. Леонетти (M. Leonetti), Л. Лаку (L. Laca), А. Эскандель (A. Escandell), М. Р. Пикальо (M. R. Picallo) и Э. Контрераса (H. Contreras).

В работе «Sobre la diferencia entre determinación y especificidad» (1989) И. Боске проводит важное различие между двумя аспектами значения неопределённого артикля: детерминацией (синтаксическое обязательство наличия артикля перед существительным в именной группе и специфичностью (семантический оператор, обозначающий знакомство говорящего с референтом). Боске подчёркивает, что неопределённый артикль выступает как детерминант неопределённости, характеризующийся экзистенциальной квантификацией, при которой из множества потенциальных элементов класса выбирается один произвольный экземпляр, не требуя его уникальности. По сути, это соответствует понятию антиэкстенсивности, ранее сформулированному в рамках психосистематики Г. Гийома.

М. Леонетти в статье «Los determinantes» (1999), опубликованной в авторитетной «Gramática descriptiva de la lengua española», развивает функционально-семантический подход к неопределённому артиклю, выделяя три основных функции неопределённого артикля в испанском языке: презентативную (введение нового объекта), классифицирующую (отнесение объекта к определённому классу) и квантифицирующую (обозначение неопределённого количества). Леонетти явно соотносит эти функции с дихотомией язык-речь, под которым понимается перевод имени из состояния потенции в состояние речевого актанта.

Исследователи генеративного направления (Лака, Эскандель, Пикальо, Контрерас) переносят изучение неопределённого артикля в плоскость гипотезы именной группы, согласно которой артикль является синтаксически головным элементом, представленным детерминативом. В этой модели неопределённый артикль интерпретируется как элемент, задающий экзистенциальную переменную, означающую выбор одного объекта из множества.

В современном испанском языке грамматические формы неопределённого артикля *un*, *una* окончательно утвердились в роли основного средства грамматического выражения категории неопределённости. В рамках современной грамматической традиции испанского языка неопределённый артикль рассматривается как самостоятельная

служебная часть речи, входящая в парадигму детерминативов наряду с формами определённого артикля, притяжательными, указательными и другими определительными местоимениями [20]. Согласно академическому описанию, представленному в грамматике RAE (2009), формы неопределённого артикля *un*, *una* чётко разграничиваются от числительного *uno* на основе различий их грамматической функции [21; с. 832].

Тем не менее отдельные лексические конструкции, в которых присутствует форма *un* или её множественное число *unos*, сохраняют отдельные признаки исходного количественного значения. Например, сочетание формы *unos* с числительными выражает приблизительное количественное значение (*unos veinte minutos* – «около двадцати минут»). В конструкции типа *un... otro* («один... другой») также сохраняется исходное значение количественного распределения [21; с. 832]. Однако в типичных случаях употребления (в сочетаниях формы неопределённого артикля с существительным) форма неопределённого артикля полностью лишена количественного значения и реализует исключительно грамматическую функцию выражения неопределённости. В сознании носителей испанского языка формы неопределённого артикля полностью грамматикализованы, а количественные значения выражаются другими грамматическими средствами или лексическими единицами.

Современные академические описания испанского языка чётко фиксируют грамматический статус неопределённого артикля, характеризуя его как самостоятельную служебную часть речи, входящую в парадигму детерминативов [21]. В частности, в «Новой грамматике испанского языка» отмечается функциональная противопоставленность форм неопределённого артикля форме числительного *uno*. Уточняется, что отсутствие форм неопределённого артикля в устойчивых выражениях и в сочетаниях с определёнными лексико-семантическими группами (например, с названиями профессий и национальностей) не связано с выражением количественного значения, а обусловлено грамматически или прагматически закреплёнными правилами [21].

Таким образом, формы неопределённого артикля в современном испанском языке являются полностью семантизированными и функционируют как обязательный грамматический показатель категории неопределённости. Они выступают главным средством выражения партикуляризации актанта речевого действия, находясь в оппозиции к определённому артиклю, которые выражают напротив, генерализацию и известность референта. В результате длительного исторического развития неопределённый артикль окончательно утвердился в роли отдельной служебной части речи, системно участвующей в оформлении именной группы.

Заключение

В ходе проведённого исследования была раскрыта и подробно описана история формирования грамматической категории неопределённости в испанском языке, центральным средством выражения которой являются грамматические формы неопределённого артикля (*un*, *una*, *unos*, *unas*). Основу исследования составили материалы таких авторитетных испанистов, как А. Алонсо, Э. Аларкос Льорак, Р. Лапеса, Х. Позас-Лойо, И. Боске, а также российских исследователей: О. К. Васильевой-Шведе, Г. В. Степанова, В. Б. Поповой, Н. И. Поповой, В. Б. Кашкиной, Э. Ф. Керо и Н. В. Боронниковой.

В результате анализа удалось проследить процесс исторического развития

неопределённого артикля от исходной морфемы латинского числительного *unus* до современного статуса полностью грамматизованного элемента, выступающего в функции партикуляризации референта в испанском языке. В соответствии с методологией исследования данный процесс был охарактеризован как классический пример десемантизации – преобразования исходной полнозначной единицы в грамматическую форму, сопровождающейся постепенным нейтрализацией её первоначального грамматического содержания и приобретением нового.

Исследование позволило выполнить целый ряд задач, которые включали подробный анализ каждого этапа развития неопределённого артикля. Так, была описана исходная словоформа *unus*, её этимология и первоначальная функция числительного в народно-разговорной латыни. На следующем этапе были выявлены первые признаки нейтрализации исходного количественного значения *unus*, появление у него новых, «артиклеподобных» функций и начало его грамматизации на этапе староиспанского развития языка. Было установлено, что в этот период артиклевая функция формы *unus* ещё не сформировалась полностью и её употребление не носило систематический характер, что проявлялось в преобладании безартиклевых конструкций. В дальнейшем были подробно охарактеризованы формирование и закрепление парадигмы форм неопределённого артикля (*un, una, unos, unas*), при этом было подчёркнуто, что морфологические изменения (в частности, апокопа словоформы *uno* до *un* в мужском роде и образование форм множественного числа) сопровождались закреплением новых грамматических значений.

Отдельное внимание было уделено процессу постепенного признания статуса неопределённого артикля как грамматической категории в испанской академической традиции. Были проанализированы работы ведущих лингвистов XVI-XVII веков (А. де Небриха, Г. де Корреас), продемонстрировавшие поэтапное осознание необходимости выделения неопределённого артикля в отдельную грамматическую категорию. Было установлено, что на протяжении длительного периода в грамматической традиции испанского языка сохранялись сомнения относительно утверждения грамматического статуса форм неопределённого артикля. Однако исследования XX века, прежде всего работы А. Алонсо и Э. Аларкоса Льорака, привели к утверждению грамматического статуса форм неопределённого артикля (*un, una, unos, unas*) в качестве самостоятельной служебной части речи, выражающей грамматическую категорию неопределённости и функционально противопоставленной формам определённого артикля [\[10, 12\]](#).

Важной частью работы стало изучение вклада российских исследователей в типологическое и функционально-семантическое описание категории неопределённости. В частности, были выделены оригинальные концепции, такие как «неопределённая соотнесённость», предложенная О. К. Васильевой-Шведе и Г. В. Степановым [\[2; с. 32\]](#), а также функционально-семантический подход В. Б. Кашкиной и Э. Ф. Киро, акцентировавших типологические особенности испанского неопределённого артикля и его сопоставление с аналогичными грамматическими средствами в других языках [\[4-5\]](#). Особо были выделены работы Н. В. Боронниковой, подробно описавшей не только собственно грамматическое, но и прагматически обусловленное значение неопределённого артикля [\[1; с. 3\]](#).

Таким образом, грамматические формы неопределённого артикля в современном испанском языке, согласно изложенным теоретическим положениям, представляют собой полностью десемантизированные элементы, выступающие как обязательные грамматические средства детерминации и введения нового референта в речь. Этот

процесс является наглядной иллюстрацией механизма языковой грамматики, отражает общие закономерности эволюции грамматических форм и позволяет глубже понять механизм адаптации языковых элементов к изменяющимся коммуникативным условиям. Результаты данного исследования могут быть положены в основу дальнейших научных разработок в области диахронической лингвистики, функционально-семантического и типологического подходов к изучению категории определённости/неопределённости, как в испанском языке, так и в других языках.

Библиография

1. Позас Лойо, Х. Развитие неопределённого артикля в средневековом и золотом веке испанского языка: дис. канд. филол. наук. Лондон: Университет Куин Мэри, 2010. 228 с.
2. Берточчи, А., Маралди, М., Орландини, А. Квантификация // Новые перспективы в исторической латинской синтаксисе. Т. 3: Составная синтаксис: квантификация, числительные, обладание, анафора / ред. Ф. Бальди, П. Куццоли. Берлин: De Gruyter Mouton, 2010. С. 19-174.
3. Иванова, Н. В. История испанского языка: учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2025. 512 с. EDN: CRPAYM
4. Позас Лойо, Х. "Развитие неопределённого артикля в средневековом и классическом испанском" // Nueva Revista de Filología Hispánica. 2012. Т. 60. № 2. С. 447-478.
5. Небриха, Антонио де. Грамматика испанского языка (1492): факсимиле. Мадрид: Реальная академия испанского языка, 1992. 250 с.
6. Позас Лойо, Х. Неопределённый артикль: происхождение и грамматикализация. Мехико: Эль Колледжо де Мексико, Центр лингвистических и литературных исследований, 2016. 304 с.
7. Белло, А. Грамматика испанского языка, предназначенная для американцев: 6-е изд. Сантьяго-де-Чили: Университетская типография, 1919. 541 с.
8. Алонсо, А. "Неопределённый артикль un" // Исследования исторической морфосинтаксиса испанского языка. Мадрид: Гредос, 1951 [1933]. С. 104-131.
9. Лапеса, Р. "Un, una как неопределённый артикль в испанском" // Исследования исторической морфосинтаксиса испанского языка. Мадрид: Гредос, 1973. С. 477-487.
10. Исаси, Х. Е., Перес, Х. Э. Эволюция артиклей в испанском языке. Буэнос-Айрес: Университетское издательство, 2023. 220 с.
11. Васильева-Шведе, О. К., Степанов, Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1980. 336 с.
12. Попова, В. Б. "Дихотомия "вариативное/типичное" как дейктический потенциал неопределённого артикля" // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 21-29.
13. Попова, Н. И. Грамматика испанского языка: учебник для вузов. М.: Филология, 2019. 480 с.
14. Кашкина, В. Б. Функциональная типология: неопределённый артикль. М.: Наука, 2001. 215 с.
15. Киро, Э. Ф. Категория определённости/неопределённости в русском и испанском языках: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. 184 с.
16. Боронникова, Н. В. Функциональный анализ семантики артикля: дис. ... канд. филол. наук (спец. 10.02.19 "теория языка"). Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2002. 176 с. EDN: NLZQIB
17. Королевская академия испанского языка (RAE); Ассоциация академий испанского языка (ASALE). Новая грамматика испанского языка. Мадрид: Эспаса, 2009. 2 т.
18. Сан Педро, Б. Искусство испанского языка кастильского (1769): факсимиле. Мадрид: Импрента Реал, 1769. 342 с.
19. Сервантес Сааведра, М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: пер. Н.

Любимова. М.: Художественная литература, 1988. Ч. 1, гл. 1. 704 с.

20. Аларкос Льорак, Э. Грамматика испанского языка. Мадрид: Эспаса-Кальпе, 1994. 560 с.

21. Корреас, Гонсало де. Искусство кастильского языка (1626): факсимиле. Мадрид: CSIC, 1954. 548 с.

22. Литвиненко, Е. В. История испанского языка. Мехико, Д.Ф.: UNAM, 1986. 280 с.

23. Поэма о Мيو Сиде: ред. Р. Менендес Пидаль. Мадрид: Эспаса-Кальпе, 1908. 600 с.

24. Использование неопределенного артикля в современном испанском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.udep.edu.pe/castellanoactual/duda-resuelta-uso-del-articulo-indeterminado> (дата обращения: 10.04.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «История изучения неопределённого артикля в испанской грамматике»

В представленной статье рассматривается историческая эволюция взглядов на употребление и функциональные характеристики неопределённого артикля (*un / una / unos / unas*) в испанском языке. Автор осуществляет комплексный анализ развития лингвистических подходов к интерпретации данной грамматической категории, охватывая период от грамматических трактатов эпохи Золотого века испанской филологии до современных теоретико-функциональных моделей.

Исследование опирается на методологию, сочетающую историко-дескриптивный и сравнительно-аналитический подходы. Особое внимание уделяется критическому осмыслению грамматических трудов как испанских, так и зарубежных исследователей, а также сопоставлению различных теоретических моделей описания неопределённого артикля. Значительное место занимает анализ лексикографических источников и корпусных данных, иллюстрирующих употребление артикля в текстах различных исторических эпох.

Предмет исследования представляется актуальным в контексте как исторической лингвистики, так и современной теории грамматики. В условиях роста интереса к функциональной грамматике и прагматике исследование способов использования артиклей приобретает новое значение, обусловленное необходимостью их семантической и коммуникативной интерпретации. Ретроспективный подход, применённый в работе, позволяет глубже осмыслить трансформации грамматических норм, связанных с категориями определённости и неопределённости.

Научная новизна статьи заключается не только в систематизации и хронологическом изложении существующих теорий, но и в предложении автором собственной типологии подходов к изучению неопределённого артикля. Кроме того, в статье выделены ключевые этапы становления современных научных представлений по данной проблеме. Особенно ценным представляется сопоставление нормативных описаний с реальным языковым употреблением.

Статья написана в ясном и аргументированном научном стиле, избегая избыточной терминологической перегрузки. Это обеспечивает её доступность как для специалистов в области испанской филологии, так и для более широкой аудитории, интересующейся проблемами грамматической теории. Работа обладает чёткой структурой: вводная часть с постановкой исследовательской задачи, основное изложение материала с последовательным анализом, а также заключение с формулировкой выводов. Логика

изложения поддерживается использованием подзаголовков, способствующих навигации по тексту. Автор аргументированно формулирует обобщения и иллюстрирует положения убедительными примерами.

Список использованной литературы включает 24 источника и свидетельствует о широком научном кругозоре автора. В него входят как классические труды (А. Алонсо [1951], А. Белло [1919], А. Небриха [1992]), так и современные исследования (Х. Е. Исаси, Х. Э. Перес [2023], Н. В. Иванова [2025] и др.). Использование источников на испанском, английском и русском языках подтверждает междисциплинарный и сравнительный характер исследования.

Автор корректно и аргументированно вступает в научную полемику с альтернативными точками зрения, демонстрируя приверженность принципам научного плюрализма. Критический анализ противоположных концепций сопровождается убедительной аргументацией. Особое внимание уделено сопоставлению традиционной и функционально-прагматической трактовок артикля, что придаёт полемике аналитическую глубину и научную значимость.

В заключении подчёркивается необходимость дальнейшего изучения проблематики в рамках исторической грамматики и семантики артиклей. Автор также указывает на перспективные направления будущих исследований. Работа представляет интерес для специалистов в области романской филологии, преподавателей испанского языка, лингвистов, занимающихся типологией грамматических категорий, а также историей лингвистических учений.

Статья «История изучения неопределённого артикля в испанской грамматике» является высококачественным научным исследованием, сочетающим историческую глубину анализа и теоретическую продуманность и может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кун М. Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo) // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.73866 EDN: KIJOBV
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73866

Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo)

Кун Мэннань

ORCID: 0009-0003-3684-0861

аспирант; факультет "Филология"; Российский университет дружбы народов

Москва, Профсоюзная улица, 91к4, подъезд 1, 05

✉ 1076796482@qq.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.73866

EDN:

KIJOBV

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2025

Аннотация: Предмет исследования: Контент официального аккаунта RT в Weibo с октября 2019 года по март 2025 года. С развитием медиатизации общества Россия уделяет особое внимание формированию своего национального образа через международные средства массовой коммуникации, используя как внутренние, так и зарубежные СМИ, чтобы усилить свое влияние в мире. В этом контексте RT стремительно укрепила свои позиции в глобальном медиапространстве, став ключевым инструментом продвижения образа России и усиления ее международной информационной повестки. В настоящее время всестороннее стратегическое партнерство между Россией и Китаем в новую эпоху продолжает углубляться, а двусторонние отношения переживают наилучший период в своей истории. В результате образ России в китайских социальных сетях стал значительно более позитивным и благоприятным по сравнению с прошлыми годами. В данной работе проводится сбор и анализ данных публикаций официального аккаунта RT в Weibo, включая темы, страны и позиции, освещаемые в новостях. Особое внимание уделяется способам освещения вопросов, связанных с российско-китайскими отношениями, и стратегиям формирования национального имиджа. Преимущественно

используются количественный анализ, контент-анализ для обобщения коммуникационной деятельности RT в китайской социальной сети Weibo. Образ России в китайских социальных сетях становится всё более позитивным и популярным, при этом RT целенаправленно усиливает распространение контента, посвящённого стратегическому партнёрству России и Китая; В повестке RT прослеживается тенденция к согласованию с официальной позицией Китая, акцентированию идеи «многополярности» и усилению нарратива России о противостоянии гегемонии Запада; RT продвигает мягкую силу российской культуры через популяризацию литературы, искусства, научно-технических инноваций, туризма и образования, демонстрируя китайской аудитории современный образ России как великой державы.

Ключевые слова:

национальный имидж, социальные медиа, RT, СМИ, международный имидж, Weibo, Russia Today, Изображение, Россия, Китай

Введение

Образ России в Китае, согласно исследованиям большинства ученых, исторически делится на три этапа: от образа СССР как «старшего брата» до образа «врага» в период холодной войны, а затем трансформировался в образ «стратегического партнера» в условиях новой международной обстановки^[1]. Россия уделяет особое внимание формированию своего имиджа через международные коммуникации, как в зарубежных, так и в отечественных СМИ, чтобы усилить свое влияние на мировой арене. Среди них Russia Today (Далее в тексте обозначается "RT") быстро повышает свой статус в глобальном медиапространстве, становясь ключевым инструментом для формирования и распространения образа России, а также для усиления ее международной повестки. В настоящее время всестороннее стратегическое партнерство между Россией и Китаем в новую эпоху продолжает развиваться, и российско-китайские отношения находятся на историческом пике. Образ России в китайских социальных сетях стал значительно более позитивным и благоприятным по сравнению с прошлыми периодами. Таким образом, «разъяснение позиции России», «трансляция российской точки зрения» и «восстановление имиджа России» стали конечными целями вещания RT^[2].

Данная статья посвящена исследованию контента, опубликованного на официальном аккаунте RT в китайской социальной сети Weibo в период с октября 2019 года по март 2025 года. Исходя из теории национального имиджа и медиаэффектов, работа систематизирует связанные с национальным имиджем концепции в контексте социальных медиа на основе существующих исследований. Основная цель - проанализировать эффективность формирования образа России через материалы RT в китайском социальном медиапространстве. Это исследование будет способствовать оптимизации коммуникационной стратегии российских mainstream-СМИ в китайских социальных сетях, дальнейшему совершенствованию трансформации образа России в восприятии китайской аудитории, а также развитию дружественных отношений между Китаем и Россией.

I . Национальный имидж и социальные медиа

В конце 1950-х годов Кеннет Боулдинг предложил определение «имиджа», указав, что это «модель поведения, основанная на престиже и общественном мнении, которые люди и страны создают для себя, а не на реальных фактах. Она способна влиять на поведение

как отдельных лиц или групп, так и целых государств»^[3]. К 1990-м годам концепция национального имиджа стала важной частью теории «мягкой силы», предложенной американским исследователем Джозефом Наем. Он особо подчеркнул, что «мягкая сила» — это привлекательность, включающая в себя культуру, ценности и притягательность политических институтов^[4]. Как элемент мягкой силы, национальный имидж служит инструментом защиты и продвижения государственных интересов, обладая убедительной способностью в международных отношениях и дипломатии^[5]. Указанные концепции особо отмечают влияние таких факторов, как международная политика, военный и экономический потенциал, на формирование национального имиджа.

Рахманко П. считает, что социальные сети становятся средством массовой и глобальной коммуникации, играя ведущую роль в продвижении и продаже товаров и услуг. В настоящее время большая часть коммуникации в мире осуществляется через рекламу и продвижение в социальных медиа, что также включает имидж стран. Таким образом, размещение информационных материалов в сети является одним из наиболее эффективных способов продвижения национальных интересов или распространения информации о достижениях страны в различных сферах^[6]. Смирнов С. отмечает, что «интернет и социальные сети способны формировать всесторонний образ страны». Другие российские исследователи также полагают, что интернет и социальные медиа могут способствовать улучшению международного имиджа государства. Подобные исследования показывают, что социальные сети могут напрямую влиять на формирование имиджа страны, улучшать её образ и повышать её позиции на международной арене^[7].

II . Анализ данных контента, распространяемого аккаунтом RT в Weibo

14 мая 2017 года RT официально запустил свой аккаунт в Weibo под названием @今日俄罗斯RT, став первым аккаунтом RT в китайских социальных сетях. Собранные данные показывают, что в первые два года после создания аккаунт практически не получал внимания и взаимодействия с аудиторией. Ситуация изменилась в октябре 2019 года, когда RT создал редакцию на китайском языке и начал активное ведение своих аккаунтов в китайских соцсетях. По состоянию на 30 марта 2025 года количество подписчиков @今日俄罗斯RT в Weibo достигло 1,978 миллиона, количество просмотров видео превысило 2,4 миллиарда раз, а общее число комментариев, репостов и лайков составило 24,97 миллиона. Эти данные свидетельствуют о том, что RT как международное иностранное СМИ пользуется значительной популярностью в китайском информационном пространстве, а китайская аудитория демонстрирует высокий уровень доверия и признательности к распространяемой им новостной информации.

1. Тематика представленных материалов: широкий спектр категорий, с преобладанием социально-бытовой тематики

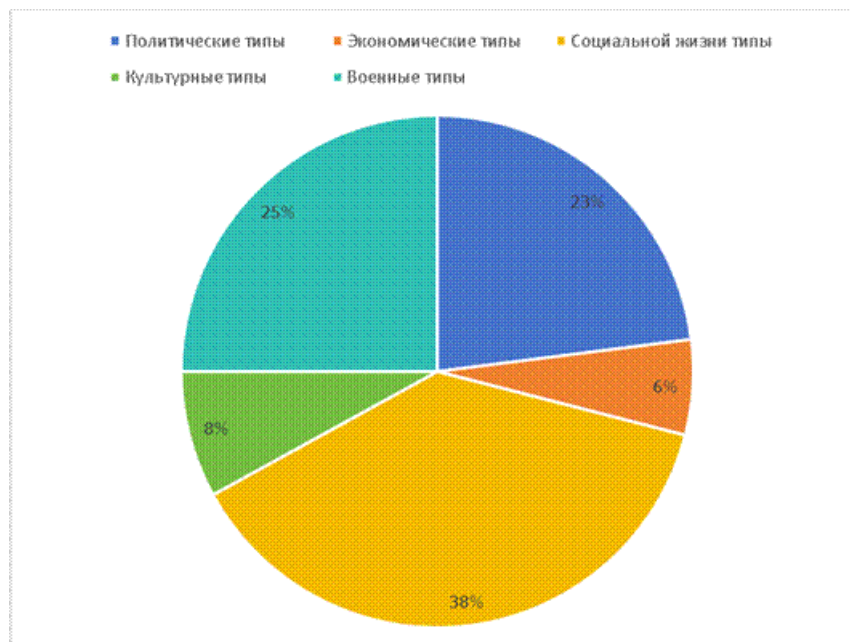

Рисунок 1.0 Классификация содержания в аккаунте Weibo RT

Согласно приведенным данным, по состоянию на 30 марта 2025 года, из общего числа публикаций официального аккаунта «Россия сегодня RT» в Weibo, составляющего 69 463 поста, количество материалов, посвященных международной социально-бытовой тематике, значительно преобладает — 26 396 публикаций, что составляет 38% от общего объема. Далее следуют материалы на военную тематику — 17 366 постов (25%), затем политико-дипломатическая тематика — 15 976 публикаций (23%). На последних местах находятся культурная тематика с 5 557 постами и экономическая — 4 168 публикаций. В целом, охват тематик достаточно широкий и всесторонний. Однако очевидно, что основной акцент сделан на первые три направления, тогда как культуре и экономике уделяется меньше внимания.

Это свидетельствует о том, что RT, будучи официальным международным медиа России, при распространении контента на китайской платформе Weibo учитывает степень знакомства аудитории с информацией и международную значимость событий, выбирая для подачи темы, наиболее

2. Охватываемые регионы: фокус на России, затем на США и Китае

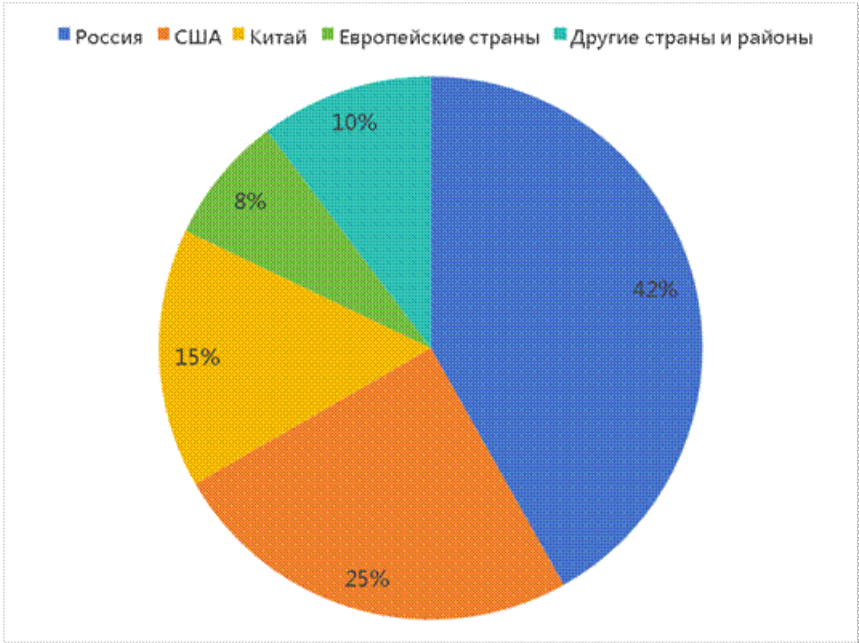

Рисунок 2.0 Частота появления в микроблогах RT Weibo новостного контента о регионе

Как показано на Рисунке 2.0, RT в Weibo охватывает широкий спектр регионов, но с определенными приоритетами. Например, как международное медиа России, чаще всего в публикациях упоминается сама Россия — 27 467 раз. США занимают второе место — 16 269 упоминаний. Третье место принадлежит Китаю, включая материковую часть, Гонконг, Макао и Тайвань — 10 125 упоминаний. Четвертое место занимают другие страны и регионы за пределами Европы — 6 741 упоминание, среди которых значительную долю составляют Ближний Восток и Индия. Европа упоминается реже всего — 5 002 раза.

Таким образом, мы можем увидеть, что RT, как международное средство массовой информации, распространяет в Китае контент с широким тематическим охватом^[8], при этом чётко выделяя приоритетные направления и имея ясно обозначенные цели^[9].

3. Позиционная направленность: преимущественно негативная по отношению к США, объективная к России и позитивная к Китаю

Рисунок 3.0 Распределение тональности контента аккаунта RT на Weibo (негативная

позиция)

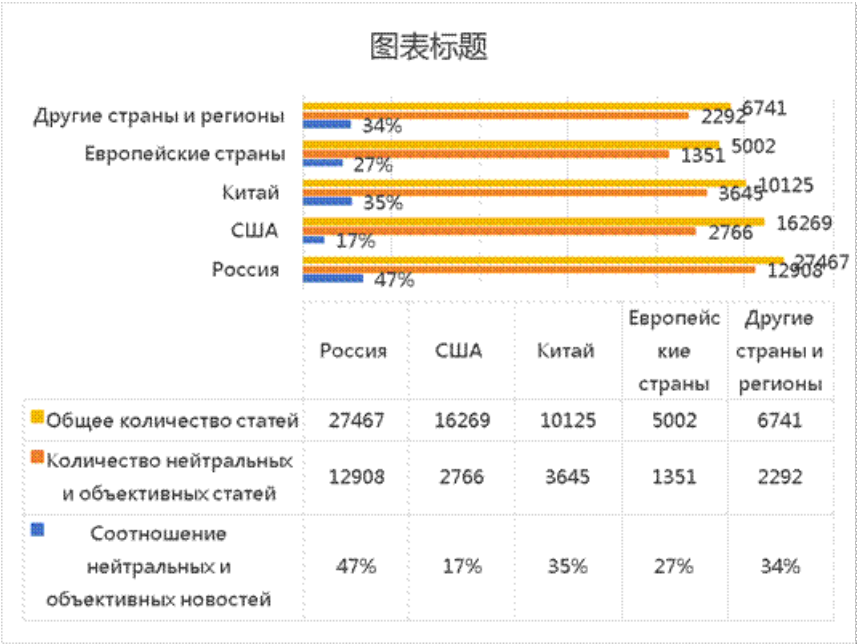

Рисунок 3.1 Распределение тональности контента аккаунта RT на Weibo (нейтральная позиция)

Рисунок 3.3 Распределение тональности контента аккаунта RT на Weibo (позитивная позиция)

Рисунки 3.0, 3.1 и 3.2 показывают, что RT демонстрирует четкую корреляцию в позиционировании по отношению к определенным странам. Согласно Рисунку 3.0, в контенте, касающемся США, преобладают материалы с негативной оценкой — 78%. Для европейских стран этот показатель составляет 58%.

Согласно Рисунку 3.2, публикации RT в Weibo в отношении Китая и России носят преимущественно позитивный характер, без явно негативных материалов. Доля позитивных материалов о Китае достигает 65%, а о России — 53%.

При этом в случае объективной подачи информации без выраженной позиции (Рисунок 3.1), наибольшая доля — 47% — приходится на материалы о России. То есть, когда речь

идет о России, информация чаще всего подается в нейтральном ключе, и такой подход преобладает среди других рассматриваемых стран.

III. Формирование RT образа России в китайских социальных сетях

1. Соотношение тематик контента соответствует стратегическим ориентирам государства и международной обстановке

После начала российско-украинского конфликта в 2022 году объем военной тематики в публикациях RT значительно увеличился. При освещении событий, связанных с конфликтом, RT последовательно использует российскую официальную терминологию — «специальная военная операция»^[10], предоставляя китайской аудитории материалы с российской точки зрения. Это позволяет противодействовать негативному образу России, распространяемому в китайских соцсетях. Политическая тематика, занимающая третье место (19%), отражает характер современной международной обстановки, где глобальная политическая ситуация отличается высокой изменчивостью. Особое внимание уделяется российско-китайским отношениям, которые переживают наилучший период в истории: RT активно освещает позитивное развитие сотрудничества между двумя странами во всех сферах, подчеркивает дружественный характер этих отношений^[11]. Кроме того, в фокусе обсуждений вновь оказались российско-американские и китайско-американские отношения.

Как профессиональное медиа, стремящееся занять значимое место на международной арене, RT выбирает именно эти тематические направления в качестве приоритетных для своей деятельности в китайских соцсетях, руководствуясь собственными медийными целями и учитывая текущую международную обстановку^[12].

2. Стабильная структура содержания: акцент на международных новостях, отражающих внешнеполитическую концепцию

Создание и развитие RT основаны на фундаментальном принципе служения внешнеполитической стратегии России, что непосредственно определяет его коммуникационную стратегию и формирование контента^[13]. Это также является тактической необходимостью для прямой конкуренции с традиционными ведущими международными СМИ^[14]. Только в освещении значимых мировых событий можно в полной мере реализовать стратегию альтернативного информационного подхода, позволив локальной аудитории, не удовлетворённой освещением в западных СМИ, познакомиться с российской точкой зрения. Это, в первую очередь, меняет стереотипное восприятие российских медиа у целевой аудитории и постепенно формирует новый образ России. Если у медиа нет прочной аудиторной базы, создаваемый им образ страны вряд ли получит широкое признание^[15]. В формировании имиджа России только равноправная конкуренция с ведущими западными СМИ, в том числе по одним и тем же темам, позволяет эффективно нейтрализовать или устранить негативные нарративы, продвигаемые западными медиа, разъяснить позицию России по ключевым событиям, а также её внутреннюю и внешнюю политику, избежав искажений и недопонимания из-за некорректной передачи информации.

3. Подчёркивание присутствия России и формирование её позитивного национального имиджа с различных точек зрения

RT опубликовал 27 467 постов на Weibo, касающихся России, что явно демонстрирует его усилия по формированию национального имиджа России как внешнеполитического

медиа страны [16]. Среди видеоматериалов, посвящённых социальной жизни в России, наибольшее количество просмотров набирают именно те, которые подтверждают или усиливают позитивное восприятие России китайской аудиторией. Это, в частности, видео о природных зимних пейзажах России, о величественной и изысканной скульптурной эстетике страны, а также материалы, отражающие уже укоренившиеся в сознании китайской аудитории традиционные образы российского народа и государства: содержание о том, как россияне «держат медведей», «любят крепкие напитки» и «отличаются физической силой».

Стоит отметить, что в процессе формирования положительного образа России RT также координированно сочетает имидж национального лидера с имиджем страны [17]. Так, среди публикаций о России особую группу составляют материалы, направленные на создание персонального образа президента РФ Владимира Путина. В этих публикациях подчёркиваются его характерные черты через повседневные сюжеты: забота о животных в обычной жизни, объективность и трезвость суждений при оценке международной и внутренней ситуации, а также харизматичность на публичных мероприятиях. Такой стиль подачи соответствует популярному в китайском сегменте соцсетей имиджу Путина как «жёсткого, но одновременно доброго» лидера [18]. Воспринимая подобный контент, аудитория неизбежно переносит личный образ главы государства на образ страны в целом, что способствует укреплению позитивного имиджа России в китайском информационном пространстве [19].

4. Создание общего пространства позиций для китайской аудитории и активное формирование позитивного эмоционального нарратива о России

Вторая мировая война, как знаковое событие, изменившее структуру современного мира, имеет особое историческое значение для Китая и России [20]. Коллективная память о войне неизбежно требует международного признания и осмысления. В честь 75-й годовщины Победы во Второй мировой войне RT с 17 января 2020 года начал продвигать в Weibo популярный хештег #二战胜利75周年# ("75 лет Победы во Второй мировой войне"), формируя общественную повестку по данной теме. В течение последующих четырёх месяцев, вплоть до 8 мая 2020 года — кануна Дня Победы, RT систематически публиковал материалы, раскрывающие различные аспекты этой исторической даты. В 2025 году исполняется 80 лет Победы в Великой Отечественной войне России, а также 80 лет Победы китайского народа в Антифашистской войне. С января 2025 года RT запускает на платформе Weibo хештег #纪念伟大卫国战争胜利80周年# ("В честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне"), публикуя видеоматериалы, посвящённые событиям Второй мировой войны и героическим подвигам её участников, а также организуя специальные интервью.

Через эти две тематические кампании, используя современные мультимедийные технологии, RT делает память о Победе цифровой, персонализированной и интерактивной [21]. В представленных материалах акцентируется значительная роль «русского языка» и «участие российских граждан», что подчёркивает вклад СССР во Вторую мировую войну [22]. Таким образом, вновь утверждается образ Советского Союза как главного фронта и победоносной державы, а также закрепляется общая коллективная память, разделяемая китайским обществом [23].

IV. Выводы:

Из деятельности RT на Weibo можно сделать следующие выводы: во-первых, образ

России в китайских социальных сетях становится все более позитивным и популярным, и RT намерен укреплять стратегическое партнерство между Россией и Китаем; во-вторых, RT стремится повторять официальную позицию Китая по тем или иным вопросам, подчеркивая концепцию «многополярности» и усиливая нарратив антизападной гегемонии России; в-третьих, RT продвигает экспорт гуманистической мягкой силы, такой как литература, искусство, наука, технологии и инновации, туризм и образование, для китайской аудитории. В-четвертых, продвигая «мягкую силу» России в области литературы, искусства, научно-технических инноваций, туризма и образования, RT способен продемонстрировать китайской аудитории имидж России как современной державы.

Библиография

1. Zhang Aijun, Liu Shijin. The Imagined Other: Chinese netizens' differentially constructed image of the Russian state // *Frontiers of foreign social sciences*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pg. 34-36.
2. Толоконникова А. В., Будакова Д. О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // *Вестник Московского университета. Серия 10*. 2019. № 5. С. 9. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119. EDN: ACWTIY.
3. Boulding K. E. National Images and International Systems // *The Journal of Conflict Resolution*. 1959. Pg. 120-131.
4. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. С. 130.
5. Baloglu S., McCleary K. W. A Model of Destination Image Formation // *Annals of Tourism Research*. 1999. Vol. 26, No. 4. Pg. 868-897. DOI: 10.1016/S0160-7383(99)00030-4. EDN: YCBTBW.
6. Рахманко П. Социальные сети в интернете и культурный имидж государства // *Томский журнал лингвистических исследований*. 2015. № 3. С. 203-206. EDN: UILQUJ.
7. Смирнов С., Капустин А., Исаев Н. Образ России. Между прошлым и будущим // *Мир России*. 2012. № 1. С. 63-90.
8. Yang Lei. The strategic experience of media discourse in 'Russia Today' // *Media*. 2023. No. 3. С. 58-59, 61.
9. Иванов С. П. RT как инструмент формирования имиджа России в зарубежных социальных медиа // *Вестник Московского университета. Серия 10*. 2021. С. 25-28. Журналистика.
10. Обращение Президента Российской Федерации // 24.02.2024. С. 1-2. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.
11. Zhang Yan, Lin Yalong. An Empirical Study on the Effect of International Communication of ACGT Model--Taking the Case of 'RT Russia Today' on Website B // *Modern Communication*. 2023. Vol. 45. No. 5. Pg. 52-59.
12. Кузнецова Е. В. Деятельность RT в социальных медиа: между журналистикой и пропагандой // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. № 8. С. 29-30.
13. Смирнов Д. Л. RT и формирование информационной повестки в социальных сетях // *Политическая лингвистика*. 2019. № 9. С. 68-70.
14. Kazuhiro Watanabe. Conspiracist Propaganda: How Russia Promotes Anti-Establishment Sentiment Online // *ECPR General Conference*. 2018. Pg. 66-69.
15. Колокольцева Е. В. Понятие имиджа России и его эволюция во внешнеполитической стратегии страны // *Международная жизнь*. 2019. Архив 11 номера. С. 16-19. EDN: MXNWHG.
16. Tian Fengjuan. Shaping and spreading Russia's national image in cyberspace // *Siberian Studies*. 2021. August. Vol. 48. No. 4. Pg. 51-53.
17. Weng Zeren. 'Putin's Image' and Media Shaping Power // *News Window*. 2023. No. 1.

Pg. 53-67.

18. Zhang Juxi, Wang Zhenyu. From Yeltsin to Putin: A Study on the Transformation of Media Image of Russian National Leaders in the New Period // Journalism University. 2021. No. 1. Pg. 19-21.

19. Yan Huanhuan. The Experience and Inspiration of 'Russia Today' in Reshaping National Image // Young Journalists. 2020. No. 33. Pg. 99-100.

20. Liu Lifan, Yan Qiuju. Изучение национального имиджа в России // Political Linguistics. 2024. No. 1 (103). Pg. 171-178.

21. Sofya Glazunova, Axel Bruns. Soft power, sharp power? Exploring RT's dual role in Russia's diplomatic toolkit // Information, Communication & Society. 2023. Pg. 38-40.

22. Василенко И. А. Евразийская идея как фактор формирования имиджа современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 6. С. 17-22. EDN: VJLTTF.

23. Guo Jinfeng. Russian Media's International Communication Strategy from RT TV // Modern International Relations. 2022. No. 3. Pg. 22-26.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию национального имиджа России в китайских социальных сетях на примере деятельности аккаунта RT в Weibo. Актуальность работы обусловлена как важностью развития российско-китайских отношений, так и ролью социальных сетей в формировании имиджа страны на мировой арене («национальный имидж служит инструментом защиты и продвижения государственных интересов, обладая убедительной способностью в международных отношениях и дипломатии», «размещение информационных материалов в сети является одним из наиболее эффективных способов продвижения национальных интересов или распространения информации о достижениях страны в различных сферах»).

Теоретической основой работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как А. В. Толоконникова, Д. О. Будакова, П. Рахманко, С. П. Иванов, Д. Л. Смирнов, Е. В. Колокольцева, И. А. Василенко, S. Baloglu, K. McCleary, W, K.E. Boulding, Tian Fengjuan, Liu Lifan, Yan Qiuju и др. Библиография составляет 25 источников, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям, а также находит отражение на страницах статьи. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта и поставленной цели используются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, статистический метод, компаративный и социокультурный анализ, методы дискурсивного и когнитивного анализа и др.

В ходе исследования данных контента, распространяемого аккаунтом RT в Weibo, проведен статистический анализ тематики представленных материалов; частоты появления в микроблогах новостного контента о России, США, Китае и др.; позиционной направленности (негативной, объективной и позитивной), позволивший выявить преобладание социально-бытовой тематики; высокую частоту упоминания России; преимущественно негативную позицию по отношению к США, объективную к России и позитивную к Китаю. Все статистические данные представлены на рисунках. Изучение формирования RT образа России в китайских социальных сетях показало, что тематика контента соответствует стратегическим ориентирам государства и международной

обстановке; акцент на международных новостях, отражающих внешнеполитическую концепцию; подчёркивание присутствия России и формирование её позитивного национального имиджа с различных точек зрения; создание общего пространства позиций для китайской аудитории и активное формирование позитивного эмоционального нарратива о России. В заключение сформулированы обоснованные выводы, отражающие содержание рукописи.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в изучение национального имиджа России в китайских социальных сетях, а также могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. В целом, статья вполне самостоятельна и оригинальна. Стиль изложения тяготеет к научному типу.

Обращаем внимание, что в тексте рукописи встречаются недочеты технического характера: см «С бурным развитием процессов глобализации и технология больших данных, китайская публика получила возможность самостоятельно и независимо получать больше информации о различных аспектах России через социальные сети»; «Из деятельности RT на Weibo можно сделать следующие выводы: во-первых, ...; во-вторых, ...; в-третьих, ... В-третьих, ...» и др. Также рекомендуем автору(ам) расширить объем рукописи за счет основной (теоретической) части.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo)» автором рассматриваются проблемы отражения результатов сетевой активности российского СМИ.

Материалом исследования послужила страница RT в китайском интернет-пространстве.

Новизна исследования обусловлена тем, что впервые в рамках анализа интернет-активности СМИ RT рассмотрена китайская платформа Weibo.

В исследовании был использован комплексный подход, включающий различные виды контент-анализа интернет-дискурса страницы RT на китайской платформе Weibo.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Основная часть включает в себя 3 подраздела:

- 1) Национальный имидж и социальные медиа
- 2) Анализ данных контента, распространяемого аккаунтом RT в Weibo
- 3) Формирование RT образа России в китайских социальных сетях

В первой части автор рассматривает периодизацию современных российско-китайских отношений и выделяет этапы взаимного интереса, охлаждения отношений и повторное проявление активности в области стратегического партнерства.

Во второй части приводятся результаты анализа наполнения страницы RT, в частности, приведена статистика упоминания ряда тем, репрезентирующих Россию в Китае.

В третьей части описаны инструменты и детали формирования образа России на китайской платформе Weibo.

В результате данного анализа автор приходит к выводу о том, что «во-первых, образ России в китайских социальных сетях становится все более позитивным и популярным, и RT намерен укреплять стратегическое партнерство между Россией и Китаем; во-вторых, RT стремится повторять официальную позицию Китая по тем или иным вопросам, подчеркивая концепцию «многополярности» и усиливая нарратив антизападной гегемонии России; в-третьих, RT продвигает экспорт гуманистической мягкой силы, такой как литература, искусство, наука, технологии и инновации, туризм и образование, для китайской аудитории. В-четвертых, продвигая «мягкую силу» России в области литературы, искусства, научно-технических инноваций, туризма и образования, RT способен продемонстрировать китайской аудитории имидж России как современной державы».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

К сожалению, в статье недостаточно четко описаны предмет, объект, цели, задачи, методы и материалы исследования.

Таким образом, статья «Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo)» является исследованием, открывающим новые перспективы в области изучения интернет-репрезентации России на мировой арене, и она может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования» после добавления целей, задач, методов и т. д.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo)», представленной для публикации в журнале «Филология: научные исследования», автор ставит целью изучить контент, опубликованный на официальном аккаунте RT в китайской социальной сети Weibo в период с октября 2019 года по март 2025 года. Тема исследования представляется актуальной, т.к. характеризует возможности имиджевых материалов, нашедших отражение в одном из изданий СМИ, направленных на формирование и распространение положительного образа России в мире, поскольку, по мнению ряда авторов, в новой социокультурной реальности именно «социальные сети могут напрямую влиять на формирование имиджа страны, улучшать её образ и повышать её позиции на международной арене». Тема актуализируется в связи с различной трактовкой в разных СМИ образа России, что обусловлено как историческими факторами, так и возникновением новых социокультурных реалий, существенно меняющих восприятие России представителями других стран и народов.

В статье проводится анализ данных контента, распространяемого аккаунтом RT в Weibo, по тематике. Автор приходит к выводу о том, что преобладает социально-бытовая тематика; основные новостные материалы охватывают регионы России, США и Китая – «RT, как международное средство массовой информации, распространяет в Китае контент с широким тематическим охватом, при этом чётко выделяя приоритетные направления и имея ясно обозначенные цели». Выявляется позиционная направленность статей, количественно определяемых как «преимущественно негативные

по отношению к США, объективные к России и позитивные к Китаю».

Рассматривая вопрос о формировании RT образа России в китайских социальных сетях, автор выделяет соответствие соотношения тематик контента стратегическим ориентирам государства и международной обстановке; стабильную структуру содержания; формирование позитивного национального имиджа России с различных точек зрения; создание общего содержательного пространства, объединяющего россиян и китайский народ в осмыслении важных переломных этапов истории. Этот далеко неполный перечень дает представление о том, как одно из средств массовой коммуникации, активно транслируя в мировое сообщество ценности и идеи российского общества, всесторонне способствует упрочению положительного имиджа России в глобальном медиапространстве, в частности, в его китайском сегменте.

В целом, статья продолжает тематику ряда работ (часть из которых указана в библиографии), направленных на исследование имиджевой составляющей образа России в мировых СМИ. Новизна работы заключается в привлечении к анализу данных, опубликованных на официальном аккаунте RT в китайской социальной сети Weibo в новейшее время, т.е. за последние 5,5 лет, в течение которых произошли значительные события на мировой политической арене, что обусловило появление информации, по-разному трактуемой существующую обстановку. В связи с этим считаем, что материалы статьи «Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo)» будут интересны читательской аудитории, поэтому работа может быть опубликована в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Юсупов Х.А., Темирбулатова С.М. Ударение в даргинском языке, его функции и лексикографическая практика //

Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74625 EDN: KIJYPL URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74625

Ударение в даргинском языке, его функции и лексикографическая практика

Юсупов Хизри Абдулмаджидович

ORCID: 0000-0003-3195-722X

кандидат филологических наук

заведующий отделом; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы; Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

367008, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, Кировский район, ул. Арухова, д. 5, кв. 3

✉ h-yusupov@mail.ru

Темирбулатова Сапияханум Муртузалиевна

ORCID: 0000-0001-7526-3831

доктор филологических наук

главный научный сотрудник; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы; Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, ул. Гайдара Гаджиева, д. 12а, кв. 67

✉ sapiakhanum@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74625

EDN:

KIJYPL

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2025

Аннотация: Предмет исследования – акцентная система даргинского языка. Цель исследования – изучение акцентной системы даргинского языка. Для достижения цели исследования намечены следующие задачи: во-первых, определить круг научных трудов, в которых в той или иной степени рассматривается ударение даргинского языка;

во-вторых, описать каждый такой труд (с выявлением основных точек зрения); в-третьих, выявить и показать место ударения в двусложных и многосложных словах даргинского языка. Отсутствие исследований по акцентной системе литературного языка довольно сильно осложняет работу лексикографа. Вопрос об ударении в литературном языке имеет большое значение для выяснения некоторых вопросов грамматического порядка, как установление границы слов, определение процесса слияния двух слов или корней в единое целое, что, в свою очередь, может помочь решению орфографического вопроса – вопроса слитного или раздельного написания того или иного слова. При написании данной статьи использовались в основном традиционные методы исследования: метод сплошной выборки – для выявления иллюстративного материала исследования; описательный метод – для характеристики ударных слогов даргинского языка; сопоставительный метод – для выявления общего и особенного в изучении ударения даргинского языка. В статье проанализированы различные труды (научные грамматики даргинского языка и его диалектов, монографии и научные статьи), имеющие сведения об акцентной системе даргинского языка. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе на большом фактическом материале не только описано ударение даргинского языка, но и определены его основные функции. В результате исследования установлено, что даргинский язык преимущественно характеризуется конечнослоговым фиксированным слабым ударением, хотя встречается немало случаев, когда ударение падает на первый слог. В даргинском литературном языке ударение слабое, и оно является фиксированным на определенном слоге, как вне контекста, так и в контексте. В сложениях, а также в некоторых словах с префиксами возможны два ударения: наряду с основным словесным.

Ключевые слова:

даргинский язык, акцентология, акцент, ударение, слово, лексема, слог, двусложный слог, словарь, статья

Введение

Актуальность данной работы обусловлена тем, что ударение является одним из важнейших фонетических признаков слова при вычленении его из потока речи. В каждом языке, в т. ч. и даргинском, ударение имеет свою специфику: оно может быть интенсивным или неинтенсивным, подвижным или неподвижным, разноместным или закрепленным за определенным словом и т. д. В потоке речи постоянным признаком ударного слога является напряженность, а в изолированно произносимых словах – и напряженность, и длительность.

Ударение, как мы знаем, *англ.* stress, *accent*, *фр.* accent, *нем.* Betonung, Akzent, *исп.* Acento – это выделение теми или иными фонетическими средствами – усиление голоса, повышение тона в сочетании с увеличением длительности, интенсивности или громкости – одного из слогов в составе слова [\[5, с. 482\]](#).

Для обозначения ударения существует интернациональный термин акцент. Поэтому наука об ударении называется акцентологией, а типы ударения слов – акцентными типами. Акцентология рассматривает ударение с фонологической и морфологической точек зрения. Фонологические аспекты акцентологии включают в себя: 1) определение места ударного слога; 2) установление фонологического типа ударения. Морфонологические аспекты акцентологии устанавливают: 1) связь ударения с типом морфем или

морфологических структур; 2) правила изменения ударения при изменении слова в пределах парадигмы [\[3, 4\]](#).

Материалом для исследования послужили научные грамматики, учебники, пособия и словари по даргинскому языку: Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка: фонетика и морфология (1954); Жирков Л. И. Грамматика даргинского языка (1926); Мусаев М.-С. М. Дарган мез = Даргинский язык (2014); Темирбулатова С. М. Диалектологический словарь даргинского языка (2022); Юсупов Х. А. Даргинско-русский словарь (2017) и др.

Теоретической базой исследования в вопросе выделения ударного слога в русском и дагестанском языкознании послужили труды Р. И. Аванесова (1984), Л. В. Бондарко (1998), Н. А. Еськовой (1994), А. А. Зализняка (2003), П. Р. Зиндера (1979), Л. Л. Касаткина (2003; 2006), С. Н. Абдуллаева (1954), З. Г. Абдуллаева (1993), С. М. Темирбулатовой (2012).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные могут найти применение в практике преподавания современного даргинского языка, при подготовке учебных пособий по даргинскому языку, а также при составлении словарей (в особенности орфоэпических словарей).

Постановка проблемы

Ударный слог объединяет все остальные слоги (словоформирующая функция) и является как бы вершиной данного слова. Следовательно, основной функцией ударения является выделительная и дифференциальная (ударение служит средством различения слов и разных их значений) функции. Кроме этих функций, словесное ударение выполняет также и смысловозначительную функцию, как в грамматическом, так и в лексическом отношениях.

По месту ударения в слове различают ударение постоянное (фиксированное) и свободное. Постоянное ударение фиксируется по отношению ко всем словам. Так, например, на первом слоге ударение сохраняется в чешском и латышском языках, на последний слог ударение падает во французском, на предпоследнем слоге стоит в польском языке.

При свободном ударении отдельные конкретные слова имеют закрепленное ударение, тогда как для языка в целом и его парадигм ударение оказывается разноместным и подвижным, почему и называется свободным [\[14, 15\]](#).

Несмотря на то, что вопросы изучения ударения являются важнейшими как для кодификации и нормализации литературного языка, так и для лексикографической практики, в даргиноведении до сих пор нет специальных монографических исследований, посвящённых даргинскому ударению и его функции. Впервые о даргинском ударении свое мнение высказал Л.И. Жирков. Правда, он ограничился двумя предложениями: «Ударение в даргинском языке не занимает в слове определенного места (как и в аварском). Также как в последнем оно выражено слабо и далеко не достигает силы, например, русского ударения» [\[8, с. 12\]](#).

Первую попытку научного освещения вопросов, связанных с ударением в даргинском языке, предпринял автор грамматики даргинского языка С.Н. Абдуллаев. Выделяя характерные особенности ударения в даргинском языке, он отмечает, что «оно акустически слабо выражено, мало заметно...» [\[2, с. 61\]](#). Однако в этой работе больше

всего внимание уделено особенностям ударения в разных диалектах, а не литературного даргинского языка. Некоторые выводы по характеристике ударения в литературном языке являются ошибочными.

Большой раздел, посвященный исследованию акцентологической системы даргинского языка, имеется и в работе З.Г. Абдуллаева. По многим вопросам даргинского ударения ученый делает правильные выводы. Так, например, отмечая место ударения в слове, З.Г. Абдуллаев пишет: «В литературном языке в двухсложном слове, скажем, *бард́а* “топор” ударение слабое, малозаметное, но... попытка переместить ударение на другой слог здесь неприемлема, она будет восприниматься как нарушение общепринятой произносительной нормы данного слова. Следовательно, малозаметность, слабость ударения в фонетическом аспекте вовсе не означает отсутствие ударения вообще» [\[1, с. 219\]](#).

Таким образом, несмотря на отсутствие специального исследования, различные аспекты акцентологической системы даргинского языка рассматриваются в отдельных разделах монографических исследований и научных статьях [\[1; 2; 7; 10; 11; 12; 13; 16; 17; 18; 19; 20; 22\]](#).

Результаты исследования

В даргинском языке ударение является фиксированным (неподвижным, постоянным, связанным) т. е. ударение остается на одном и том же месте при образовании грамматических форм слова (например, *буц́эс* «поймать» – *буц́иб* – *буц́или*, *буц́ибси* или *бурц́эс* «ловить» – *бурц́у* – *бурц́ули* – *бурц́уси* и т. д.). Да, в литературном языке ударение является конечнослоговым, хотя, как мы отмечали выше, встречается определенное количество слов с ударением, как на первом, так и на втором слоге. В таких случаях оно способствует различению слов, например: *чеба́эс* «увидеть», но *чеба́эс* «согнать» или *хи́ла* «мучной пыли» (род. п. ед. ч.), но *хилá* «с тех пор, как принесли» (темпоральное деепричастие).

Однако встречаются, на наш взгляд, и не совсем правильные выводы. Например, З.Г. Абдуллаев пишет: «Кто знает современный литературный язык, кто пользуется его произносительными нормами и соблюдает их, тот должен знать, что фонетическое ударение здесь носит устойчиво фиксированный характер – нормой является произношение слова с ударением на последнем слоге... В литературном языке нет минимальных пар слов, фонетически противопоставляемых разноместным ударением» [\[1, с. 223\]](#). Как же тогда быть с такими словами, например: *áбзурдеш* «сцепление» – *абз́урдеш* «цельность», *áбзурси* «сцепленный» – *абз́урси* «цельный», *áрхъа* «освежуй» – *архъá* «рядно», *áсес* «взять» – *ас́эс* «купить», *áтIес* «взять, подцепив» – *ат́Iэс* «вонзиться», *áхъес¹* «выискаться» – *ахъ́эс¹* «рассчитаться; выместить», *áхъес²* «повесить» – *ахъ́эс²* «пройти; утолить», *ѓили* «дав, отдав» – *гил́и* «седло», *т́ебал* «имеется ли» – *теба́л* «остался там», *хÍелав* «не узнает?» – *хIелáв* «твой?», *хÍербарес* «рассмотреть, осмотреть» – *хIербáрес* «содержать», *бáрсбарес* «поменять» – *барсбар́эс* «изменить, преобразить», *бáрха* «смешай, размешай» – *бархá* «зерноприемник», *би́цIес* «таять; плавиться» – *биц́Iэс* «наполнить; наполниться; покрыться», *д́асни* «клей; замазка» – *дасн́и* «спайка; наклейка», *д́ёрхъаб* «формула этикета питья» – *дерхъáб* «пусть расцветает», *б́урги* «наверное, был» – *бурѓи* «головы», «главы, руководители» и т. д. Как видим, в сравниваемых парах слов ударение является разноместным и смысловозначительным. Таких примеров можно привести множество.

Критически оценивая выводы С.Н. Абдуллаева об особенностях ударения в даргинском языке, в частности его тезис об ударяемости начального слога, можно еще раз отметить тот факт, что литературный даргинский язык с его базовым акушинским диалектом характеризуется конечнослоговым фиксированным слабым ударением. Однако ни в коем случае нельзя ставить знак равенства между литературным языком и акушинским диалектом, который в 30-е годы прошлого столетия стал основой для литературного языка. Между тем, известно, что каждый диалект даргинского языка, в т. ч. и акушинский развивается по своим законам, а литературный даргинский язык, подвергаясь с каждым годом нормализации, развивается по своим собственным законам. Те грамматические процессы, которые происходят в акушинском диалекте нельзя механически переносить на даргинский литературный язык.

В многих словах литературного языка, как, например, *кь́у́кьа* «колени», *хь́а́ли* «дом», *зэ́хни* «бревно», *гÍяргIя* «курица», *гÍякьлу* «ум», *цÍуба* «белый» и т. д. ударение падает на первый слог. Если в этих словах ударение перенести на второй слог, то это помешает правильному пониманию значения этих слов. Если при переносе ударения с одного слога на другой значение лексемы изменяется (ср.: *хÍла* «мучной пыли» и *хилá* «с тех пор, как принесли», *б́укес* «отвести» и *букéс* «поесть», *бáшни* «тесто» и *башн́и* «ходьба», *б́яхъес* «ударить» и *бяхъéс* «взбить масло», *гил́и* «седло» и *гÍли* «дав», *луѓи* «колос» и *лúги* «дал бы», *урѓи* «стрела» и *ýрги* «был наверное»), то такое ударение называется ударением слова.

Вопрос об ударении в литературном языке имеет большое значение для выяснения вопросов грамматического порядка, как установление границы слов, определение процесса слияния двух слов или корней в единое целое, что, в свою очередь, может помочь решению орфографического вопроса – вопроса слитного или раздельного написания того или иного слова [6, 9].

Как мы отмечали, в даргинском литературном языке ударение слабое, и оно является фиксированным на определенном слоге, как вне контекста, так и в контексте. Ударяемые слоги выделяются среди неударяемых по силе и в меньшей степени по долготе. Словесное ударение может быть ослаблено. Словоформы с ослабленным ударением называются слабоударяемыми, а ослабленное ударение – слабым, или побочным [21]. В отличие от нормального (основного) ударения, обозначаемого знаком (´), побочное ударение обозначается знаком (˘). Слабоударяемыми в потоке речи, как правило, являются предлоги, союзы, местоименные и вводные слова. Побочное ударение могут иметь не только отдельные слова (словоформы), но и части слов. В сложениях, а также в некоторых словах с префиксами возможны два ударения. Второе ударение в конструкциях такого типа слабее первого, например: *кь́а́р-ши́н* «трава и вода», *ихти́ярагарде́ш* «отсутствие разрешения», *кь́арши́буце́с* «противопоставить», *гь́авваше́с* «предводительствовать» и т. д.

В даргинском литературном языке очень много двусложных лексем (особенно масдаров, потому что почти от всех глаголов образуются масдары), ударение в которых падает на второй слог, например; *акÍни* «рождение», *бакÍни* «приход», *багь́ни* «узнание», *батн́и* «оставление», *белкÍни* «написание», *белсн́и* «сплетение», *бихн́и* «носки», *булхь́ни* «танцевание», *ибн́и* «шитьё», *исн́и* «купля», *керхн́и* «поступление», *укь́ни* «копание», *умчÍни* «облысение», *уркь́ни* «проклинание», *хи́бни* «принесение» и т. д.

На второй слог ударение падает и в других случаях. Как отмечает П.М. Габибуллаева, «в вопросительной форме ударение, как правило, стоит на втором слоге с начала слова:

лебу́? «есть ли?», бицѐбу «продали?», кайѐбу? «сел?» [7, с. 418; 11]. В статье, посвященной исследованию гапшиминского диалекта даргинского языка, Р. О. Муталов пишет: «Следует также отметить, что ударение при образовании вопросительных предложений переносится на последний слог конечного слова. При использовании конструкций с вопросительными словами в конце отмечается наращение элемента **-н**, который отсутствует в акушинском диалекте: Иш чи саян? "Кто это?"; Иш си сабен? "Что это?"; ср. акуш.: Иш чи сая? "Кто это?"; Иш се сабив? "Что это?" » [12].

Отсутствие исследований по акцентной системе литературного языка довольно сильно осложняет работу лексикографа. Ему приходится зачастую самому «решать» частные вопросы постановки ударения в том или ином слове. Следующие примеры (словарные статьи даются в сокращённой форме) из первого «Даргинско-русского словаря», изданного в 2017 году, показывают роль ударения в различении слов в даргинском литературном языке:

ча́рбир-ес, -у; III, I-II *мн.*; *несов.* 1) возвращать, воротить; 2) поворачивать; 3) давать ответ, отвечать. ||*сов.* **ча́рбарес**.

ча́рбѝр-ес, -ар; III, I-II *мн.*; *несов.* возвращаться, вертаться. ||*сов.* **ча́рбѝс**.

ча́ебаки-ес, -иб; III, I-II *мн.*; *сов.* 1) нагрнуть, прийти (*дополнительно, к уже присутствующим*); 2) прийти и застать за чем-л. ||*несов.* **ча́ебашес**.

чебаки-эс, -ѝб; III; *сов.* прорасти, взойти, дать всходы. ||*несов.* **чебашэс**.

чеба́ки-ес, -уб; III, I-II *мн.*; *сов.* о наследниках: родиться, уродиться, появиться на свет. ||*несов.* **чеба́лкѝес**.

чебас-эс, -иб; III, I-II *мн.*; *сов.* 1) снять, скинуть, сбросить (*с транспорта, с крыши, сверху*); 2) отнять, отобрать; 3) вычесть, произвести вычитание. ||*несов.* **чебисэс**.

чеба́с-ес, -ун; III, I-II; *сов.* наклеить(ся), приклеить(ся), прилипнуть. ||*несов.* **чеба́лсес** [23].

Таким образом, в даргинском литературном языке ударение очень часто выполняет словоразличительную функцию. Иногда очень трудно определить (в диалектах), где стоит ударение, так как наличие долгого гласного в слове затрудняет постановку ударения в слове. Встречаются случаи, когда ударение стоит именно на долгом гласном [17, 20]. Например, ударение в кубачинском диалекте является постоянным, хотя может находиться на разных слогах (на первом, втором и последнем) и может выполнять словоразличительную функцию. Именно природная долгота гласных в кубачинском языке создает трудности с постановкой ударения в вокабуле.

Яснее всего ударение выражено в диалектах цудахарской группы. В цудахарском диалекте от смены места ударения изменяется и значение слова. С.Н. Абдуллаев засвидетельствовал ряд примеров, подтверждающих это положение [2, с. 62].

Поэтому ударение в хайдакском языке (диалекте даргинского языка) ясно выраженное, динамичное, разноместное, подвижное, выполняет смысловоразличительную функцию. Ударным может быть любой слог. В двусложных словах типа открытого слога ударным, как правило, является первый слог, например (здесь и далее в скобках даны формы слов литературного языка): *а́нтта* (*а́нда*) «лоб», *кѣ́атти* (*кѣ́ада*) «ущелье», *ми́рхьи* (*ми́рхьи*) «пчела», *цѝ́ука* (*цѝ́ука*) «блоха», *ше́ли* (*ша́ли*) «бок», *а́жи* (*а́ги*) «мелодия» и т.

д.

Но есть слова – исключения из этого правила: *урш́у* (*урш́у*) «сын», *уцц́у* (*уз́у*) «брат», *рицц́у* (*руз́и*) «сестра», *умр́а* (*унр́а*) «сосед», *дисн́а* «вечер», *чирќа* «утро», *дярх́а* «ночь».

В двусложных словах типа закрытого слога ударным обычно является второй слог, например: *хаб́ар* (*хаб́ар*) «сказка, рассказ, новость», *кьад́ар* (*кьад́ар*) «судьба», *игьб́ар* (*игьб́ар*) «счастье, удача», *дилéкI* (*дулéкI*) «печень», *бял́ухъ* (*бял́ухъ*) «рыба», *чIул́ухъ* (*кIил́ухъ*) «двойка», *гIявл́ухъ* (*хIябл́ухъ*) «тройка» и т. д.

Но есть редкие исключения и из этого правила: *я́всан* «порох», *ма́йдам* «человек», *т́ухум* «родня» [18, с. 206].

В трехсложных словах ударным обычно бывает второй слог, например: *хьицIéри* (*хьуцIári*) «плечо», *михьéри* (*михь́ири*) «грудь», *диќала* (*дуќала*) «крыло», *ицц́ала* (*из́ала*) «болезнь» и т.д.

В трехсложных деепричастиях, имеющих в основе преверб, ударным бывает преверб, хотя в форме инфинитива ударение на втором слоге, например: *вегь́ара* «дойти» – *вэгьарел* «пока дойду», *цегь́ара* «дойти» (оттуда сюда) – *цэгьарел* «пока дойду» (сюда), *кегь́ара* «дойти» (сверху) – *кэгьарел* «пока дойду» (сверху) и т. д.

В отрицательных и запретительных формах глаголов ударными бывают отрицательные или запретительные частицы, например: ср. *ма́бират* «не делай» – *а́бирит* «не сделаю»; *ма́лукIат* «не пиши» – *а́лукIит* «не напишу»; *ма́булчIат* «не читай» – *а́булчIит* «не прочитаю».

В формах множественного числа существительных ударными бывают форманты множественности -би, -ба, -ппи, -ми, -ти, -ни, ср.: *хъя́р* (*хъя́р*) «груша» – *хъя́рт́у* (*хъя́рб́у*) «груши», *ули* (*хIу́ли*) «глаз» – *илб́у* (*хIулб́и*) «глаза», *хъя́ли* (*хъя́ли*) «дом» – *хъя́лб́у* (*хъя́лр́и*) «дома», *гъв́яри* (*гIя́ри*) «заяц» – *гъв́ярм́у* (*гIярм́у*) «зайцы», *хIя́ли* (*хIя́ли*) «жир» – *хIилб́а* (*хIя́лб́и*) «жиры» и т. д. [19].

В хайдакском диалекте от перемещения места ударения часто изменяется значение финитной формы глагола прошедшего времени 3 л. Форма приобретает причастное значение, например: *ба́рив* «сделал» – *бар́ув* (*хIя́нчи*) «сделанная (работа)», *гья́ссив* «взял» – *гья́ссу́в* (*кьимат*) «взятая (полученная) оценка», *бе́гур* «прошло» – *бегу́р* *замана* «прошедшее время». В финитных формах глагола ударение часто падает на суффикс. Как, например, отмечает Р. О. Муталов, «в некоторых южнодаргинских языках и диалектах форма причастия настоящего времени, оформленная суффиксом -си отсутствует, и формы облигатива в них образуются от причастия общего, оформленного показателем **-ан**: *ду биркьа́нда*: «мне нужно будет сделать». Ударение при этом падает на гласный суффикса **-ан** [13].

В исследовании, посвященной изучению каузатива цугнинского говора сирхинского диалекта, Г. Р. Сулайбанов и Н. Р. Сумбатова отмечают: «Существует небольшое число аффиксов, которые всегда несут ударение, так что в формах, где эти морфемы присутствуют, никакое варьирование ударения невозможно. Ниже мы называем такие морфемы акцентно-доминантными. В глагольной системе цугнинского диалекта акцентно-доминантными показателями являются, например, суффикс масдара **-ni**, контрастивный атрибутивный суффикс **-il**, суффикс отглагольного имени **-ala**» [16, с. 116].

Встречаются и другие единичные случаи, когда ударение служит единственным смыслоразличительным средством в словах с идентичной формой, например: *дúли* (от *ду* «я» – эргатив) «я» – *дулú* «гной», *дúгъа* «передняя» – *дугъá* «в передней», *бáра* «сделай» – *барá* «чуть-чуть», *бáлкIа* «зажги» – *балкIá* «хромое» (животное) [19, с. 55-58].

Заключение

Таким образом, краткий анализ состояния исследования акцентологической системы даргинского языка показал: во-первых, даргинский литературный язык преимущественно характеризуется конечнослоговым фиксированным слабым ударением, хотя встречается немало случаев, когда ударение падает на первый слог; во-вторых, в даргинском языке ударение является фиксированным (неподвижным, постоянным, связанным) т. е. ударение остается на одном и том же месте при образовании грамматических форм слова; в-третьих, в исследовании ударения и его функций в литературном даргинском языке остается достаточно много белых пятен.

В качестве перспективы дальнейшего изучения акцентной системы даргинского языка можно наметить подготовку монографического исследования, которое способствовало бы более глубокому описанию данной проблемы.

Библиография

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык. I. Фонетика. М.: "Наука", 1993. 286 с.
2. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954. 216 с.
3. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 383 с.
4. Алтайская Е. М. Некоторые лексические закономерности переноса ударения на предлог в сочетаниях "предлог плюс существительное" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 6-12. DOI: 10.30853/phil20220001 EDN: VMENKF.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. 576 с.
6. Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1998. 275 с.
7. Габибуллаева П. М. К вопросу об ударении в даргинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72).
8. Жирков Л. И. Грамматика даргинского языка. Москва: Центр. изд-во народов СССР, 1926. 103 с.
9. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2006. 256 с.
10. Мороз Г. А. Именное ударение в даргинских языках // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики. Сборник статей к юбилею О. Ф. Кривновой. М.: Буки Веди, 2014. С. 245-269.
11. Мусаев М.-С. М. Дарган мез = Даргинский язык. Пособие для вузов. Махачкала: Изд-во "Радуга", 2014. 408 с.
12. Муталов Р.О. О месте гапшиминской речи в системе даргинских языков и диалектов: морфологические данные // Филология: научные исследования. 2022. № 12. С. 29-36. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39482 EDN: UIQTOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39482
13. Муталов Р.О. Система форм будущего времени в даргинских языках // Филология: научные исследования. 2023. № 12. С. 38-46. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69328 EDN: EYYTBR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69328
14. Позднякова Н. А. Ударение в русском языке: все ли так однозначно? // Психология,

педагогика, языкознание: фундаментальные и прикладные исследования : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 16 февраля 2024 года. Краснодар: ИП Кабанов В. Б. (издательство "Новация"), 2024. С. 123-124. EDN: QKNJTK.

15. Семенова Г. П. Освоение заимствованной лексики: проблемы русского ударения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2024. № 211. С. 289-303. DOI: 10.33910/1992-6464-2024-211-289-303. EDN: QUGJFZ.

16. Сулайбанов Г. Р., Сумбатова Н. Р. Об одном типологическом раритете: каузатив в цугнинском диалекте даргинского языка // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 109-131. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.109-131. EDN: WPUMSL.

17. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icarí Dargwa. München: LINCOM EUROPA, 2003. 257 p.

18. Темирбулатова С. М. Ударение в хайдакском диалекте даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии: Материалы региональной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры дагестанских языков Даггосуниверситета. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 1997. С. 206-207. EDN: SKPZZV.

19. Темирбулатова С. М. Хайдакский (кайтагский) язык - диалект даргинского языка: монография. Изд. 2-е, доп. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. С. 55-58. EDN: QXDUOX.

20. Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press, 2020. 604 p.

21. Храмов Б. О. Отклонения от акцентологических норм у представителей разных регионов РФ // День науки: Материалы XXXII научной конференции Амурского государственного университета. Благовещенск, 20 апреля 2023 года. Амурский государственный университет, 2023. С. 273-274. EDN: RYYFFV.

22. Шахбанова П. Г. Ударение в карбачимахинском говоре даргинского языка // Вестник Ун-та Российской академии образования. 2010. № 3. С. 80-82. EDN: NRANQP.

23. Юсупов Х. А. Даргинско-русский словарь. М.: Издательство "Перо", 2017. 1136 с. EDN: ZXUEFH.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает ударение в даргинском языке, его функции и лексикографическая практика. Актуальность работы обоснованно аргументируется тем, что «ударение является одним из важнейших фонетических признаков слова при вычленении его из потока речи. В каждом языке, в т. ч. и даргинском, ударение имеет свою специфику: оно может быть интенсивным или неинтенсивным, подвижным или неподвижным, разноместным или закрепленным за определенным словом и т. д. В потоке речи постоянным признаком ударного слога является напряженность, а в изолированно произносимых словах – и напряженность, и длительность». Также отмечается, что «несмотря на то, что вопросы изучения ударения являются важнейшими как для кодификации и нормализации литературного языка, так и для лексикографической практики, в даргиноведении до сих пор нет специальных монографических исследований, посвящённых даргинскому ударению и его функции». Теоретической основой работы выступили как фундаментальные, так и актуальные труды отечественных ученых, посвященные различным аспектам даргинского языка, в том

числе фонетике и морфологии, ударению в даргинском языке; ударению в хайдакском диалекте и карбачимахинском говоре даргинского языка; фонетическому строю современного русского языка и др. Библиография составляет 23 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Так, апеллируя к точке зрения исследователя фонетики даргинских языков С. Н. Абдуллаева об особенностях ударения в даргинском языке, в частности, не соглашаясь с его тезисом об ударяемости начального слога, автор(ы) отмечают, что «литературный даргинский язык с его базовым акушинским диалектом характеризуется конечнослоговым фиксированным слабым ударением». Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, сравнительно-исторический метод и интерпретативный анализ.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) изучить особенности акцентологической системы даргинского языка, функции ударения и сложности лексикографической практики и выявить, что «даргинский литературный язык преимущественно характеризуется конечнослоговым фиксированным слабым ударением, хотя встречается немало случаев, когда ударение падает на первый слог»; «в даргинском языке ударение является фиксированным»; «в исследовании ударения и его функций в литературном даргинском языке остается достаточно много белых пятен».

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты способствуют более глубокому пониманию специфики акцентологической системы даргинского языка. Результаты исследования могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, а также при разработке вузовского курса по диалектологии даргинского языка.

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ершова И.В. Смысловое наполнение концепта СПОКОЙСТВИЕ в сознании носителей русского языка // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.71079 EDN: KAWPLY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71079

Смысловое наполнение концепта СПОКОЙСТВИЕ в сознании носителей русского языка

Ершова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра преподавания русского языка в других языковых средах, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, оф. 223

✉ imilashevskaya@mail.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.71079

EDN:

KAWPLY

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Аннотация: Объект исследования – содержание концепта СПОКОЙСТВИЕ в национальном сознании. Объект исследования динамичен, поскольку под влиянием экономических, политических процессов, изменений в обществе в целом могут происходить изменения в содержании изучаемого концепта. Предметом исследования являются лексические средства объективации концепта СПОКОЙСТВИЕ в русском языке, представленные в лексикографических источниках, и средства его речевой репрезентации, представленные материалами проведенного в 2023 году цепного (цепочечного) ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 130 носителей русского языка в возрасте от 18 до 80 лет. Объект и предмет исследования определяют его цель – описать смысловое наполнение концепта СПОКОЙСТВИЕ в сознании носителей русского языка с опорой на данные словарей и психолингвистического эксперимента. В работе применяются лингвистические методы дефиниционного и компонентного анализа, полевой метод, метод концептуального анализа. Итоги исследования: в ходе когнитивной интерпретации результатов анализа словарных

данных были выделены восемь когнитивных признаков концепта СПОКОЙСТВИЕ (КП1 – КП8), все они были верифицированы при обработке результатов ассоциативного эксперимента, т.е. являются актуальными для сознания современных носителей языка. Материалы исследования могут быть использованы при разработке пособий по русскому языку как иностранному, лексикологии основного языка, а также при создании ассоциативных словарей. Анализ результатов эксперимента показал, что в содержании концепта также можно выделить такие новые когнитивные признаки, как 'состояние, в котором пребывает человек, находясь дома / в кругу семьи' (КП9) и 'прекращение бытия, существования' (КП10). Следует отметить, что языковая объективация признака КП10 была найдена в этимологических словарях, однако современные толковые словари не фиксируют соответствующее значение ключевой леммы. Несмотря на это, данный когнитивный признак по-прежнему присутствует в сознании некоторых носителей современного русского языка.

Ключевые слова:

когнитивная лингвистика, концепт, содержание концепта, когнитивный признак, полевая модель, психолингвистический эксперимент, ключевая лемма, ассоциативное поле, психолингвистическое значение, русский язык

Актуальность выбранной темы обусловлена неугасающим интересом к исследованиям в области когнитивной лингвистики, изучающей изменения в ценностной картине мира и их отражение в языковом сознании, высокой социальной значимостью концепта СПОКОЙСТВИЕ, а также небольшой степенью научной разработанности вопроса в отечественном языкознании (см. Крашенинникова, 2017 [\[1\]](#)).

Основным постулатом когнитивной лингвистики является положение о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации [\[2, с. 17\]](#). Регулярным средством языковой объективации концепта является имя концепта, или ключевая лемма, номинирующая концепт. Согласно словарным данным [\[3\]](#), существительное *спокойствие* в современном русском языке образовано от непроизводного прилагательного *спокойный* со значением 'бесшумный, лишенный тревог и волнений' [\[4, с. 746\]](#) с помощью словообразовательного суффикса *-ствиј-*, который выделяется в существительном среднего рода и обозначает абстрактное качество или свойство, названное мотивирующим прилагательным, в отвлечении от носителя. Отметим, что мотивирующее прилагательное описывает состояние не только живого, но и неживого: в качестве примеров можно привести такие словосочетания, как *спокойный человек, спокойное животное, спокойная обстановка, спокойная музыка*.

Синонимы ключевой леммы также являются средствами, вербализующими концепт. Лемма *спокойствие* в современном русском языке синонимична словам и словосочетаниям *невозмутимость, хладнокровие, самообладание, умение владеть собой, присутствие духа, сдержанность, выдержанность, выдержка, уравновешенность, бесстрастность, бесстрашие, флегматичность*, описывающим характер человека и его поведение, существительным *тишина, мир, безмятежность, покой*, употребляющимся преимущественно как характеристика состояния внешнего мира, окружающей среды, а также существительным *успокоение, успокоенность, умиротворение, умиротворённость*, описывающим эмоциональное состояние человека [\[5, с. 562\]](#). Антонимические отношения в системе языка устанавливаются у ключевой леммы с существительными

беспокойство, волнение, тревога [6].

С исторической точки зрения семантика лексемы *спокойствие* мотивирована значением существительного *покой*. *Покой* — это внутренняя форма слова *спокойствие*, его этимон. Существительное *покой*, в свою очередь, имеет общий этимологический корень с глаголом *почить* [7, с. 50], употребляющимся в значениях 'успокоиться, уснуть' и 'умереть'. Это глагол прекращения физической деятельности, активности. Однако в современном языке существительное *спокойствие* номинирует в том числе эмоциональное состояние человека.

Анализ дефиниций лексемы *спокойствие*, представленных в толковых словарях современного русского языка [8-10], позволяет сформулировать шесть когнитивных признаков изучаемого концепта: 1) КП1 'состояние окружающей среды, обстановка вокруг' (покой, тишина, отсутствие движения, шума, суеты); 2) КП2 'состояние общества и государства' (порядок, отсутствие правонарушений, социальных волнений, беспорядков); 3) КП3 'образ жизни, характеристика её протекания' (тихая, размеренная жизнь); 4) КП4 'эмоциональное состояние человека' (состояние душевного равновесия, отсутствие волнения, тревоги); 5) 'качество человека, черта характера' (уравновешенность, сдержанность); 6) КП6 'характеристика осуществления действия, процесса' (размеренность, неторопливость). Анализ значений лексемы *спокой*, представленных в ТСЖВРЯ В.И. Даля [11], даёт возможность выделить ещё два когнитивных признака концепта СПОКОЙСТВИЕ: КП 7 'отсутствие какой-либо деятельности, активности' (отдых от работы, забот) и КП8 'физиологическое состояние' (сон).

В ходе лингвокогнитивного исследования признаки концепта могут быть не только выявлены и сформулированы, но и верифицированы с точки зрения их реальной представленности в сознании носителей языка [12, с. 51]. С целью верификации сформулированных когнитивных признаков изучаемого концепта был проведён цепочечный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом *спокойствие*, в ходе которого от респондентов были получены 642 реакции, составляющие ассоциативное поле ключевой лексемы, номинирующей концепт. Реакции приведены в порядке убывания их абсолютной частоты.

Спокойствие — душевное (51), покой, тишина, отдыхать (37), дом, мир, беспокойство, жизнь (35), гармония (31), семья, отдых (23), внутреннее (13), штиль, одиночество, музыка, равновесие (12), умиротворение, только спокойствие (11), на душе, размеренное, домашнее, волнение, волноваться (8), тревожность, русское, успокоиться, обрести, полежать, природа, самообладание, не торопиться, постепенно, морское, сложно, на дорогах, бешенство, успех, расслабление, умение (4), темп, отсутствует, война, когда все здоровы, должно быть во всем, спать, покойник, умереть, смерть, на работе, аккуратно, черта характера, погода, в семье, буря, ярость, беспокоиться, солнечно, в отношениях, на небесах, воодушевляющее, на пенсии (2), надо, Путин, атмосферно, радостно, переживать, когда все дела сделал, мама, уют, перед экзаменом, журнал, каникулы, запас еды, беззаботно, спокойствие духа, лагерь, ресурс, состояние, путь к успеху, флегматики, отсутствие тревог и проблем, мирное небо над головой, не про меня, когда все по плану, дьявольское, диван, йога, я, воскресенье, девиз по жизни, все правильно, олимпийское, невозможное (1).

Описание полевой организации концепта предполагает выявление и описание классификационных когнитивных признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и

крайнюю периферию исследуемого концепта, а также представление содержания концепта в виде полевой структуры [2, с. 46]. Для того чтобы представить (смоделировать) содержание концепта, дифференциальные когнитивные признаки, репрезентированные отдельными реакциями в ассоциативном поле, необходимо объединить в общие классификационные признаки [13, с. 142-143]. Поэтому следующим шагом нашей исследовательской работы стало выделение групп реакций, в которых ассоциаты объединены общим семантическим признаком.

Первый признак, эксплицированный наибольшим количеством полученных ответов (226 реакций, 35%), — это признак психического состояния человека. Он репрезентирован словами и сочетаниями слов *душевное (51), гармония (31), внутреннее (13), равновесие (12), только спокойствие (11), умиротворение (11), на душе (8), успокоиться (4), обрести (4), в отношениях (2), воодушевляющее (2), надо (1), радостно (1), перед экзаменом (1), беззаботно (1), спокойствие духа (1), ресурс (1), состояние (1), отсутствие тревог и проблем (1), дьявольское (1), олимпийское (1), невозмутимое (1)*. Реакция *только спокойствие*, полученная от 11 респондентов, является фрагментом фразы *Спокойствие, только спокойствие!* из мультипликационного фильма «Малыш и Карлсон» и вместе с лексемой-стимулом составляет законченное высказывание. Поскольку спокойствие также определяется в словарях как отсутствие волнений и тревог, в некоторых случаях респонденты дали реакции, состоящие в антонимических отношениях со словом-стимулом либо указывающие на отсутствие спокойствия, сложность его достижения: *беспокойство (35), волнение/ волноваться (16), бешенство (4), сложно (4), отсутствует (2), ярость (2), беспокоиться (2), переживать (1)*. Данная группа реакций в целом дает возможность верифицировать четвёртый когнитивный признак концепта СПОКОЙСТВИЕ — 'эмоциональное состояние' (КП4), а также сделать вывод о том, что в структуре концепта он является одним из ядерных.

Вторая группа реакций (135 ассоциатов, 21%) включает следующие ассоциаты: *покой (37), тишина (37), штиль (12), одиночество (12), музыка (12), природа (4), морское (4), на дорогах (4), когда все здоровы (2), солнечно (2), на работе (2), погода (2), атмосферно (1), журнал (1), запас еды (1)* и антонимическую реакцию *буря (2)* (антоним лексики *покой* согласно словарю М. Р. Львова [6]). Данные ассоциаты описывают состояние природы, обстановку вокруг, некие внешние факторы, способствующие обретению и сохранению спокойствия, и верифицируют когнитивный признак 'состояние окружающей среды' (КП1), который также является ядерным.

Третья группа ассоциатов (75 реакций, 12%) представлена реакциями *отдыхать (37), отдых (23), полежать (4), расслабление (4), на пенсии (2), когда все дела сделал (1), каникулы (1), лагерь (1), диван (1), воскресенье (1)*. Семантика ассоциатов, включённых в данную группу, предполагает отдых от работы и учёбы, ежедневных дел и занятий. Группа становится основанием для верификации такого когнитивного признака концепта СПОКОЙСТВИЕ, как 'отсутствие какой-либо деятельности, активности' (КП7). Данный признак, согласно результатам ассоциативного эксперимента, входит в ближнюю периферию концепта.

Четвёртая выделенная группа реакций (70 ассоциатов, 11%) показывает, что спокойствие у носителей русского языка ассоциируется с семьей и домашним пространством: *дом (35), семья (23), домашнее (8), в семье (2), мама (1), уют (1)*. Нами был выявлен новый когнитивный признак концепта — 'состояние, в котором пребывает человек, находясь дома / в кругу семьи' (КП9). Данный признак не был обнаружен при анализе лексикографических источников. На наш взгляд, он согласуется с КП1

‘состояние окружающей среды, обстановка вокруг’, поскольку отражает представления носителей языка о некоем привычном для человека безопасном пространстве. Данный когнитивный признак также относится к ближней периферии.

Пятая группа ассоциатов (38 реакций, 6%) объединена семантикой отсутствия социальных волнений, потрясений: *мир/ мирное небо над головой* (36). От двух респондентов в ходе опроса также была получена реакция *война* (2), поскольку спокойствие, безусловно, может ассоциироваться у носителей языка с отсутствием военных действий. Данная группа реакций позволяет верифицировать когнитивный признак ‘состояние общества и государства’ (КП2), который входит в дальнюю периферию изучаемого концепта.

В шестую группу (35 ассоциатов, 5,5%) вошли реакции, отражающие восприятие спокойствия как нормы жизни, её неотъемлемой, базовой характеристики, условия её нормального протекания. Слово-ассоциат данной группы — *жизнь* (35). КП3 ‘образ жизни, характеристика её протекания’ также входит в дальнюю периферию изучаемого концепта.

Седьмая группа (28 реакций, 4%) включает в себя ассоциаты, репрезентирующие спокойствие как полезное качество и важный социальный навык: *успех/ путь к успеху* (5), *русское* (4), *самообладание* (4), *умение* (4), *черта характера* (2), *Путин* (1), *флегматики* (1), *не про меня* (1), *я* (1), *девиз по жизни* (1) — и антонимическую реакцию *тревожность* (4). По мнению пяти испытуемых, спокойствие и умение его проявлять в различных жизненных ситуациях необходимы для достижения успеха. Реакция *русское* (4) показывает, что некоторые носители языка считают спокойствие особенностью национального характера, ассоциат *Путин* (1) отражает представления респондента о значимых личных качествах политического лидера. На основании седьмой группы реакций верифицирован такой когнитивный признак концепта, как ‘черта характера’ (КП5), он отнесён к дальней периферии.

В восьмую группу (25 реакций, 4%) вошли ассоциаты *размеренное* (8), *не торопиться* (4), *постепенно* (4), *аккуратно* (2), *темп* (2), *должно быть во всем* (2), *когда все по плану* (1), *йога* (1), *все правильно* (1). Респонденты ассоциируют спокойствие с отсутствием спешки, протеканием событий в заявленном темпе, по запланированному, предсказуемому сценарию. Данная группа реакций позволяет верифицировать признак ‘характеристика осуществления действия, процесса’ (КП6), который входит в дальнюю периферию.

Девятая группа (8 реакций, 1,2%) репрезентирует признак ‘прекращение бытия, существования’ (КП10) и, исходя из максимального количества одинаковых реакций, полученных от респондентов (не более двух), находится в крайней периферии исследуемого концепта. Слова-ассоциаты здесь *покойник* (2), *умереть* (2), *смерть* (2), *на небесах* (2). Отметим, что при анализе материалов современных толковых словарей данный признак не был выявлен и сформулирован, но он соотносится с одним из этимологических значений существительного *покой* — упокоение, смерть.

Десятая группа (2 реакции, 0,3%) включает ассоциат *спать* (2) и дает возможность верифицировать признак ‘физиологическое состояние’ (КП8), который также входит в крайнюю периферию.

Таким образом, обработка результатов ассоциативного эксперимента позволила выделить в содержании анализируемого концепта 10 когнитивных признаков, два из которых — ‘эмоциональное состояние’ (КП4) и ‘состояние окружающей среды’ (КП1), судя

по частоте репрезентирующих их реакций (более 20%), входят в ядро. Еще два признака — 'отсутствие деятельности' (КП7) и 'состояние, в котором пребывает человек, находясь дома / в кругу семьи' (КП9), судя по частоте эксплицирующих их реакций (более 10%), относятся к ближней периферии. Признаки 'отсутствие социальных волнений' (КП2), 'образ жизни' (КП3), 'качество человека' (КП5) и 'характеристика осуществления действия' (КП6) вошли в дальнюю периферию (более 2% реакций). На краю периферии были обнаружены такие признаки, как 'прекращение бытия' (КП10) и 'физиологическое состояние' (КП8).

Проведённый эксперимент позволил расширить представление о смысловом наполнении концепта и суммарно выделить в его содержании 10 когнитивных признаков. Новизна исследования обусловлена тем, что 4 из 10 выявленных признаков (КП7 — КП10) не объективированы в современных толковых словарях, и лишь эксперимент дал возможность сделать вывод об их актуальности для сознания носителей языка. Кроме того, привлечение к исследованию данных ассоциативного эксперимента позволило уточнить психологически реальное значение номинации *спокойствие*: результаты проведённого эксперимента говорят о том, что ключевая лексема чаще всего ассоциируется у респондентов с эмоциональным состоянием человека — состоянием душевного равновесия.

Библиография

1. Крашенинникова Е. С. Концепт «спокойствие» в творчестве Б. К. Зайцева в аспекте этической лингвоэкологии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 144-149.
2. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: ООО «Ритм», 2018.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1990.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1996.
5. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / Сост. Н. И. Шильнова. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2016.
6. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1999.
8. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Гл. ред. А. С. Герд. Т. 27. М. – СПб.: Наука, 2021.
9. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
11. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4-х т. Т. 4. СПб. – М.: т-во М. О. Вольф, 1903–1911.
12. Научная школа в области общего и русского языкознания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина: коллективная монография / Науч. ред. М. А. Стернина, А. В. Рудакова. М.: Изд-во ООО «РИТМ», 2024.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи достаточно оригинальна и интересна. Как отмечает автор, «актуальность выбранной темы обусловлена неугасающим интересом к исследованиям в области когнитивной лингвистики, изучающей изменения в ценностной картине мира и их отражение в языковом сознании, высокой социальной значимостью концепта СПОКОЙСТВИЕ, а также небольшой степенью научной разработанности вопроса в отечественном языкознании...». Фактические наработки исследования открыты, общедоступны, причем иллюстративный фон также доступен и формально объективирован. Считаю, что работа имеет практический характер, в ней есть необходимый рубеж данных, которые целесообразно применять в вузовском обучении. Стил ь соотносится с собственно научным типом: например, «Основным постулатом когнитивной лингвистики является положение о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации [2, с. 17]. Регулярным средством языковой объективации концепта является имя концепта, или ключевая лексема, номинирующая концепт. Согласно словарным данным [3], существительное спокойствие в современном русском языке образовано от непроизводного прилагательного спокойный со значением 'бесшумный, лишенный тревог и волнений' [4, с. 746] с помощью словообразовательного суффикса -ствиј-, который выделяется в существительном среднего рода и обозначает абстрактное качество или свойство, названное мотивирующим прилагательным, в отвлечении от носителя», или «В ходе лингвокогнитивного исследования признаки концепта могут быть не только выявлены и сформулированы, но и верифицированы с точки зрения их реальной представленности в сознании носителей языка [12, с. 51]. С целью верификации сформулированных когнитивных признаков изучаемого концепта был проведён цепочечный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом спокойствие, в ходе которого от респондентов были получены 642 реакции, составляющие ассоциативное поле ключевой лексемы, номинирующей концепт. Реакции приведены в порядке убывания их абсолютной частоты» и т.д. Методология исследования соотносится с рядом актуальных наработок, серьезных противоречий не выявлено. Объективность позиции наблюдается на протяжении всего труда, автор стремится к т.н. позиционированию верификационного взгляда. Примеры даются в режиме общего спектра: «Спокойствие — душевное (51), покой, тишина, отдыхать (37), дом, мир, беспокойство, жизнь (35), гармония (31), семья, отдых (23), внутреннее (13), штиль, одиночество, музыка, равновесие (12), умиротворение, только спокойствие (11), на душе, размеренное, домашнее, волнение, волноваться (8), тревожность, русское, успокоиться, обрести, полежать, природа, самообладание, не торопиться, постепенно, морское, сложно, на дорогах, бешенство, успех, расслабление, умение (4), темп, отсутствует, война, когда все здоровы, должно быть во всем, спать, покойник, умереть, смерть, на работе, аккуратно, черта характера, погода, в семье, буря, ярость, беспокоиться, солнечно, в отношениях, на небесах, воодушевляющее, на пенсии (2), надо, Путин, атмосферно, радостно, переживать, когда все дела сделал, мама, уют, перед экзаменом, журнал, каникулы, запас еды, беззаботно, спокойствие духа, лагерь, ресурс, состояние, путь к успеху, флегматики, отсутствие тревог и проблем, мирное небо над головой, не про меня, когда все по плану, дьявольское, диван, йога, я, воскресенье, девиз по жизни, все правильно, олимпийское, невозмутимое (1)», или «. Он репрезентирован словами и сочетаниями слов душевное (51), гармония (31), внутреннее (13), равновесие (12), только спокойствие (11), умиротворение (11), на душе (8), успокоиться (4), обрести (4), в отношениях (2), воодушевляющее (2), надо (1), радостно (1), перед экзаменом (1), беззаботно (1), спокойствие духа (1), ресурс (1), состояние (1), отсутствие тревог и

проблем (1), дьявольское (1), олимпийское (1), невозмутимое (1). Реакция только спокойствие, полученная от 11 респондентов, является фрагментом фразы Спокойствие, только спокойствие! из мультипликационного фильма «Малыш и Карлсон» и вместе с лексемой-стимулом составляет законченное высказывание» и т.д. Считаю, что смысловое наполнение концепта «СПОКОЙСТВИЕ» так или иначе, раскрыто, объяснено. Выводы по тексту гласят, что «обработка результатов ассоциативного эксперимента позволила выделить в содержании анализируемого концепта 10 когнитивных признаков, два из которых — 'эмоциональное состояние' (КП4) и 'состояние окружающей среды' (КП1), судя по частоте репрезентирующих их реакций (более 20%), входят в ядро. Еще два признака — 'отсутствие деятельности' (КП7) и 'состояние, в котором пребывает человек, находясь дома / в кругу семьи' (КП9), судя по частоте эксплицирующих их реакций (более 10%), относятся к ближней периферии. Признаки 'отсутствие социальных волнений' (КП2), 'образ жизни' (КП3), 'качество человека' (КП5) и 'характеристика осуществления действия' (КП6) вошли в дальнюю периферию (более 2% реакций). На краю периферии были обнаружены такие признаки, как 'прекращение бытия' (КП10) и 'физиологическое состояние' (КП8)» и т.д. Следовательно, задачи исследования решены, верификация сделана правильно. Работа самостоятельна, оригинальна. Серьезной правки текста не требуется, фактические требования издания учтены. Рекомендую статью «Смысловое наполнение концепта СПОКОЙСТВИЕ в сознании носителей русского языка» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Букач О.В., Шелестова О.В. Идеографические признаки авторского стиля в драматургии на материале пьесы Эдварда Олби "The American Dream" // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74960 EDN: JYRSRE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74960

Идеографические признаки авторского стиля в драматургии на материале пьесы Эдварда Олби "The American Dream"

Букач Ольга Владиславовна

ORCID: 0009-0009-8638-5119

кандидат филологических наук

доцент, институт филологии и межкультурной коммуникации; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420029, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Советский р-н, ул. Сибирский Тракт, д. 13

✉ olga.bukach1987@gmail.com

Шелестова Ольга Вадимовна

ORCID: 0000-0001-6703-2734

кандидат филологических наук

доцент, институт филологии и межкультурной коммуникации; Казанский (Приволжский) федеральный университет

420100, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Советский р-н, ул. Академика Сахарова, д. 25, кв. 18

✉ olga.shelestova@kpfu.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74960

EDN:

JYRSRE

Дата направления статьи в редакцию:

24-06-2025

Аннотация: Работа посвящена изучению индивидуального авторского стиля Эдварда Олби в контексте особенностей языка драмы как синтетического вида искусства, а также развития театра абсурда. Предметом исследования выступают способы выражения

авторского стиля в тексте пьесы «Американская мечта»; цель проведенного анализа состоит в выявлении особенностей выразительного языка, играющих определяющую роль в передаче заложенных смыслов и обеспечении задуманного автором эмоционального воздействия на реципиента. Методы исследования включают стилистическую и лингво-культурологическую интерпретацию текста, метод количественного анализа, частотного анализа, а также метод сплошной выборки. Методика анализа идиостиля предполагает использование культурологического и антропоцентрического подходов на первоначальном этапе, а также проведение лингвистического анализа на последующем этапе осуществления исследования. Методика исследования предполагает использование культурологического и антропоцентрического подходов для анализа исторического контекста, особенности речевых характеристик персонажей, эмоционального воздействия, оказываемого на читателя (и зрителя); в результате лингвистического анализа реплик персонажей пьесы были выявлены реализованные в нем идеографические признаки авторского стиля. Это анафора, эпифора и полисиндетон, а также многочисленные лексические повторы. В результате проведенного анализа было установлено: основными идеографическими признаками стиля драматурга, реализованными в тексте рассматриваемой пьесы, являются повторы разных типов, позволяющие автору добиться ощущения отрешенности, присущего драматургам-абсурдистам. Данный прием создает картину безразличного и жестокого социума, в котором общение лишено смысла, а люди не заинтересованы в коммуникации друг с другом; кроме того, повторы обеспечивают определенную ритмическую организацию диалогов и динамику сцен. Результаты могут быть использованы при работе с уже существующими, или при создании новых переводов данной пьесы и других пьес этого автора, максимально точно отражающих особенности авторского стиля. Данный подход представляется актуальным в первую очередь потому, что при жизни известный драматург пристально следил за создаваемыми интерпретациями его пьес, порой отказывая в передаче авторских прав на постановки; после 2016 г. подобной политики придерживается его фонд. Предлагаемый в статье способ анализа будет способствовать точной передаче авторского замысла в переводных текстах, позволяя режиссерам и актерам добиться необходимого эмоционального воздействия на зрителя.

Ключевые слова:

функциональный стиль, язык драмы, анафора, эпифора, театр абсурда, индивидуальный стиль, стилистика, идеографические признаки стиля, повтор, выразительные средства

В отличие от художественных текстов, драматические произведения имеют особые характеристики, обеспечивающие возможность раскрыть перед зрителем те нюансы, которые в обычном художественном тексте, как правило, преобразовываются для читателя в образы; специфика драматического произведения такова, что они должны быть так или иначе вербализованы. Основу драмы (др.-греч. δράμα «деяние, действие») составляет действие, разворачивающееся непосредственно на глазах у зрителя. Как отмечают многие исследователи театра, в частности, Laurie G. Kirszneg и Stephen R. Mandell [\[20\]](#), это действие показано через конфликт, который является главным структурным элементом драматического произведения и определяет все прочие составляющие драматического действия. Так, например, композиционная структура пьесы будет зависеть от того, какие именно способы раскрытия конфликта изберет автор. Иными словами, драматический, или театральный текст не повествует о действии,

а показывает его. В то же время, справедливым является утверждение о том, что отсутствие «жизнеподобного взаимодействия или даже вообще взаимодействия персонажей в постдраматических системах вовсе не отменяет наличие самого драматизма и действенности, транслируемых зрителю по различным эстетическим каналам, что сам сверх сюжет восприятия и интеркультурных связей может формировать этот самый драматизм» [\[13, с.85\]](#).

Драма является синтетическим видом искусства, находящимся на стыке двух других – литературы и театра, что обуславливает его диалектическую природу и подразумевает наличие двойного эстетического кода – литературного и театрального. Кроме того, синтетический характер театрального искусства определяет синтетическую же природу театральных текстов, которые изучаются не только лингвистами, но и режиссерами, а также исследователями театра с точки зрения целостного подхода к драматическому дискурсу. В рамках данного подхода драматическим текстом в широком смысле слова является не только собственно текст, который произносится со сцены и содержит в себе определенные предпосылки к коммуникации между персонажами, между автором и режиссером, режиссером и актерами, актерами и зрителями. Не менее важными составляющими целостного текста являются жесты, мимика, интонации актеров, декорации, костюмы, световое и музыкальное оформление спектакля. Все эти компоненты составляют сложную ткань театральной постановки, определенный ритм и динамика которой становятся важными факторами оказания эмоционального воздействия на зрителя [\[2, 6, 7, 10, 11\]](#).

Что касается языка драматических произведений, то его принято рассматривать в качестве лишь одной из многочисленных составляющих в целой цепи аудиовизуальных знаков, а значит, лишь частью смысловой структуры театрального представления [\[1\]](#). Определяющим фактором при анализе драматических произведений мы считаем постулат режиссера и теоретика театра Эдварда Гордона Крэга о том, что форма пьесы не может быть отделена от ее содержания, а все указания, необходимые для воплощения авторского замысла на сцене, заложены в самом тексте пьесы, созданном драматургом. Режиссеры и актеры, являясь интерпретаторами авторского текста, должны заметить эти указания, а позже следовать им [\[6\]](#).

Как указывает А.А. Мецлер, «в формировании текста как единого целого определяющую роль играет его назначение, для чего, ради каких целей он создается» [\[9, с.16\]](#). Поскольку тексты, принадлежащие к такому функциональному стилю, как язык драмы, создаются для того, чтобы быть поставленными на сцене, драматурги разрабатывают особую систему художественно-выразительных средств, которая позволяет актерам сначала понять и прочувствовать форму, в которой этот персонаж показан, т.е. текст определенной роли, а затем воплотить на сцене образ, обладающий потенциалом оказать на зрителя определенное эмоциональное и эстетическое воздействие.

Все вышесказанное детерминирует особенности языка драматических произведений, к которым теоретики и практики театра относят особую структуру драматического диалога, наличие пауз и ритмическую организацию высказываний, а также использование повторов и ключевых слов [\[2, 6\]](#). Две последние отличительные черты особенно характерны для жанра театра абсурда, типа драмы, в основе которого лежит идея полного отчуждения человека от физической и социальной среды. Пьесы, написанные в этом жанре, впервые появились во Франции в середине XX столетия, после чего распространились по Западной Европе и США. Мир только что пережил Вторую Мировую

войну, которая показала хрупкость человеческой жизни и весьма условную ценность ее материальных атрибутов; мир, отраженный в пьесах абсурдистов, предстает непостижимым и лишенным смысла [5, 17, 18]. Характерными чертами этого нового жанра стали подчеркнутый алогизм, иррационализм в поступках персонажей, мозаичная композиция произведений, гротеск и буффонада в средствах их создания.

Пьесы абсурдистов лишены драматического конфликта, который, как говорилось выше, принято считать ядром традиционной драмы. Когда нет веры в религиозные, политические и нравственные ценности, система которых была разрушена, конфликт, предполагающий разрешение в конце пьесы, становится невозможным. Место его развития занимает статичное раскрытие образа, идеи, заложенной драматургом в произведение. Мартин Эсслин причисляет театр абсурда к антилитературе, говоря об «отказе от языка как инструмента для выражения глубинных уровней смысла» [18]. В пьесах абсурдистов слова теряют свою ценность и могут не значить вообще ничего; за счет этого и создается эффект отрешенности, отстраненности от внешнего мира. «Ошеломляющая алогичность происходящего, нарочитая непоследовательность и отсутствие внешней или внутренней мотивированности поступков и поведения действующих лиц (...) создавали впечатление, что в спектакле заняты актёры, никогда ранее не игравшие вместе и задавшиеся целью во что бы то ни стало сбить друг друга, а заодно и зрителя с толку» [3].

Одним из ярких представителей которого является Эдвард Олби. Последователь абсурдистских традиций С. Беккетта, Э. Ионеско и раннего Г. Пинтера, драматург создает пьесы, которые будоражат интеллектуальное любопытство, поражая неожиданными сочетаниями, «стилистическим полифонизмом», неожиданными переходами от одного ритма, стиля и настроения к другому [12, 15, 16, 19]. Его ранние произведения, в том числе, «Американская мечта», отражают глубокое разочарование в американских идеалах семейной жизни и ценностях американского общества; отношения между людьми, которые показаны в его пьесах, пустые и жестокие. В пьесах Олби, которые уходят корнями в абсурдистскую традицию, поднимаются экзистенциальные темы; они полны хаоса, боли и отчаяния, вызванных самим фактом человеческого существования. Темы, затронутые драматургом, послужили толчком к обсуждению сложности человеческих отношений и проблеме отчуждения, которые находят отклик и у современного читателя и зрителя.

В процессе анализа пьесы «Американская мечта» учитывались как выразительные особенности, свойственные манере Олби, так и отличительные характеристики драматургии абсурда в целом. Драматические диалоги Э. Олби характеризуются как минималистские, саркастически оригинальные и строятся с осторожностью и изяществом. В его пьесах, сознательно рассчитанных на эмоциональный эффект, все жестко и вызывающе; их статика, застывшие мизансцены отражают идею о том, что истинная драма – в мыслях его героев, где происходит переосмысление полученного опыта. Обладатель поэтического чутья в области формы, цвета и ритма слов, драматург виртуозно использовал эстетику контрапункта, сочетая ее с такими абсурдистскими приемами, как алогизм, парадокс, повтор ключевых слов и реплик, игра слов и их значений [15, 16]. Практически каждое слово в произведении служит для достижения цели автора.

В одноактной пьесе «Американская мечта» содержится критика беспечных семейных отношений, строящихся на поверхностных ценностях современного драматургу американского общества. В произведении показаны характеры, занятые тривиальными

проблемами и отражающие абсурдность их существования; нарратив полон черного юмора и едких комментариев. Пьеса Олби показывает противоречия современной ему реальности, а также призывает к переоценке моральных стандартов. В предисловии к своему произведению он пишет: «The play is an examination of the American Scene, an attack on the substitution of artificial for real values in our society, a condemnation of complacency, cruelty, emasculation and vacuity; it is a stand against the fiction that everything in this slipping land of ours is peachy-keen» [\[14\]](#) («Эта пьеса — изучение американской жизни, выпад в сторону подмены в нашем обществе искусственными ценностями настоящих, обвинение в самодовольстве, жестокости, бессилии и пустоте; она противостоит заблуждению, что все в этой нашей безумной стране замечательно». (перевод мой – ОБ).

Действие пьесы разворачивается в американской семье, состоящей из Мамочки, Папочки и Бабули. Супруги ожидают некоего гостя, а Бабуля постепенно выносит на сцену коробки с неизвестным содержимым. Наконец, появляется гость — это Миссис Баркер, председательница женского клуба, в котором состоит Мамочка. Сама гостья не может понять, зачем ее позвали, а хозяйева не знают, зачем она была приглашена. Позже, оставшись с Бабулей наедине, Миссис Баркер узнает, что раньше она работала в службе усыновления и помогла Мамочке с Папочкой усыновить ребенка, которого те вначале калечили, а потом убили. На сцене появляется Молодой Человек — это брат-близнец приемного сына, убитого супругами. Он пришел к ним в дом в поисках работы, но в итоге Миссис Баркер предложила Мамочке с Папочкой его усыновить. В это время Бабуля уходит из дома, но муж с женой быстро об этом забывают, получив нового члена семьи.

Главные действующие лица — жестокая и циничная Мамочка, которая до сих пор состоит в браке с лишенным мужественности и уверенности в себе Папочкой из-за денег и ощущения власти над супругом. Сама она говорит об этом так: «***I have a right to live off of you because I married you, and because I used to let you get on top of me and bump your uglies; and I have a right to all your money when you die***» [\[14, c.67\]](#). Бабуля, представительница старого, неиспорченного поколения, является единственным персонажем, понимающим, что происходит: «***People don't say good-bye to old people, because they think they'll frighten them. Lordy! If they only knew how awful „hello" and „my, you're looking chipper" sounded, they wouldn't say those things either. The truth is, there isn't much you can say to old people that doesn't sound just terrible***» [\[14, c.105\]](#).

Два другие действующих лица — Миссис Баркер и Молодой Человек. Первая до конца не может понять, что она делает в доме и зачем она приглашена: «***But ... I feel so lost ... not knowing why I'm here ... and, on top of it, they say I was here before***» [\[14, c.95\]](#). Несмотря на это, героиня пьесы старается держаться так, как она привыкла вести себя в обществе — уверенно и достойно. Что же касается Молодого Человека, то он является воплощением «американской мечты»: прекрасно сложенным, красивым и весьма приятным внешне, однако пустым и мертвым внутри: «***... It's that I have no talents at all, except what you see ... my person; my body, my face. In every other way I am incomplete, and must therefore ... compensate***» [\[14, c.113\]](#).

Большинство диалогов Мамочки, Папочки и Миссис Баркер не несут смыслового содержания именно потому, что они являются самыми абсурдными персонажами пьесы. В этих диалогах, лишенных смысла, проявляется жестокая, безразличная, натура

общества, показанного драматургом. Прием, который помогает Олби создать такие образы – это повтор.

Как указывает И. Р. Гальперин, «под лексическим повтором понимается повторение слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний... Наиболее обычная функция повтора — *функция усиления* (курсив мой – О.Б.). В этой функции повтор как стилистический прием наиболее близко подходит к повторам как норме живой возбужденной речи» [4]. По нашему мнению, драматург прибегает к лексическому повтору для усиления эффекта от сказанного героями и привлечения внимания читателя к определенным словам, важным для понимания замысла произведения. Здесь важно помнить о главной идее «Американской мечты», описанной выше: в пьесе показаны безнравственность и пустота общества, что и отражается в репликах героев. Использование повторов в их речи позволяет многократно усилить данную характеристику.

Рассмотрим несколько примеров диалогов между этими персонажами. В самом начале произведения Мамочка рассказывает Папочке о том, как она ходила покупать шляпку и спорила с продавщицей о ее цвете. Перед самым рассказом, Мамочка призывает мужа слушать очень внимательно:

«MOMMY: **Payattention.** DADDY: *I am**paying attention**, Mommy.* MOMMY: *Well,**be sure** you do.* DADDY: *Oh, I am.* MOMMY: *All right, Daddy; **now**listen.* DADDY: *I'mlistening,* Mommy. MOMMY: *You're**sure**!* DADDY: *Yes... yes, I'm**sure**, I'm all ears*» [14, с.58-59].

В данном фрагменте наблюдается повтор компонента **pay attention**, анафорический повтор фразы be sure – 're sure – 'm sure, а также повтор глагола listen в двух формах, образующий анадиплосис (*now listen – I'm listening*). На протяжении восьми реплик Олби описывает, как Мамочка принуждает мужа делать то, чего он не хочет, а Папочка, повторяя за женой слова, уверяет, что будет слушать ее историю, которая ему совсем неинтересна.

Рассмотрим другой очень характерный для этих персонажей диалог, в котором Мамочка убеждает Папочку в правильности его решения открыть их дверь гостю:

«DADDY: *But I'm not sure that...*

MOMMY: *Open the door.*

DADDY: *Was I **firm** about it?*

MOMMY: *Oh, so **firm**; so **firm**.*

DADDY: *And I was decisive?*

MOMMY: *SO decisive! Oh I shivered.*

DADDY: *And masculine? Was I really masculine?*

MOMMY: *Oh, Daddy, you were so masculine; I shivered and fainted*» [14, с.74].

Данный диалог является ярким примером того, как Мамочка управляет Папочкой, чтобы тот сделал необходимое. При этом Папочка сам не может принять решения без одобрения его деспотичной жены. Повтор Мамочкой прилагательных «firm», «decisive», «masculine» полностью разрушает положительную семантику этих слов, делая Папочку

еще более слабым в глазах читателя и зрителя пьесы. Повтор слова *shivered* выглядит еще более абсурдно, так как абсолютно ясно, что героиня не трепетала и точно не падала в обморок, но таким образом лишний раз указывает на бесхребетность Папочки. Кроме того, повторяющиеся компоненты создают определенную ритмическую организацию диалога, что становится совершенно очевидным, если обратить особое внимание на фрагменты текста, выделенные жирным шрифтом, отсутствием курсива, подчеркнутые одной линией. Ритм, создаваемый чередованием более длинных и более коротких реплик и фраз, также обеспечивает динамику сцены.

Кроме того, брак Мамочки и Папочки выглядит бессмысленным и ненужным, держится он только на постоянном желании Мамочки управлять супругом, который, в свою очередь, уже потерял чувство собственного достоинства и просто существует рядом с ней, изредка получая поощрение в виде приятных слов. Все, что их объединяет — это повторение фраз друг за другом, которое создает иллюзию их взаимодействия. Этот бессмысленный обмен фразами становится особенно очевидным в сценах, где задействовано третье лицо – например, в сцене разговора с Бабулей после того, как Папочка неосторожно оскорбил ее:

«GRANDMA: Yeah. For shame talking to me that way.

*DADDY: I'm **sorry**, Grandma.*

*MOMMY: Daddy's **sorry**, Grandma*

GRANDMA: Well, alright. In that case... When you get so old, all that happens is that people talk to you this way.

*DADDY: I said I'm **sorry**, Grandma.*

*MOMMY: **Daddy said he was sorry.***

GRANDMA: Well, that's all that counts... 'cause if you don't have that, civilization is doomed.

MOMMY: You've been reading my book club selections again!

DADDY: How dare you read Mommy's book club selections, Grandma!» [\[14, с.65\]](#).

В этом обмене репликами наблюдается эпифорический повтор слова *sorry* и фразы *book club selections*, а также использование параллельных конструкций *I said I'm sorry* – *Daddy said he was sorry*. Производимый эффект следующий: супруги объединились для того, чтобы вместе противостоять Бабуле. Чтобы показать ей, что Папочка действительно сожалеет, Мамочка повторяет клишированное «*I'm sorry*» мужа. Когда Мамочка начинает контратаку фразой о «*book club selections*», супруг также повторяет ее, пытаясь вызвать большее чувство вины. Однако они оба не находят слов, чтобы выразить личное мнение (ввиду его отсутствия) и потому выбирают сказать то же самое, что было сказано партнером.

Даже Бабуля, будучи самым сознательным персонажем пьесы, в своей речи часто использует повторы, пытаясь привлечь внимание на себя и свои проблемы. Однако ее никогда никто не слушает, словно забывая о ее существовании:

*«GRANDMA: You don't have any feelings, that's what's wrong with you. **Old people** make all sort of noises, half of them they can't help. **Old people** whimper, and cry, and belch, and make great hollow rumbling sounds at the table; **old people** wake up in the middle of the*

*night screaming, and find out they haven't ever been asleep; and when **old people** are asleep, they try to wake up, and they can't ... not for the longest time.*

MOMMY: Homilies, homilies».

[\[14, с.68\]](#).

*GRANDMA: **Old people** are very good at listening; **old people** don't like to talk; **old people** have colitis and lavender perfume. Now I'm going to be quiet.*

DADDY: She never mentioned she wanted to be a singer

[\[14, с.72\]](#).

В приведенных примерах Олби прибегает к использованию **анафоры**, которая задает речи Бабушки ритм и выделяет каждое предложение, указывая на значимость того, о чем она говорит – а говорит она о старых людях, т.е., в первую очередь, о себе. Повтор союза, или полисиндетон, также обеспечивает определенную ритмическую организацию ее реплик, предполагая монотонную интонацию перечисления, на которую никто не обращает внимания – об этом свидетельствуют ответные реплики Мамочки и Папочки, которые не обращают внимание на то, имеет ли этот ответ смысл или нет.

Еще один пример использования повторов в речи Бабули — монолог, который раскрывает причины пребывания в квартире Миссис Баркер и появления в Молодого Человека:

«GRANDMA: ... Once upon a time, not very long ago, but a long enough time ago... oh, about twenty years ago... there was a man very much like Daddy, and a woman very much like Mommy, who were married to each other; and they lived in an apartment very much like one that's very much like this one, and they lived there with an old woman who was very much like yours truly, only younger, because it was some time ago; in fact, they were all somewhat younger.

MRS. BARKER: How fascinating!

GRANDMA: Now, at the same time, there was a dear lady very much like you, only younger then, who did all sorts of Good Works... And one of the Good Works this dear lady did was in something very much like a volunteer capacity for an organization very much like a volunteer capacity for an organization very much like the Bye-Bye Adoption Service, which is nearby and which was run by a terribly deaf old lady very much like the Miss Bye-Bye who runs the Bye-Bye Adoption Service nearby.

MRS. BARKER: How enthralling!» [\[14, с.96-97\]](#).

Повтор, которыми пронизан рассказ Бабули (повторяющиеся фрагменты подчеркнуты в тексте одной и двумя чертами), может служить для создания монотонности повествования. Таким образом, Олби создает абсолютно абсурдную ситуацию: ведь содержание монолога должно быть известно Миссис Баркер, потому что все это происходило с ней двадцать лет назад, однако она до самого конца она не понимает, о чем речь, и может только восклицать разные прилагательные («fascinating», «enthraling», «spellbinding», «engrossing» и т.п.), будто слушает нечто совершенно новое.

Наконец, обратимся к Миссис Баркер – абсурдность этого персонажа хорошо показана с

помощью лексического повтора. С самого первого своего появления на сцене она отвечает на большинство просьб и предложений одной и той же фразой:

MOMMY: ... Won't you come in?

MRS. BARKER: Thank you. I don't mind if I do.

...

DADDY: Uh... Mrs. Barker, is it? Won't you sit down?

MRS. BARKER: I don't mind if I do.

...

DADDY: Yes, make yourself comfortable.

MRS. BARKER: I don't mind if I do [\[14, с.76-77\]](#).

Фраза, которая должна использоваться как формула вежливости, звучит странно, как будто Миссис Баркер отвечает сама себе. Поскольку она повторяет одно и то же в одинаковых ситуациях семь раз, фраза становится пустой и бессмысленной, от нее словно остается лишь звучащая оболочка.

В определенный момент развития действия – или, вернее, «развития» так называемого действия – на сцене появляется Молодой Человек. Он рассказывает о том, что, хоть он красиво и хорошо сложен, но потерял все, что у него было внутри. В данном монологе интересно применение **полисиндетона**, или многосоюзия, благодаря которому, как указывает В.А. Кухаренко, не только создается четкий ритмический рисунок, но и достигается равная степень значимости и эмотивности объединяемых им предложений («Both polysyndeton and asyndeton, have a strong rhythmic impact. Besides, the function of polysyndeton is to strengthen the idea of equal logical (emotive) importance of connected sentences [...] ») [\[8, с. 47\]](#).

YOUNG MAN: ..And since that time I have been unable to see anything, anything, with pity, with affection ... with anything but ... cool disinterest. And my groin ... even there ... since one time ... one specific agony ... since then I have not been able to love anyone with my body. And even my hands ... I cannot touch another person and feel love. And there is more ... there are more losses, but it all comes down to this: I no longer have the capacity to feel anything... [\[14, с.114-115\]](#).

В этой речи отражена основная идея пьесы — общество лишилось человечности, все чувственные проявления деградировали, пропала любовь, забота. В данном случае выразительность монолога усиливается за счет использования полисиндетона, обеспечивающего «рваный», неровный ритм фрагмента. В подобных ситуациях персонажи, хоть и ненадолго, видят всю безнадежность и беспорядочность своей жизни. Кроме того, частое использование многоточий создает в многочисленных постоянные паузы, которые не только определяют интонационный рисунок, но и дают зрителям дополнительное время на обдумывание сказанного.

Эдвард Олби, один из самых ярких представителей жанра театра абсурда, рассматривает вербальный язык как нестабильное, ненадежное и не всегда адекватное средство коммуникации. Основным стилистическим приемом, используемом драматургом в анализируемой пьесе «Американская мечта», становится повтор, в т.ч. анафора и

полисиндетон, многочисленные лексические повторы, что позволяет автору добиться того ощущения отрешенности, которое присуще драматургам-абсурдистам. Содержание фраз, которые произносят персонажи пьесы, должно в разных ситуациях выражать гостеприимность, вежливость, семейное тепло, родительскую привязанность, через них персонажи должны проявлять человеческие качества. Однако, применяя лексический повтор, Эдвард Олби лишает смысла слова героев, опустошая и их самих. Как и прочие абсурдисты, он переосмысливает роль языка в драматическом произведении: если в других драматических жанрах реплики героев наполнены образами, оттенками, жизнью, герои абсурдистских произведений говорят клишированными фразами, словно стараясь избежать общения друг с другом. Практическая значимость проведенного исследования заключается в использовании полученных результатов при работе с существующими переводами пьесы в процессе постановки, что позволит создать интерпретацию драматического произведения, наиболее полно отражающую замысел автора.

Библиография

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – ЁЁ Медиа, 2024. – 616 с.
2. Бентли, Э. Жизнь драмы. – М.: Искусство, 1978. – 367 с.
3. Вераксих, И.Ю. Зарубежная литература. XX век: Курс лекций, Лекция № 14. Театр абсурда. – URL: <https://studfile.net/preview/4032209/> (дата обращения: 01.10.2023).
4. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – С. 258, 261.
5. Жиличев, П. Е. Драма абсурда: этапы литературоведческого осмысления в отечественной и зарубежной науке. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5. С. 626-634. – DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-5-626-634. EDN: OWIMNT
6. Крэг, Э.Г. Воспоминания, статьи, письма. – М.: Искусство, 1988. – 394 с.
7. Кубрякова, Е.С., Петрова, Н.Ю. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес). Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (023). С. 64-73. EDN: MVDFNF
8. Кухаренко, В.А. Практикум по стилистике английского языка. – Винница: Нова книга, 2000. – 160 с.
9. Мецлер, А.А. Прагматика коммуникативных единиц. – Кишинев: "ШТИИНЦА", 1990. – 103 с.
10. Сметанина, Н. А. Музыкальность пьес Эдварда Олби (на примере пьесы "Три высокие женщины"). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Вып. 7. С. 2097-2103. – DOI: 10.30853/phil20230344. EDN: KYEVAL
11. Станиславский, К.С. Моя жизнь в искусстве. – М.: АСТ, 2022. – 608 с.
12. Хараз, М. К. Цена успеха: крушение "американской мечты" в драматургии США середины XX века. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 7 (875). С. 152-158. – DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_152. EDN: IRFMYW
13. Чепуров, А.А. В сторону метафизики театра. Об актуальных направлениях театроведческих исследований. Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2023. № 4. С. 82-91. – DOI: 10.35852/2588-0144-2023-4-82-91. EDN: OCSOEW
14. Albee, E. The American Dream and The Zoo Story. – New York: Penguin, 1997.
15. Al-Wahsh, D. M., Zalloum, G. B., Abd-Rabbo, M. The Futility of Language as a Means of Communication in Edward Albee's Who's Afraid of Virginia Woolf?, Fam and Yam, and The Sandbox. Journal of Language Teaching and Research. 2024. 15(3). С. 1-10.
16. Bennett, M. Y. The Routledge Companion to Absurdist Literature. – Taylor & Francis, 2024. – 532 с.

17. Enyue, T., Liu, L. Research on the Theater of Absurd. Arts Studies and Criticism. 2023. 4(1). С. 1-6.
18. Esslin, M. Theatre of Absurd. – URL: <https://faculty.uobasrah.edu.iq/uploads/teaching/1642439873.pdf> (дата обращения: 01.10.2023).
19. Han, X. A Comparative Study on Krapp's Last Tape and The Zoo Story. Academic Journal of Humanities & Social Sciences. 2023. 6(1). С. 45-52.
20. Kirsznner, L. G., Mandell, S. R. COMPACT Literature: Reading, Reacting, Writing. – Cengage Learning, 2017. – 8th ed.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Драматургия в отличие от прозы и поэзии, безусловно, специфична и требует тщательной оценки. Даже при большом количестве серьезных исследований новые работы является ярким дополнением. Собственно это и реализовано в рецензируемой статье. Автор работы останавливается на идеографических признаках авторского стиля в драматургии Эдварда Олби. Выбор драматурга и пьесы «Американская мечта» оправданы. В статье грамотно соотносится практический и теоретический уровни; работа выверена, достаточно информативна. Стиль сочинения соотносится с научным типом: например, «Драма является синтетическим видом искусства, находящимся на стыке двух других – литературы и театра, что обуславливает его диалектическую природу и подразумевает наличие двойного эстетического кода – литературного и театрального. Кроме того, синтетический характер театрального искусства определяет синтетическую же природу театральных текстов, которые изучаются не только лингвистами, но и режиссерами, а также исследователями театра с точки зрения целостного подхода к драматическому дискурсу», или «Как указывает А.А. Мецлер, «в формировании текста как единого целого определяющую роль играет его назначение, для чего, ради каких целей он создается» [9, с.16]. Поскольку тексты, принадлежащие к такому функциональному стилю, как язык драмы, создаются для того, чтобы быть поставленными на сцене, драматурги разрабатывают особую систему художественно-выразительных средств, которая позволяет актерам сначала понять и прочувствовать форму, в которой этот персонаж показан, т.е. текст определенной роли, а затем воплотить на сцене образ, обладающий потенциалом оказать на зрителя определенное эмоциональное и эстетическое воздействие» и т.д. Цитации даются в режиме научного стандарта; ссылки полновесны. Анализ пьесы Э. Олби «Американская мечта» в рамках указанной методологии, на мой взгляд, сделан качественно. Автору убедителен в суждениях, точен в оценках: например, «в процессе анализа пьесы «Американская мечта» учитывались как выразительные особенности, свойственные манере Олби, так и отличительные характеристики драматургии абсурда в целом. Драматические диалоги Э. Олби характеризуются как минималистские, саркастически оригинальные и строятся с осторожностью и изяществом. В его пьесах, сознательно рассчитанных на эмоциональный эффект, все жестко и вызывающе; их статика, застывшие мизансцены отражают идею о том, что истинная драма – в мыслях его героев, где происходит переосмысление полученного опыта». Иллюстративный фон достаточен, примеры художественного текста не нуждаются в правке: «сама она говорит об этом так: «I have a right to live off of you because I married you, and because I used to let you get on top of me and bump your uglies; and I have a right to all your money when you die» [14, с.67].

Бабуля, представительница старого, неиспорченного поколения, является единственным персонажем, понимающим, что происходит: «People don't say good-by to old people, because they think they'll frighten them. Lordy! If they only knew how awful „hello“ and „my, you're looking chipper“ sounded, they wouldn't say those things either. The truth is, there isn't much you can say to old people that doesn't sound just terrible» [14, с.105]», или «Перед самым рассказом, Мамочка призывает мужа слушать очень внимательно: «MOMMY: Payattention. DADDY: I am paying attention, Mommy. MOMMY: Well, be sure you do. DADDY: Oh, I am. MOMMY: All right, Daddy; now listen. DADDY: I'm listening, Mommy. MOMMY: You're sure! DADDY: Yes... yes, I'm sure, I'm all ears» [14, с.58-59]» и т.д. Термины, понятия, которые используются в ходе исследования унифицированы: «в то же время, справедливым является утверждение о том, что отсутствие «жизнеподобного взаимодействия или даже вообще взаимодействия персонажей в постдраматических системах вовсе не отменяет наличие самого драматизма и действенности, транслируемых зрителю по различным эстетическим каналам, что сам сверх сюжет восприятия и интеркультурных связей может формировать этот самый драматизм». Цель работы достигнута; автор приходит к выводу, что «Основным стилистическим приемом, используемом драматургом в анализируемой пьесе «Американская мечта», становится повтор, в т.ч. анафора и полисиндетон, многочисленные лексические повторы, что позволяет автору добиться того ощущения отрешенности, которое присуще драматургам-абсурдистам. Содержание фраз, которые произносят персонажи пьесы, должно в разных ситуациях выражать гостеприимность, вежливость, семейное тепло, родительскую привязанность, через них персонажи должны проявлять человеческие качества. Однако, применяя лексический повтор, Эдвард Олби лишает смысла слова героев, опустошая и их самих. Как и прочие абсурдисты, он переосмысливает роль языка в драматическом произведении: если в других драматических жанрах реплики героев наполнены образами, оттенками, жизнью, герои абсурдистских произведений говорят клишированными фразами, словно стараясь избежать общения друг с другом». Считаю, что тема работы раскрыта, задачи решены; материал целесообразно использовать в рамках изучения зарубежной литературы. Рекомендую статью «Идеографические признаки авторского стиля в драматургии на материале пьесы Эдварда Олби "The American Dream"» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шигуров В.В., Шигурова Т.А., Панфилова Д.В. Словоформы «минимум» и «максимум» в аспекте градуальной транспозиции в наречия: зоны ядра и гибридности // Филология: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.6.74841 EDN: JWKFIQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74841

Словоформы «минимум» и «максимум» в аспекте градуальной транспозиции в наречия: зоны ядра и гибридности

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0001-5342-8471

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Панфилова Дарья Витальевна

педагог; Центр дополнительного образования «Гимназика. Русская классическая школа»; г. Саранск; РФ

430000, Россия, респ. Мордовия, г. Саранск, ул. Севастопольская, д. 56, к. 2, кв. 194

✉ dashavitpan@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.6.74841

EDN:

JW KFIQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-06-2025

Аннотация: В работе представлен опыт комплексного семантико-грамматического исследования ступеней, признаков и предела транспозиции форм именительного и винительного падежей существительных в наречия меры и степени в русском языке. Адвербиализация понимается как процесс изменения дифференциальных признаков в структуре словоформ, поэтапно перемещающихся в типовых контекстах из существительных в наречия. Изложены результаты анализа зон ядерных существительных и гибридных, субстантивно-адвербиальных образований, синтезирующих примерно в равной пропорции свойства взаимодействующих при адвербиализации классов существительных и наречий. На примере субстантивных словоформ «минимум» «максимум» показано, как в разных синтаксических условиях меняется пропорция признаков в указанных словоформах по мере их отдаления от существительных и приближения к количественным наречиям. При исследовании применялись общенаучные, общелингвистические и специальные методы (сравнение, обобщение; структурно-семантический, оппозиционный, дистрибутивный, трансформационный и компонентный анализ, лингвистический эксперимент). В результате исследования установлены основные этапы адвербиальной транспозиции словоформ «минимум» и «максимум», представляющие зоны ядра существительных, гибридности и периферии отсубстантивных наречий. Особый акцент в исследовании сделан на семантико-грамматическом описании словоформ «минимум» и «максимум» при экспликации ими признаков ядерных существительных, а также при совмещении свойств существительных и наречий в статусе гибридных образований. Делается вывод о том, что в процессе продвижения к наречиям словоформы «минимум» и «максимум» минует стадию периферии существительных и не достигает на конечном этапе адвербиализации зоны ядерных наречий. Транспозиция рассматриваемых субстантивов в количественные наречия имеет исключительно функциональный характер: она не приводит к образованию новых адвербиальных слов – лексических омонимов. Предел их адвербиализации сопряжен с появлением особого, адвербиального типа употребления в пределах семантической зоны исходных лексем. Результаты исследования могут найти применение в лексикографической практике, при составлении разных типов словарей, а также в практике преподавания русской грамматики в средней и высшей школе.

Ключевые слова:

русский язык, грамматика, существительное, наречие, функциональная транспозиция, адвербиализация, шкала переходности, ядро, периферия, гибридность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

Одной из важнейших задач транспозиционной грамматики русского языка является комплексное системное исследование причин, предпосылок, признаков и предела транспозиции языковых единиц в системе разных частей речи и семантико-синтаксических разрядов предикативов и вводно-модальных слов и выражений (субстантивация, адъективация, нумерализация, прономинализация,

конъюнкционализация, партикуляция, препозиционализация, интеръективация; предикативация, модалация и др.). Языковой механизм транспозиции обеспечивает возможность лаконично, но емко передавать разноплановую информацию (см., напр.: [1; 5; 11, с. 380–390; 20, с. 42–55; 24, с. 177–191]). Закономерности взаимодействия языковых единиц рассматривали в рамках теории транспозиции (трансляции, конверсии, деривации) ведущие отечественные и зарубежные ученые (см.: [2; 7, с. 68–84; 8; 9; 10; 12, с. 9–25; 15; 16, с. 25–38; 22; 23]). Среди транспозиционных процессов особо выделяются две разновидности – предикативация и модалация, которые представляют собой ступенчатые перемещения словоформ из разных частей речи в межчастеречные разряды безлично-предикативных и вводно-модальных слов и выражений (см., напр.: [19, с. 59–65; 21]).

Актуальность исследования адвербиальной транспозиции языковых единиц в динамическом и статическом аспектах обусловлена повышенным интересом в современной лингвистике к проблемам качественной характеристики высказываний и их компонентов (см., напр.: [14; 17; 18]). Недостаточная изученность механизма функциональной и функционально-семантической транспозиции существительных без предлогов в разные подклассы адвербиальной лексики диктует необходимость исследования его форм, причин, семантической базы и предпосылок, синтаксических условий, признаков, стадий и предела; взаимодействия разных частей речи и межчастеречных разрядов в структуре словоформ, вовлеченных в несколько типов транспозиционных процессов при их пересечении (адвербиализация и партикуляция, модалация и др.). Новизна работы состоит в том, что в ней на примере словоформ *минимум* и *максимум* прослежены основные стадии адвербиализации беспредложных форм существительных в количественные наречия; выявлены особенности зон ядра и гибридности. Показана специфика чисто функциональной транспозиции в наречия. Градуальность адвербиализации обосновывается на материале двух лексических элементов (*минимум*, *максимум*), что представляется методологически и теоретически плодотворным. Такая стратегия исследования позволяет избежать размытия параметров анализа и сосредоточиться на выявлении закономерностей функционирования механизма адвербиализации.

Цель работы – описание семантико-грамматических свойств *минимум* и *максимум*, эксплицирующих ядерные существительные и промежуточные образования, совмещающие примерно в равной пропорции свойства существительных и наречий. Объект анализа – словоформы, представляющие разные степени отхода от существительных и приближения к наречиям. Предмет рассмотрения – стадии ядра существительных и гибридности при поэтапной адвербиализации беспредложных форм именительного / винительного падежа существительных *минимум* и *максимум*. Материал исследования – контексты употребления ядерных существительных, гибридных образований и периферийных наречий из «Национального корпуса русского языка» (далее: [НКРЯ]) [13]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>, а также собственные примеры авторов статьи.

2. Результаты и обсуждение

Транспозиция языковых единиц из класса существительных в подкласс количественных наречий представлена в русском языке небольшим количеством беспредложных образований типа *малость* (*подумать*), *капельку* (*вздремнуть*), *чутьочку* (*опоздать*), *крошечку* (*приподняться*), *ужас* (*высокие*), *страсть* (*хочется отдохнуть*). Особое место среди них занимают субстантивы *минимум* и *максимум*. Они демонстрируют в типовых

контекстах три стадии адвербиализации, представленные соответственно: а) ядерными существительными (стадия **А**); б) гибридными, субстантивно-адвербиальными образованиями (стадия **аБ**) и в) периферийными (собственно грамматическими) наречиями (стадия **аБ**). Проиллюстрируем их на примерах со словом *максимум*, извлеченных из Национального корпуса русского языка:

Зона ядерных субстантивных словоформ:

(1) Мне сейчас нужен **максимум** спокойствия, собранности, целеустремленности, чтоб утвердиться в жизни в чрезвычайных обстоятельствах [И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег», 2013].

Зона гибридных структур:

(2) В общем, к концу 1997 года Валерий Ганин со своими партнерами выжали **максимум** из не связанных с основным бизнесом ОАО «Самарское такси», то есть собственно перевозками, видов деятельности [И. Штольц. По счетчику (2002) // «Дело» (Самара), 31.08.2002].

Зона периферийных отсубстантивных наречий:

(3) Самые дорогие билеты на гастрольные заезды знаменитостей стоили **максимум пять** рублей [Т. Соломатина. Мой одесский язык (2011)].

Зону периферийных существительных (стадия **аБ**), которые демонстрировали бы первую, собственно синтаксическую стадию транспозиции в наречия, словоформы *минимум* и *максимум* не представляют: они не употребляются в сочетании с адъективными распространителями в функции обстоятельства меры и степени. Поэтому переход от зоны ядерных существительных к зоне гибридности происходит у них скачкообразно, минуя периферию существительных. Добавим, что зоны ядра наречий (стадия **Б**) в ступенчатой адвербиализации указанные существительные не достигают. Пределом их адвербиализации является зона периферии наречий, эксплицированная особыми, адвербиальными типами употребления исходных лексем. Это факт чистой грамматики, не связанный с нарушением тождества слова и образованием лексических омонимов. Ср. другие факты чисто функциональной транспозиции языковых единиц в рамках адъективации причастий (*мытые фрукты, разорванный блокнот, высохшая трава*), адвербиализации деепричастий (*говорить улыбаясь, сидеть сгорбившись*), предикативации (*Ему было весело; Грех так поступать*), адвербиализации существительных (*зимой кататься на лыжах*), модалации глаголов (*Говорят, его переводят в другую часть*). Функционально-семантический тип транспозиции, как известно, сопряжен с нарушением смыслового тождества слова и образованием на базе исходной словоформы не только грамматического, но и лексического омонима. Ср., например, модалацию глагольного императива *кажись* (*А ну-ка, давай, **кажись** всем. Пусть на тебя посмотрят --> **Кажись**, мы где-то встречались*), адъективацию страдательного причастия *потерянный* (*Нашли **потерянный** кем-то кошелек --> У него был совершенно **потерянный** вид*), адвербиализацию творительного падежа *рядом* (*Заинтересовались **рядом** необычных стульев, поставленных перед сценой --> **Рядом** никого не оказалось*).

Остановимся на характеристике первых двух стадий адвербиализации словоформ *минимум* и *максимум*, фиксирующих в типовых контекстах ядерные существительные и возникшие на их основе гибриды.

2.1. Зона ядерных существительных (ступень А)

Ядерное существительное *максимум* [лат. *maximum*] обозначает наибольшее количество чего-либо, наибольшую величину в ряду других (*максимум функции* – наибольшее её значение). Антонимичное ему ядерное существительное *минимум* [лат. *minimum*] используется для выражения наименьшего количества, наименьшей величины в ряду данных, а также совокупности мероприятий, средств, знаний и т.п., необходимых для деятельности в какой-либо области (см.: [4, с. 514; 544]). Словоформы *максимум* и *минимум* стоят в одном ряду с другими субстантивами в неопределенно-количественном значении типа *большинство, меньшинство, ряд, часть*. Типовая семантика: 'Какое-либо количество одушевленных или неодушевленных предметов, обычно собранных вместе каким-либо образом или по какому-либо признаку' [3, с. 297–299]. По семантике сочетания типа *максимум (осадков) / минимум (техники)* близки к сочетаниям с качественными прилагательными в форме превосходной степени, обозначающим самую высокую степень проявления количественного признака: «самое большое / наибольшее количество» (осадков); «наименьшее количество» (техники).

Типичной для субстантивных словоформ типа *максимум, минимум* является сочетаемость с существительными (справа) в форме родительного падежа, выражающими считаемые (измеряемые) предметы, явления, а также опредмеченные действия, состояния, свойства. Управление как способ связи с зависимым родительным падежом синтагматически подчеркивает субстанциальную природу данных словоформ; ср.: *максимум дождей, осадков, продукции, усилий, прибыли, продукции, процентов, очков, внимания возможного, заинтересованности; минимум пользы, усилий* и т.п. Напр.:

(4) *Недальновидный Трампуша прилагает **максимум усилий** для сплочения России и Китая, постепенно сдвигая в сторону этого альянса центр мировой силы* [А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019] [НКРЯ];

(5) *Дневной крем должен не только защищать лицо от вредного ультрафиолета, но и приносить **максимум пользы*** [Пусть солнце дружит с красотой: мягкая защита от ультрафиолета // «Даша», 2004] [НКРЯ];

(6) ***Максимум красавиц** приходился на Далмацию, Сербию, в Италии – на Болонью, Тоскану* [Д. Гранин. Зубр (1987)] [НКРЯ];

(7) *Пловец был КМС, но это был, похоже, **максимум того**, чего он мог достичь на спортивном поприще, – но и с ним, и с Мариной, и со штангистом возились так, будто они были уже олимпийские чемпионы* [А. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга», 2016] [НКРЯ];

(8) *Кстати, мы не сглаживали его оценок в воспоминаниях, потому что это был **максимум негатива**, который можно от него услышать* [О. Шульчева-Джарман, Т. Александрова. «Это нельзя публиковать – повредит репутации владыки» (04.11.2015) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015] [НКРЯ].

Присловная подчинительная связь в виде управления формой родительного падежа без предлога (единственного или множественного числа) сохраняется у ядерных существительных *максимум, минимум* во всех падежах; ср. *минимум нагрузки; о минимуме нагрузки* и др.

Для отсубстантивных наречий *максимум, минимум* связь управления родительным падежом исключена. Ср. контексты употребления грамматических омонимов –

существительного *максимум* (9) и наречия *максимум* (10):

(9) Для решения последней задачи потребовался **максимум времени** (сущ. со знач. «наибольшее количество»);

(10) Для решения второй задачи нужен был **максимум час** (нареч. со знач. «максимально, самое большее»).

Значительно реже ядерный субстантив *максимум* сочетается с адъективными словами, которые также «удерживают» его в системе существительных, препятствуя адвербиализации и адъективации; ср. существительное *максимум* (11), наречие *максимум* (12) и аналитическое прилагательное *максимум* (13):

(11) **Максимум** падения достаточности капитала НПФ пришелся на конец третьего квартала 2013 года [В. Иванова. Регулятор повышает надежность // «Эксперт», 2014] [НКРЯ]; В «Натюрморте с фруктами и чашей» Миньон проявил **максимум** своих умений: тонко и скрупулезно прорисованы детали изображаемых объектов, их формы красивы и изящны [Т. Акимова. Национальная галерея Прага (2011)] [НКРЯ] & «наибольшее количество»);

(12) Садись и **помолчи** минут двадцать, **максимум** – полчаса [А. Селиванов. Девушка, потерявшая сердце // 1916] [НКРЯ]; Когда началась война, им авторитетно заявили, что они вернутся **максимум** через три месяца, а то и через два, ничего лишнего брать с собой не следует [М. Блехман. Римские цифры // «Ковчег», 2012] [НКРЯ] & «самое большее, максимально»);

(13) Говоря о ситце, машине и быте, производственники целили в человека, вернее, в его растущие возможности и новую родовую, общественную сущность, надеясь на плавный переход к осуществлению программы-**максимум** [И. Чубаров. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда (2014)] [НКРЯ]; Задача-**максимум** сформулирована как активное участие в рассмотрении актуальных для металлургических предприятий вопросов, проводимых ТПП РФ, Госдумой, правительством, общественными организациями [В Комитете по металлургии Торгово-промышленной палаты РФ (2003) // «Металлы Евразии», 03.11.2003] [НКРЯ] (≈ «максимальная»).

Ср. также:

(14) И выясняется, что новая курсовая политика – это лишь **задача-минимум**, а **задача-максимум** – устранение очагов социализма в российской экономике [Н. Вардуль. Слова Грефа, музыка Александрова // «Коммерсантъ-Власть», 2002] [НКРЯ].

Примеры употребления ядерных существительных *максимум*, *минимум* с адъективными распространителями немногочисленны и замкнуты в нередко в сфере профессиональной коммуникации. Ср.:

(15) Но наша задача, чтобы средняя пенсия по стране все-таки оставалась хотя бы немного выше, чем **прожиточный минимум** по регионам [О. Карпова. А. Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31] [НКРЯ]; При этом в минувший понедельник индекс в очередной раз обновил **исторический максимум** [П. Михальчук. Американские «десятилетки» – на месячном максимуме // «Эксперт», 2014] [НКРЯ]; Не обязан я вам тут **кандидатский минимум** сдавать [И. Грекова. На испытаниях (1967)]; **Географический максимум** активности гроз находится в приэкваториальном районе над Африкой, Юго-Восточной Азией и Южной Америкой [Б. Хренов. Верхняя атмосфера: встреча земных и космических сил // «Наука в России»,

2014] [НКРЯ]; *Есть такая штука – **реминисцентный максимум**. Несложная штука, подсчитывается по методике Рубина [Е. Завершнева. Высотка (2012)] [НКРЯ]; В любом случае в таком тонком деле, как украшение своего автомобиля, **ценовой максимум** определить трудно – всё зависит от желания заказчика и его материальных возможностей [А. Булохов. Вензеля на капоте // «Зеркало мира», 2012] [НКРЯ]; В **Обязательный минимум** содержания среднего (полного) общего образования», утверждённый министерством образования Российской Федерации, входят 64 писателя и поэта [К. Зарубин. Матери русской литературы. Альтернативная классика: «Сноб» вспоминает женщин в русской литературе, произведения которых не проходят в школе (08.03.2018) // «Сноб», 2018] [НКРЯ]; В западной части планшета съемки была выявлена аномалия, которая представляет собой **магнитный максимум** (8 нТ), сопряженный с севера с минимумом магнитного поля (16 нТ) [Комплексные археогеофизические исследования железоделательного комплекса XIV века на Куликовом поле (2020)] [НКРЯ].*

Сдерживающим фактором для адвербиализации существительных в форме именительного падежа **максимум** и **минимум** является не только их присловная связь с адъективными и субстантивными управляемыми распространителями, но и предикативное согласование (координация) с глагольными и именными предикатами в формах мужского рода и единственного числа; ср.: *необходим был, требовался максимум усилий*. Например:

(16) *В университете нужно получить **тот минимум** знаний и опыта, которые позволяют строить свою собственную, не зависящую от других жизнь [Форум: Школа или универ где легче?)) (2006)] [НКРЯ]; И, надо признать, Фрейслер **приложил максимум** усилий, чтобы оказаться на высоте положения [Д. Митюрин. Прокуроры от дьявола // «Криминальный отдел», 2012] [НКРЯ].*

Глагольная связка в именном предикате согласуется (координируется) в роде и числе с существительным **максимум** (*был*) (17) или с другим существительным (ср.: *ситуация была...*), если **максимум** представляет собой наречие (18); ср.:

(17) *Кстати, мы не сглаживали его оценок в воспоминаниях, потому что это **был максимум** негатива, который можно от него услышать [О. Шульчева-Джарман, Т. Александрова. «Это нельзя публиковать – повредит репутации владыки» (04.11.2015) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015] [НКРЯ] (≈ 'наибольшее количество');*

(18) *Но нервная **ситуация была максимум** месяц, затем все более или менее пришло в норму [Л. Калянина, Александр Лабыкин. Короткий рубль взбудрил агропром // «Эксперт», 2015] [НКРЯ] (≈ 'максимально, самое большее').*

В функции подлежащего субстантивы в именительном падеже **максимум** и **минимум** употребляются в основном при глаголах, в том числе в форме причастного пассива; ср., например, сочетаемость словоформы **максимум**: *посвящен (максимум работ), пройден (максимум неустойчивости), потребуется (максимум сил), появится (максимум возможностей), имеется (максимум художественных средств), существует (максимум удовольствия); кратких прилагательных нужен (максимум усилий); в форме винительного падежа максимум встречается в качестве дополнения при глаголах предпринимать, приложить (максимум усилий), приносить (максимум пользы), иметь (максимум выгоды), получить (максимум выгоды), показать, продемонстрировать (максимум возможностей), уделить (максимум внимания), сохранить (максимум элементов), высвободить (максимум времени), собрать (максимум информации), соблюсти (максимум приличий), сообщить*

(максимум информации), выразить (максимум доверия), проявить (максимум усилий), установить, восстановить (максимум связей), придать (максимум торжественности), выболтать (максимум информации), импортировать, экспортировать (максимум оборудования), извлечь (максимум выгоды), получать (максимум откликов), проявить (максимум вежливости), создать (максимум возможностей), использовать (максимум времени), набрать (максимум голосов), применить (максимум наказания) и т.п.

Неопределенно-количественная семантика ядерных существительных *максимум* и *минимум* обуславливает их употребление с родительным падежом управляемого существительного в составе синтаксически нечленимого словосочетания, выступающего в роли подлежащего и дополнения.

Значительно реже встречается одиночное употребление ядерных субстантивных словоформ. Ср., например, контекст с ядерным существительным *максимум* в объектном значении 'наибольшая величина':

(19) *Другая часть этого уравнения – то, что эмиграция обычно достигает **максимума** на пике роста населения в середине перехода как в Европе XIX столетия, так и в развивающихся странах сегодня (Ортега 2005)*» [Coleman 2006: 402][А. Г. Вишневский. Время демографических перемен. Избранные статьи (ознакомительная часть) (2015)] [НКРЯ].

В целом ядерным субстантивам *максимум*, *минимум* присущ полный набор основных дифференциальных признаков данной части речи (общеграмматическая семантика предметности, эксплицируемая вопросом *что*; типичные семантико-грамматические признаки лексико-грамматических разрядов нарицательных, неодушевленных и абстрактных существительных; три грамматические категории, репрезентированные формами мужского рода, единственного числа и именительного / винительного падежа; словоизменительные парадигмы категорий падежа и числа; сочетаемость с согласуемыми адъективными и управляемыми субстантивными формами родительного падежа, а также с предикативно согласуемыми (координируемыми) в роде и числе именными и глагольными предикатами; первичные функции подлежащего и дополнения; нулевая флексия в именительном и винительном падежах).

Ядерные существительные *максимум* и *минимум* обладают словоизменительными категориями падежа и числа (см.: [\[6, с. 39, 493\]](#)). Ср., например, контексты употребления падежных (20) и числовых форм указанных субстантивов (21):

(20) *Конечная цель в такой модели – контроль над всем миром для извлечения **максимума** прибыли* [В. Бондаренко, И. Алешковский, И. Ильин. Глобальные ценности в контексте понимания будущего России и мира // «Век глобализации», 2019] [НКРЯ]; *В публикациях команды «Реликта» указаны параметры измеренного **минимума** температуры* [Д. Скулачёв. Они были первыми // «Наука и жизнь», 2009] [НКРЯ]; *Не хватает донецких углей, поэтому вводятся ограничения по **максимуму** нагрузок и электроэнергии* [П. Непорожный. Дневники (1982)] [НКРЯ]; *Молекула по классике представляется динамической системой, в которой атомы могут совершать механические вращательные и колебательные движения относительно равновесной ядерной конфигурации, соответствующей **минимуму** энергии молекулы, и рассматривается как система гармонических осцилляторов* [Н. Непряхин. Анатомия заблуждений (2017-2020)] [НКРЯ]; *Согласие о продаже Opel Сбербанку было обременено **максимумом** ограничений на использование интеллектуальной собственности* [Компании и рынки // «Однако», 2009] [НКРЯ]; *Желающие совершить Большое Космическое Путешествие*

должны иметь опыт работы по специальности не менее пяти лет, а также уметь пользоваться электронной почтой; обладание необходимым **минимумом** знаний в области культурологии – условие *sinéquanone* [Л. Данилкин. Летит, летит апофис (2016)] [НКРЯ]; Введя представление **о максимуме** энтропии, об этом абсолютном хаосе, он почему-то не подумал **о максимуме** антиэнтропии, хотя действие в природе второго закона термодинамики не более очевидно для наблюдателя, чем организующая деятельность рода человеческого [Б. Вахтин. Письма самому себе (1967) // «Звезда», 2005] [НКРЯ]; Утром был ректорат по поводу заочки. Шла речь **о минимуме** почасовой нагрузки [С. Есин. Дневник (1994)] [НКРЯ];

(21) Люди скорее приложат **максимум** усилий, чтобы получить его по-пиратски, бесплатно [А. Никитин. «За все подряд я отвечать не могу»: Тина Канделаки о звездах ютьюба, рэпе и Дуде (2017.11) // Афиша Daily, 2017]; У нас все просто: есть **минимум** правил, которые устанавливаем мы с отцом [Наши дети: Подростки (2004)] [НКРЯ]; Академик П. И. Степанов еще в 1937 г. установил **минимумы** и **максимумы** угленакопления, связанные с особенностями конкретных геологических эпох, с их палеогеографической обстановкой [В. Максаковский. Географическая картина мира. Книга I. Общая характеристика мира (2003)] [НКРЯ]; Кстати, **минимумы** температур, как и в прошлые времена, будут часто сопровождаться ростом сейсмичности и вулканической активности [Б. Берри. Живем по правилам похолодания // «Знание - сила», 2006] [НКРЯ]; Доллар вновь двинулся к многолетним **максимумам** Банк Швейцарии вводит отрицательную ставку по депозитам [П. Михальчук. Доллар вновь двинулся к многолетним максимумам // «Эксперт», 2015] [НКРЯ].

2.2. Зона гибридных структур (ступень аб)

Ступень гибридности [аб] на шкале переходности эксплицируют контексты употребления субстантивно-адвербиальных образований, совмещающих примерно в равной пропорции признаки взаимодействующих при адвербиализации существительных и наречий. Как показывают наблюдения, такого рода гибриды встречаются в основном в конструкциях со значением избирательности типа *максимум / минимум из... ; максимум / минимум среди...* Речевые ситуации отражают возможность выбора максимального или минимального количества из возможного. Для иллюстрации зоны гибридности приведем типовой пример с образованием *максимум*:

(22) Но сейчас мы эти задачи не решаем, наша цель – **выжать максимум из того минимума возможностей**, которыми мы сегодня располагаем [М. Галкина. Выжать максимум из минимума // «Огонек», 2014] [НКРЯ].

Ср. синонимию конструкций с гибридом *максимум* и наречием *максимально* в значении 'максимально, самое большее':

(23) В итоге **выжали максимум** из возможного;

(24) В итоге **выжали максимально** из возможного.

Гибридная словоформа *максимум* используется при этом в синкретичной синтаксической функции дополнения и обстоятельство меры и степени: *выжали что и в какой мере?*

В целом категориальный синкретизм словоформы *максимум* проявляется в синтезе свойств существительного и количественного наречия, обнаруживающийся в пределах семантической зоны исходной лексики (*выжать*). К признакам, сближающим данный гибрид с исходным существительным и производным наречием на фиксируемой стадии

адвербиализации субстантивной словоформы, относятся:

Частеречные свойства существительного:

- семантика предметности, субстанциальности (в широком смысле слова): *выжали что?* – 'наибольшую величину, предельное количество, самое большее'; ср. *меньшинство, большинство*);
- категория рода в форме мужского рода;
- категории падежа и числа в фиксированных формах винительного падежа и единственного числа;
- функция дополнения.

Частеречные свойства наречия:

- семантика признака признака (действия): *выжали в какой степени?* – *максимально* (синоним);
- функция обстоятельства меры и степени;
- неизменяемость; отсутствие падежно-числовой парадигмы.

В предложениях с рассматриваемыми гибридами наблюдается нейтрализация типа присловной подчинительной связи: управление (*выжали что?* – *максимум*: обязательная предсказующая связь) / примыкание (*выжали как, в какой степени, насколько?* – *максимум*, т.е. *максимально*: необязательная, непредсказующая связь). Категориальный синкретизм в этом случае обуславливает экспликацию объектно-обстоятельственных отношений между компонентами словосочетания: *выжали максимум*.

В отличие от типичных существительных *максимум*, *минимум*, гибриды могут быть заменены наречиями *максимально*, *минимально*. *Максимум* как существительное управляет формой родительного падежа существительного, обозначающего предельное количество чего-либо, в связи с чем невозможна его замена на примыкающее наречие. Напр.:

(25) Для решения этой задачи необходимо **приложить максимум усилий** (--> *максимально усилий).

Ср. возможное (при устранении управляемого родительного падежа): Для решения этой задачи необходимо **максимально приложить** усилия.

Отметим также возможность замены гибрида *максимум* на наречие *максимум* в таких конструкциях, как:

(26) Надо постараться **выжать максимум из возможных ресурсов** (≈ 'максимально').

Гибрид *максимум* выступает чаще всего в сочетании с глаголами *выжать* / *выжимать*, *извлечь* / *извлекать*, *получить* / *получать*. См. примеры из Национального корпуса русского языка:

(27) *Казалось, немцы добьются нужного результата, ведь кто, если не они, лучше других умеет **выжать максимум из ситуации*** [П. Абаренов. Ждем супердерби (2002) // «Вечерняя Москва», 11.04.2002] [НКРЯ];

(28) *Однако европейцев отличает умение **выжимать максимум из** тех **материалов**,*

которые уже присутствуют на рынке [Пять дней в Кёльне (2003) // «Мебельный бизнес», 15.08.2003] [НКРЯ];

(29) Актриса находилась в прекрасном дурмане Натальи, режиссер не дыша подправлял, «вел» ее игру, оператор **выжимал максимум из происходящего** – беззвучно, пальцами, давая команду осветителям, боясь разорвать этот круг [Н. Мордюкова. Казачка (2005)] [НКРЯ];

(30) Я **извлеку максимум из** своей тяжелой **молодости** [Г. Щербакова. Ах, Маня... (2002)] [НКРЯ];

(31) Зато прибавляются заботы: как **извлечь максимум из капитала?** [Н. Амосов. Голоса времен (1999)] [НКРЯ];

(32) Посему важно научиться **получать максимум из каждого поколения** [О. Н. Железняк, А. Е. Раевский. Мисима Юкио: поиски себя в послевоенной Японии (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 29.04.2002] [НКРЯ].

Реже зону гибридности представляют контексты употребления словоформы **максимум** в синкретичной функции дополнения и обстоятельства меры и степени с управляемой формой родительного падежа без предлога:

(33) При эксплуатации тела в режиме невежества, человек пытается просто **выжать из него максимум чувственных наслаждений**, не думая о своем высшем предназначении [Форум: О реинкарнации (2012.08)] [НКРЯ] (≈ 'выжать что и сколько?').

3. Заключение

Исследование транспозиции словоформ **минимум** и **максимум** в подкласс наречий меры и степени свидетельствует о том, что данный тип адвербиализации имеет собственно грамматический характер: он представлен в типовых контекстах тремя стадиями, эксплицирующими соответственно зоны ядра существительных, гибридности и периферии отсубстантивных наречий. Этапы гибридности и периферии наречий демонстрируют постепенную утрату существительными семантико-грамматических признаков существительных (семантика предметности, категории рода, числа и падежа, падежно-числовая парадигма, система флексий, функции подлежащего и дополнения, синтагматическая поддержка в виде адъективных и присубстантивных распространителей, разрядовые характеристики нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных субстантивов) и приобретение адвербиальных признаков, таких как частеречное значение признака признака, неизменяемость, функция обстоятельства, разрядовые значения определительно-количественных наречий. В контекстах гибридности словоформы **минимум** и **максимум** совмещают примерно в равной пропорции признаки взаимодействующих при адвербиализации существительных и наречий. В целом данный тип адвербиализации субстантивов протекает в семантической зоне исходных лексем, не будучи связан со словообразованием.

Библиография

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. 2-е изд., стер. М.: АСТ-Пресс КНИГА,

2005. 864 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

5. Воротников Ю.Л. Слово и время. М.: Наука, 2003. 168 с.

6. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Рус. язык, 1980. 880 с. EDN: UFUIPL

7. Качмазова Е.С., Цаллагова И.Н., Царикаева Ф.А. Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 68-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84 EDN: PZRNPQ

8. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Изд-во "Фан", 1978. 228 с.

9. Кравцов С.М., Голубева А.Ю. Конверсия в словообразовании: узус и окказиональность. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 170 с. EDN: VVQNTJ

10. Кубрякова Е.С., Гуреев В.А. Конверсия в современном английском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 33-37. EDN: YSABNZ

11. Кустова Г.И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции "Диалог-2018". Вып. 17 (24). М., 2018. С. 380-390.

12. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9-25. DOI: 10.31912/rjano-2023.2.1 EDN: QNWLOP

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 14.06.2025).

14. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с. EDN: QQUIPJ

15. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

16. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и "наивная" картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25-38. EDN: PYIODP

17. Филипенко М.В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003. 304 с. EDN: QQUUNP

18. Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 652 с. DOI: 10.31754/nestor4469-1792-1 EDN: GFHGFF

19. Шигуров В.В. Разновидности функциональной транспозиции словоформ в системе частей речи русского языка // Филологические науки. 2001. № 6. С. 59-65. EDN: SAZRQN

20. Шигуров В.В. "Судя по" в контексте модалации и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42-55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2 EDN: GSXGES

21. Шигуров В.В. Теория транспозиционной грамматики русского языка: модалация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. М.: НИЦ Инфра-М, 2025. 1063 с.

22. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.

23. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.

24. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. С. 177-191. EDN: XXYSOD

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Словоформы «минимум» и «максимум» в аспекте градуальной транспозиции в наречия: зоны ядра и гибридности" представляет собой сравнительный анализ в области транспозиционной грамматики на стыке морфологии и лексической семантики.

Представленное исследование вносит вклад в изучение современного русского языка. Автор особо выделяет два способа транспозиции - предикацию и модалацию.

Статья состоит из введения, результатов и обсуждения, заключения и библиографии. Актуальность исследования адвербиальной транспозиции языковых единиц в динамическом и статическом аспектах связана с интересом в современной лингвистике к проблемам качественной характеристики высказываний и их компонентов.

Целью работы является описание семантико-грамматических свойств минимум и максимум, эксплицирующих ядерные существительные и промежуточные образования, совмещающие примерно в равной пропорции свойства существительных и наречий.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем на примере словоформ "минимум" и "максимум" прослежены основные стадии адвербиализации беспредложных форм существительных в количественные наречия; выявлены особенности зон ядра и гибридности.

Материалом исследования - контексты употребления ядерных существительных, гибридных образований и периферийных наречий из «Национального корпуса русского языка».

В основной части "Результаты и обсуждение" автор последовательно анализирует переход изосемических существительных в неизосемические наречия, выделяя три стадии адвербиализации, представленные соответственно: а) ядерными существительными (стадия А); б) гибридными, субстантивно-адвербиальными образованиями (стадия аб) и в) периферийными (собственно грамматическими) наречиями.

Статья содержит обширную доказательную базу, снабженную большим количеством примеров.

Стиль статьи соответствует предъявляемым требованиям к написанию научных статей и не содержит существенных недостатков.

В заключении автор делает следующий вывод: "данный тип адвербиализации имеет собственно грамматический характер: он представлен в типовых контекстах тремя стадиями, эксплицирующими соответственно зоны ядра существительных, гибридности и периферии отсубстантивных наречий. Этапы гибридности и периферии наречий демонстрируют постепенную утрату существительными семантико-грамматических признаков существительных (семантика предметности, категории рода, числа и падежа, падежно-числовая парадигма, система флексий, функции подлежащего и дополнения, синтагматическая поддержка в виде адъективных и присубстантивных распространителей, разрядовые характеристики нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных субстантивов) и приобретение адвербиальных признаков, таких как частеречное значение признака признака, неизменяемость, функция обстоятельства, разрядовые значения определительно-количественных наречий. В контекстах гибридности словоформы минимум и максимум совмещают примерно в равной пропорции признаки взаимодействующих при адвербиализации существительных и наречий. В целом данный тип адвербиализации субстантивов протекает в семантической

зоне исходных лексем, не будучи связан со словообразованием".

На основании вышеизложенных характеристик исследования, а именно количества проанализированных текстов и используемого метода можно признать сделанные автором выводы достоверными.

В целом, статья характеризуется чёткостью и последовательностью изложения, а также сбалансированностью составляющих её частей.

Библиография содержит необходимое количество актуальных отечественных и зарубежных источников.

Таким образом, статья "Словоформы «минимум» и «максимум» в аспекте градуальной транспозиции в наречиях: зоны ядра и гибридности" соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям в области русистики, в связи с чем может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования".

Англоязычные метаданные

Professional chat communication of lawyers in the digital environment: cognitive strategies and pragmatic organization.

Glyazova Alice Evgenievna

Assistant Professor, Institute of Philology and Intercultural Communication; Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Vakhitovsky district, Kremlevskaya str., 18

✉ 89196873238@mail.ru

Abstract. The subject of this scientific article is the professional chat communication of lawyers in a digital environment, specifically the features of the formation, use, and interpretation of cognitive strategies, as well as the specifics of the pragmatic organization of communication. It analyzes how lawyers implement professional interaction through text messaging, forums, and specialized platforms, what speech and thought mechanisms are employed for the effective transmission of legally significant information, the development of collective decisions, argumentation, and the reconciliation of positions on legal issues. Attention is given to examining ways of planning utterances, the selection of speech impact strategies depending on communicative tasks, participants, and the nature of the topics discussed. The study explores how the characteristics of the digital environment and the format of asynchronous text communication influence the pragmatic structure of dialogues, the genre diversity of messages, the specifics of virtual legal ethics, and the verbal regulation of legal activities.

The methodology combines cognitive reconstruction, pragmalinguistic, and content analysis based on a corpus of over 2,300 messages from the "Lawyers Forum" and "Lawyers Community" channels (2023–2025). The goal of the research is to identify cognitive scenarios, pragmatic strategies, and semiotic means that structure legal interaction in computer-mediated communication. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive examination of professional chat communication among lawyers in a digital environment from the perspectives of cognitive linguistics and pragmatics. For the first time in domestic science, an analysis of the features of using digital messengers and specialized professional platforms for communication between lawyers has been conducted, revealing typical cognitive strategies for processing and transmitting information under conditions of limited time and message formats. Special attention is paid to the analysis of the pragmatic structure of messages and the communicative tasks faced by lawyers when discussing business matters, transmitting instructions, and reconciling positions in a virtual environment. The research reveals new patterns in the formation of speech acts and pragmatic tactics in the context of digital interaction, which opens up additional opportunities for optimizing professional communication within the legal community.

Three models of interaction have been established—directive, navigational, and discussion—which differ in subject position and type of speech acts, as well as signs of cognitive compression, semiotic marking, and syntactic reduction.

Keywords: legal consulting, legal speech, interaction model, digital linguistics, pragmatic strategies, chat communication, cognitive scenarios, legal discourse, digitalization, chat discourse

References (transliterated)

1. Amurskaya O.Yu. Tipologiya kommunikativnykh zhanrov v internet-prostranstve: pragmaticeskii aspekt. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 2008. 192 s.
2. Zhigalina E.A. Yuridicheskaya kommunikatsiya v tsifrovuyu epokhu: struktura i dinamika ekspertnogo diskursa // *Sovremennaya lingvistika*. 2022. № 6. S. 89-101. DOI: 10.21638/spbu13.2022.106 EDN: RQJZXL.
3. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2000. 389 s.
4. Kibrik A.A. Kontekstual'naya reduktsiya freima: kognitivnyi podkhod k interpretatsii teksta // *Voprosy yazykoznaniya*. 2010. № 5. S. 83-98. EDN: VJYFZT.
5. Kodzasov S.V. Prognosticheskaya model' argumentatsii v ekspertnoi rechi // *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya*. 2016. № 2. S. 105-117. EDN: BCDJSK.
6. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. 560 s. EDN: SUQHIP.
7. Nelyubina L.L. Pragmatika professional'noi kommunikatsii: yuridicheskaya rech' v tsifrovom diskurse // *Kommunikativnye strategii v professional'noi srede*. 2018. № 3. S. 67-74. EDN: XWLXQS.
8. Podgornaya E.A., Demidenko K.A. Chat kak novyi zhanr pis'mennoi kommunikatsii // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 10 (40). S. 150-153. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/40.html> (data obrashcheniya: 07.06.2025).
9. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1997. 824 s.
10. Sternin I.A. Kommunikativnoe povedenie: struktura i tipologiya. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2010. 228 s.
11. Kheilouell M. Emodzi kak yazykovye markery i kognitivnye trigger: interpretatsionnye funktsii v tsifrovoi srede // *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya*. 2021. T. 24. № 1. S. 102-118. DOI: 10.31857/S123456789012345-1 EDN: YUJQXC.
12. Chaika V.G. Tsifrovaya pragmatika: teoriya i praktika rechevogo vzaimodeistviya v mediaprostranstve // *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2023. № 2. S. 34-50. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-23-2-34-50 EDN: TLOUQS.

Mythopoetic worldview of the Soviet intelligentsia in the novels of V. P. Aksyonov in the 1970s (based on the novels "Burn" and "The Island of Crimea")

Ul'yanova Anna Vladimirovna

Senior Lecturer, Department of Domestic and Foreign Literature, Synergy University

Russia, 142451, Moscow region, Noginsk, mkr-N novoe biserovo-2, 10

✉ nebo_prior13@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the novels "Burn" and "The Crimean Island" by Vasily Aksyonov — the most prominent writer of the second half of the 20th

century. The author aims to identify the characteristics of the portrayal of the Soviet intelligentsia and to determine the main traits exhibited by the intelligentsia character in Aksyonov's novels. The research objectives include analyzing the images of the main characters in the works "Burn" and "The Crimean Island," highlighting the motives behind their behavior and choices, as well as their interactions with others; based on the findings, drawing a conclusion about how the theme of the Soviet intelligentsia in the 1970s is revealed in the novels. The relevance of the topic is due to the insufficient study of the writer's work, while Vasily Aksyonov was a key figure in the literary world of the 1960s and 1970s, being at the forefront of the Russian postmodern novel and the development of the alternative history genre. The author examines the content of the novels in close connection with Aksyonov's biography and the peculiarities of Soviet reality in the 1970s. To achieve the stated goal, the author employs biographical, comparative, and cultural-historical methods. As a result, it is proven that the intelligentsia characters in Vasily Aksyonov's novels are passionate individuals inclined to deep analysis of the surrounding reality, capable of creating, and they are peace-loving and compassionate; each of them is endowed with the mission of a creator, united by the choice of serving a higher ideal instead of personal happiness. Aksyonov's intelligentsia heroes are similar in that after undergoing initiation, experiencing betrayal in love and friendship, and ultimately arriving at the "Word of God," their attempts to bring positive change to Soviet reality and find a place for themselves end in tragedy. The practical significance of the research lies in the potential use of the examined material in teaching philology students in the courses "Analysis of Fictional Texts," "Literary Studies," "History of 20th Century Russian Literature," and the special course "Russian Postmodern Literature."

Keywords: denunciation, image, Soviet intelligentsia, alternative history, intellectual, novel, Aksyonov, mythopoetics, love line, motif

References (transliterated)

1. Ponomarev E. R. Sotsrealizm karnaval'nyi. Vasilii Aksenov kak zerkalo sovetskoi ideologii // Zvezda. 2001. № 4. S. 213-220. EDN: YNBQVZ.
2. Shinovnikov I. P. Elementy dialogicheskikh karnavalizovannykh zhanrov v povesti V. P. Aksenova "Kollegi" // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2009. № 1 (13). S. 43-46. EDN: KZPAZJ.
3. Petrov D. P. Aksenov / Dmitrii Petrov. – M.: Molodaya gvardiya, 2012. – 440 [8] s.: il. – (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei: ser. biogr.; vyp. 1361).
4. Aksenov V. P. Krai nedostupnykh fudziyam / Vasilii Aksenov. – M.: Vagrius, 2007. – 304 s.
5. Aksenov V. Ostrov Krym; V poiskakh zhanra; Zolotaya nasha Zhelezka: roman, povesti / Vasilii Aksenov. – Spb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2003. – 704 s. – (Russkaya literatura. Bol'shie knigi).
6. Os'mukhina O. Yu., Kadeeva R. A. Spetsifika avtorskoi strategii romana V. P. Aksenova "V poiskakh zhanra" // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. Tom 16. Vypusk 1. S. 53-58. DOI: 10.30853/phil20220745. EDN: LUEQRB.
7. Barruelo Gonzalez E. Yu. Roman V. P. Aksenova "Moskovskaya saga". Problema zhanra: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 / Elena Yur'evna Barruelo Gonzalez. – Spb., 2009. – 184 s. EDN: NQPXFR.
8. Aksenov Vasilii. Lovite golubinuyu pochtu... Pis'ma (1940-1990 gg.) / Sost. V. M. Esipov. – Moskva: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2015. – 464 s. (Pis'ma pisatelei).

9. Aksenov V. Desyatiletie klevety (radiodnevnik pisatelya). – M.: Izografus, Eksmo, 2004. – 416 s.
10. Soldatkina Ya. V. Syuzhet "kontsa sveta" v russkoi proze XX-XXI vv. glazami geroya-intelligenta: sotsial'noe, fantasticheskoe i aksiologicheskoe // Novyi filologicheskii vestnik. 2021. № 3(58). S. 287-297. DOI: 10.54770/20729316_2021_3_287. EDN: ERKPDN.
11. Murzin N. N. Otvergnutyi bog: Apollon ot grekov i do nashikh dnei // Vox. Filosofskii zhurnal. 2017. Vypusk 23 (dekabr'). S. 141-174. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00022. EDN: YMDFKK.
12. Ul'yanova A. V. Obraz Marian Kulago v kontekste temy Rossii v romane V. P. Aksenova "Ozhog" // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. Tom 16. Vypusk 4. S. 1000-1007. DOI: 10.30853/phil20230167. EDN: RUHTKR.
13. Aksenov V. P. Ozhog. – M.: Izograf; Eksmo-Press, 1999. – 496 s.
14. Karlina N. N. Mushketerstvo kak tip muzhskogo povedeniya v romanakh Vasiliya Aksenova // Gendernaya problematika v sovremennoi literature. 2010. S. 96-110. EDN: MXAQVR.
15. Os'mukhina O. Yu., Makhrova G. A. Spetsifika zhanra romana al'ternativnoi istorii (na materiale otechestvennoi prozy 1990-kh 2000-kh gg.) // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2013. № 4. S. 50-58. EDN: RRQGQR.
16. Yung K. G. Mysterium Coniunctionis. Tainstvo vossoedineniya / Per. A. A. Spektor. – Mn.: OOO "Kharvest", 2003. – 576 s.
17. Khazankovich Yu. G. Arkhetip "volka" v fol'klore i literature // Vestnik TGU. 2009. Vypusk 4 (72). S. 177-183.
18. Andreeva V. G. Motiv puti i obraz puteshestvennika v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie" // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2022. № 1 (28). S. 17-26. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-17-26. EDN: NCLIJO.
19. Kokoeva T. S. Motiv dorogi v russkoi literature // Byulleten' nauki i praktiki. 2024. № 10. S. 460-466. DOI: 10.33619/2414-2948/107/59. EDN: RFKMCU.
20. Kupriyanova A. I. Motiv puti v proze V. P. Aksenova 1960-1970-kh gg.: avtoref. dis. kan. filol. nauk. – Tyumen', 2007. – 24 s. EDN: NIYKCR.
21. Vagner E. N. Eskhatologicheskii mif v russkoi postmodernistskoi literature // Kul'tura i tekst. 2005. № 8. S. 90-98. EDN: OZZJJH.

Peculiarities in Syntactic Expression of Possession Semantic Structure in Andean dialect of Spanish

Zubov Maksim Dmitrievich

Lecturer; Department of Spanish Language and Translation; Moscow State Linguistic University

119034, Russia, Moscow, Moscow, Ostozhenka St., 38, room 115

✉ zuboffmaksim@yandex.ru

Abstract. The subject of this scientific article is the syntactic means of expressing the core semantic structure of possession in the Andean dialect of the Spanish language against the background of comparison with modern normative Spanish. The author pays special attention to the practical application of a consistent mechanism for defining and presenting the means of verbalization of the category under consideration by describing them with specialized

schemes in accordance with the Functional Syntax Theory of by A. Mustajoki. The purpose of the study is to identify discrepancies in the ways of linguistic expression of the analyzed possessivity field in the Andean dialect and modern normative Spanish by conducting a comparative analysis of their deep (semantic) and surface (syntactic) structures. The establishment of such differences will become the basis for the analysis of the factors of the formation of deviant syntactic constructions within the Andean dialect, as well as the consideration of various variants of their usage. □ To carry out a comparative review of syntactic constructions, the author of the study selected examples from several Spanish language corpora, Spanish-language mass media, as well as corpora presented in various scientific studies on the syntax of the Andean dialect of the Spanish language. The total volume of the material was 1,500 units. The novelty of this study is due to the fact that it was the first to perform a functional and syntactic analysis of the possession semantic category, as well as a comparative study of both the deep and surface structures of its verbal embodiment using the example of the Andean dialect and modern normative Spanish. The author of the study came to the following conclusions: 1) within the framework of the syntactic structures of possessiveness of the Andean dialect, Spanish can adapt an unusual basic word order for it, due to the influence of the Native American languages Quechua and Aymara; 2) within the framework of simple possessive constructions of the Andean dialect, agglutinative affixes are calculated into Spanish in the form of prepositions and possessive pronouns, which creates such a phenomenon of the syntactic level as "double session"; 3) syntactic constructions that deviate from the norm may represent not only the subject of a neutral linguistic tradition, but also possess pragmatic, communicative and discursive potential.

Keywords: Andean dialect, comparative analysis, functional-syntactic analysis, functional-semantic syntax, functional linguistics, possessivity, possession, Spanish language, core semantic structure, onomasiological approach

References (transliterated)

1. Toro R.A. El español andino. II parte // Forma y Función. 2002. 15. Pp. 15-40
2. Mikheeva N.F. Mezhdvariantnaya dialektologiya ispanskogo yazyka: Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo RUDN, 2006.
3. Mustaioki A. Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam. 2-e izd. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010.
4. Mustaioki A. [i dr.] Funktsional'nyi sintaksis russkogo yazyka: uchebnik dlya vuzov / A. Mustaioki, Z. K. Sabitova, T. V. Parmenova, L. A. Biryulin. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2019.
5. Satorre F. Formas de expresión de la posesión en el español medieval // Actas del IV Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española. Universidad de la Rioja, 1998, 1, Pp. 739-804.
6. Stark D. Aspectos gramaticales del español hablado por los niños de Ayacucho. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 1970.
7. Escobar A.M. Los bilingües y el castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1990.
8. Merma G. Lenguas en contacto: Peculiaridades del español andino peruano. Tres casos de interferencia morfosintáctica // ELUA. Universidad de Alicante. 2004. 18. Pp. 191-211.
9. Zavala V. Reconsideraciones en torno al español andino // Lexis. 1999. 23(1). Pp. 25-

85.

10. Gonza M. Análisis del castellano andino de aimarahablantes del distrito de Vilquechico (Puno) // Boletín de la Academia Peruana de la Lengua. 2020. 68. Pp. 239-257
11. Calvo J.P. Pragmática y Gramática del quechua Cuzqueño. Perú: Centro de Estudios Regionales Andinos Bartolomé de las Casas, 1993.
12. Rodríguez J.A.G. Sobre el uso del posesivo redundante en el español del Perú. // Lexis. 1982. 6. Pp. 117-123.
13. Lozano A. Sintactic borrowing in Spanish from quechua: The Noun Phrase, Lingüística e Indigenismo. 1975. 297-306.
14. Pozzi-Escot I. Apuntes sobre el castellano de Ayacucho. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos. Centro de investigación de lingüística aplicada, 1973.
15. Escobar A. Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1978.
16. Keniston H. The syntax of Castilian prose, The sixteenth century, Chicago-Illinois: The University of Chicago Press, 1937.
17. Risco R. El doble posesivo en el español andino: un enfoque etno-pragmático // Cuadernos de la ALFAL. 2012. 4. Pp. 97-111.

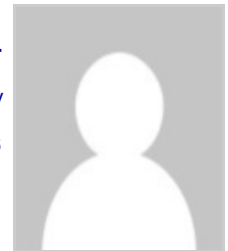
Borrowing images from the traditional Chinese horoscope in contemporary Russian calendar literature: the logic of transformation

Shi Lu -

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; St. Petersburg State University

191186, Russia, St. Petersburg, Central district, Malaya Morskaya str., 6

✉ shiluaptx4869@mail.ru

Abstract. The article investigates the process of adapting images from the traditional Chinese horoscope (i.e., the 12 Chinese zodiac signs: Rat/Mouse, Ox, Tiger, Rabbit, Dragon, Snake, Horse, Goat/Sheep, Monkey, Rooster, Dog, Pig/Boar) in modern Russian calendar literature. Drawing on the classification of calendar texts and typology of magazines proposed by E. V. Dushechkina in her monograph "Russian Christmas Tales," the author analyzes the mechanisms of transformation of Eastern astrological symbols as they integrate into the Russian cultural environment using popular magazines "Liza" and "Domashny Ochag" (1995–2023). It is revealed that the appropriation of the images of the animals of the Chinese zodiac represents a complex process of cultural processing, including adaptation to the Russian calendar cycle, reinterpreting the symbolism of the animals through the lens of Slavic folklore, localization through literary and historical allusions, as well as functional enrichment of the astrological system. The research method is a semantic analysis of the texts and a cultural commentary on the process of adapting Chinese zodiac symbolism in the Russian context. Special attention is given to the transformation of the semantic load of the images of the animals of the Eastern horoscope in the Russian calendar tradition. This work systematically analyzes for the first time the process of borrowing and transforming traditional images from the Chinese zodiac in contemporary Russian calendar culture. The phenomenon of including the Chinese zodiac tradition into the Russian cultural context and forming a peculiar "hybrid" representation is identified. The study shows that in the Russian discourse, the cultural significance of Chinese zodiac symbols has changed and differs significantly from their original

meaning in Chinese tradition, highlighting the novelty of this cross-cultural symbolic synthesis. As a result of this transformation, a unique hybrid phenomenon emerges, blending the Chinese zodiac tradition with meanings resonant with Russian culture. Particular attention is paid to the analysis of calendar texts about the Chinese horoscope, integrated into the system of Russian calendar rituals, including the interpretation of zodiac symbolism, descriptions of inter-sign compatibility, materials about amulets, monthly forecasts, and yearly horoscopes. The research demonstrates that the Eastern horoscope in Russian calendar literature becomes an element of festive New Year culture, while divinatory and magical functions recede into the background.

Keywords: animal symbolism, Russian periodicals, New Year rituals, intercultural interaction, zodiacal symbols, national calendar, folklore transformation, cultural adaptation, calendar diction, Chinese horoscope

References (transliterated)

1. Amulet // *Ateisticheskiy slovar'* / [A. I. Abdusamedov, R. M. Aleinik, B. A. Alieva i dr.]; pod obshch. red. M. P. Novikova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Politizdat, 1985. – S. 16.
2. B. A. 2015 god derevyannoï kozy // *Domashnii ochag*. 2015. Yanvar'. S. 166-167.
3. B. A. Vybiram koshelek // *Domashnii ochag*. 2013. Fevral'. S. 194.
4. B. A. Vybiram tsvet // *Domashnii ochag*. 2013. Aprel'. S. 242.
5. B. A. God krasnoï ognennoï obez'yany // *Domashnii ochag*. 2016. Yanvar'. S. 161-163.
6. B. A. God krasnoï svin'i // *Domashnii ochag*. 2006. Dekabr'. S. 277-281.
7. B. A. God krysy // *Domashnii ochag*. 2007. Dekabr'. S. 301-302.
8. B. A. God petukha // *Domashnii ochag*. 2004. Dekabr'. S. 227-231.
9. B. A. I vsyudu, strasti rokovye, i ot sudeb zashchity net... // *Domashnii ochag*. 1995. Avg.-sent. S. 113-114.
10. B. A. Prognoz na aprel' // *Domashnii ochag*. 2015. Aprel'. S. 190-191.
11. B. A. Prognoz na dekabr' // *Domashnii ochag*. 2015. Dekabr'. S. 262-263.
12. B. A. Prognoz na mai // *Domashnii ochag*. 2015. Mai. S. 166-167.
13. B. A. Prognoz na mart // *Domashnii ochag*. 2015. Mart. S. 190-191.
14. B. A. Strukturnyi goroskop o vostochnykh znakakh // *Domashnii ochag*. 1995. Iyun'-iyul'. S. 112-113.
15. Vo skol'ko vy rodilis'? // *Liza. Goroskop*. 2000. № 9. S. 4-5.
16. Gao Yupen. 12 znakov zodiaka [Elektron. resurs] // *Kitaiskaya entsiklopediya. Vtoraya versiya*. URL: <https://h.bkzx.cn/item/229904?q=十二生肖> (data obrashcheniya: 29.04.2024).
17. Dyatlov V. I. Ekzotizatsiya i "obraz vraga": sindrom "zheltoi opasnosti" v dorevolutsionnoi Rossii // *Idei i idealy*. 2014. T. 1. № 2 (20). S. 26-28.
18. Dushechkina E. V. *Russkii svyatochnyi rasskaz: stanovlenie zhanra*. 2-e izd. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. S. 27.
19. Zemtovskii I. I. *Pesennaya poeziya russkikh zemledel'cheskikh prazdnikov // Poeziya krest'yanskikh prazdnikov / vstup. st., sost., prim. I. I. Zemtovskogo; obshch. red. V. G. Bazanova*. 2-e izd. L.: Sovetskii pisatel', 1970. S. 108-341.
20. *Kitaisko-russkii kalendar' na 31-i god guan-syui (1905 god)*. Litfond.ru. URL: <https://www.litfund.ru/auction/37/141/#:~:text=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE,54%C3%9743%C2%A0%D1%81%D0%BC> (Data

obrashcheniya: 18.06.2025).

21. Kot, petukh i lisa: [Teksty skazok] № 37-39 // Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3 t. – M.: Nauka, 1984-1985. – (Lit. pamyatniki). T. 1. – 1984. – S. 48-51.
22. Levkievskaya E. E. Domovoi // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'. T. 2. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. S. 123.
23. Levkievskaya E. E. Oberegi // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'. T. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. S. 443.
24. Li Ven'tszyun'. Vliyanie kitaiskogo zodiaka na zhizn' lyudei // Relikvii kitaiskoi kul'tury. 2009. № 4. S. 69.
25. Li Minbin. 300 let rasprostraneniya kitaiskoi kul'tury v Rossii. Ch. I: Rannii "kitaiskii bum" // Issledovaniya kitaiskoi kul'tury. 1996. № 13. – S. 127-132.
26. Rogatyi mulet // Liza. Goroskop. 2007. № 12. S. 5.
27. Somkina N. A. Kitaiskaya traditsiya blagopozhelanii: simbolika zhivotnykh i rastenii. Vestnik SPbGU. Ser. 13. 2009. Vyp. 2. S. 77-80.
28. Smit L. Kitai i Zapad: kul'turnyi obmen. London, 2010. S. 112.
29. Syui Vei. Kitaiskie znaki zodiaka i ikh kul'turnoe znachenie // Zhurnal kitaiskoi kul'tury. Seriya 38. 2011. № 2. S. 42.
30. Troshchinskaya A. V. Kitaiskii farfor v dopetrovskoi Rusi: na peresechenii kul'tur Vostoka i Zapada // Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU. 2013. Vyp. 16. – S. 246-269. EDN: RPYXSH.
31. U Do. Kitaiskaya "diplomatiya pand" i imidzh gosudarstva // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2019. № 3 (68). S. 26.
32. Yang Lihui et al. Handbook of Chinese Mythology. New York: Oxford University Press, 2008. P. 156.

A Historical Overview of the Indefinite Article Studies in Spanish Grammar

Klyuchevskiy Vladimir Mikhailovich

Postgraduate student; Department of Foreign Languages; Herzen Russian State Pedagogical University

194354, Russia, St. Petersburg, Vyborg district, Siqueiros St., 12 letter B

✉ vovakluch@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the historical and linguistic analysis of the Spanish indefinite article (*un, una, unos, unas*) as a particularizing element in the nominal system and its role in expressing the category of determination. The research examines the origin of the article, the processes of desemanticization, and its evolution into a grammatical marker of indefiniteness. The analysis covers the functional and semantic values of the indefinite article across different historical periods of the Spanish language and offers a comparative assessment of approaches to its status and functions in various grammatical traditions, including Russian-language studies. Special attention is given to the role of the indefinite article in transforming a noun from potential reference to actual use in discourse. The methodology combines a structural-functional and historical approach, including the analysis of texts from the 13th to the 17th centuries, comparative historical-philological examination, and functional-semantic interpretation. The main findings of the research identify the stages

of grammaticalization of the indefinite article in Spanish and describe the accompanying semantic and functional shifts. The study shows that the frequent use of the article with the grammatical category of number was gradually replaced by its function as a marker of particularization in noun phrases. It highlights the development of singular and plural forms (*unos, unas*), their grammatical features, and the semantic distinctions between the indefinite article and the pronoun *algún*. The research also clarifies how the indefinite article serves as an anti-extensive determinative that introduces new, non-identified referents into discourse. The scientific contribution consists in reconstructing the article's developmental path, revealing previously undescribed patterns of semantic evolution, and organising academic studies on this topic in Spanish and Russian linguistic researches.

Keywords: Historical-linguistic analysis, Spanish language, Article, Determinative, Category of determination, Desemanticization, Grammaticalization, Indefinite article, Functional-semantic value, Article category

References (transliterated)

1. Pozas Loio, Kh. Razvitie neopredelennogo artiklya v srednevekovom i zolotom veke ispanskogo yazyka: dis. kand. filol. nauk. London: Universitet Kuin Meri, 2010. 228 s.
2. Bertochchi, A., Maraldi, M., Orlandini, A. Kvantifikatsiya // *Novye perspektivy v istoricheskoi latinskoi sintaksise*. T. 3: Sostavnaya sintaksis: kvantifikatsiya, chislitel'nye, obladanie, anafora / red. F. Bal'di, P. Kutstoli. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. S. 19-174.
3. Ivanova, N. V. Istoriya ispanskogo yazyka: uchebnik dlya vuzov. M.: Izd-vo MGU, 2025. 512 s. EDN: CRPAYM
4. Pozas Loio, Kh. "Razvitie neopredelennogo artiklya v srednevekovom i klassicheskom ispankom" // *Nueva Revista de Filología Hispánica*. 2012. T. 60. № 2. S. 447-478.
5. Nebrikha, Antonio de. Gramatika ispanskogo yazyka (1492): faksimile. Madrid: Real'naya akademiya ispanskogo yazyka, 1992. 250 s.
6. Pozas Loio, Kh. Neopredelennyi artikl': proiskhozhdenie i grammatikalizatsiya. Meksiko: El' Kolledzho de Meksiko, Tsentr lingvisticheskikh i literaturnykh issledovaniy, 2016. 304 s.
7. Bello, A. Gramatika ispanskogo yazyka, prednaznachennaya dlya amerikantsev: 6-e izd. Sant'yago-de-Chili: Universitetskaya tipografiya, 1919. 541 s.
8. Alonso, A. "Neopredelennyi artikl' un" // *Issledovaniya istoricheskoi morfosintaksisa ispanskogo yazyka*. Madrid: Gredos, 1951 [1933]. S. 104-131.
9. Lapesa, R. "Un, una kak neopredelennyi artikl' v ispankom" // *Issledovaniya istoricheskoi morfosintaksisa ispanskogo yazyka*. Madrid: Gredos, 1973. S. 477-487.
10. Isasi, Kh. E., Peres, Kh. E. Evolyutsiya artiklei v ispankom yazyke. Buenos-Aires: Universitetskoe izdatel'stvo, 2023. 220 s.
11. Vasil'eva-Shvede, O. K., Stepanov, G. V. Teoreticheskaya grammatika ispanskogo yazyka. Morfologiya i sintaksis: uchebnik dlya vuzov. M.: Vysshaya shkola, 1980. 336 s.
12. Popova, V. B. "Dikhotomiya "variativnoe/tipichnoe" kak deikticheskii potentsial neopredelennogo artiklya" // *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2021. № 3. S. 21-29.
13. Popova, N. I. Grammatika ispanskogo yazyka: uchebnik dlya vuzov. M.: Filologiya, 2019. 480 s.
14. Kashkina, V. B. Funktsional'naya tipologiya: neopredelennyi artikl'. M.: Nauka, 2001. 215 s.

15. Kero, E. F. Kategoriya opredelennosti/neopredelennosti v russkom i ispanskoyazykakh: dis. ... kand. filol. nauk. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 1999. 184 s.
16. Boronnikova, N. V. Funktsional'nyi analiz semantiki artiklya: dis. ... kand. filol. nauk (spets. 10.02.19 "teoriya yazyka"). Perm': Permskii gos. ped. un-t, 2002. 176 s. EDN: NLZQIB
17. Korolevskaya akademiya ispanskogo yazyka (RAE); Assotsiatsiya akademii ispanskogo yazyka (ASALE). Novaya grammatika ispanskogo yazyka. Madrid: Espasa, 2009. 2 t.
18. San Pedro, B. Iskustvo ispanskogo yazyka kastil'skogo (1769): faksimile. Madrid: Imprenta Real, 1769. 342 s.
19. Servantes Saavedra, M. de. Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii: per. N. Lyubimova. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1988. Ch. 1, gl. 1. 704 s.
20. Alarkos L'orak, E. Gramatika ispanskogo yazyka. Madrid: Espasa-Kal'pe, 1994. 560 s.
21. Korreas, Gonsalo de. Iskustvo kastil'skogo yazyka (1626): faksimile. Madrid: CSIC, 1954. 548 s.
22. Litvinenko, E. V. Istoriya ispanskogo yazyka. Mekhiko, D.F.: UNAM, 1986. 280 s.
23. Poema o Mio Side: red. R. Menendes Pidal'. Madrid: Espasa-Kal'pe, 1908. 600 s.
24. Ispol'zovanie neopredelennogo artiklya v sovremennom ispanskoyazyke [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.udel.edu.pe/castellanoactual/duda-resuelta-uso-del-articulo-indeterminado> (data obrashcheniya: 10.04.2025).

Russia's national image in Chinese social networks (based on the activity of RT's Weibo account)

Kong Mengnan

Postgraduate Student; Faculty of Philology, Department of Mass Communication; Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Trade Union street, 91k4, entrance 1, 05

✉ 1076796482@qq.com

Abstract. Official RT account in Weibo is considered from October 2019 to March 2025. With the development of mediatization of society, Russia pays special attention to the formation of its national image through international communications, using both domestic and foreign media to strengthen its influence in the world. In this context, RT has rapidly strengthened its position in the global media space, becoming a key tool for promoting the image of Russia and strengthening its international information agenda. At present, the comprehensive strategic partnership between Russia and China in the new era continues to deepen, and bilateral relations are experiencing the best period in their history. As a result, the image of Russia in Chinese social media has become significantly more positive and favorable compared with previous years. This paper collects and analyzes data from publications of the official RT Weibo account, including topics, countries, and positions covered in the news. Particular attention is paid to the ways of presenting issues related to Russian-Chinese relations and strategies for forming a national image. Quantitative analysis and content analysis are mainly used to summarize RT's communication activities on the Chinese social network Weibo. The image of Russia on Chinese social networks is becoming increasingly positive and popular, while RT purposefully increases the distribution of content dedicated to the strategic partnership between Russia and China; RT's agenda tends to align with China's official position, emphasize the idea of "multipolarity" and strengthen Russia's narrative of opposing Western hegemony; RT promotes the soft power of Russian culture through the popularization

of literature, art, scientific and technological innovation, tourism and education, demonstrating to the Chinese audience the modern image of Russia as a great power. The study of data from the RT account on Weibo, in contrast to Western social networks such as Twitter and Facebook, allows us to study the strategies of Russian media adaptation to the Chinese censorship system and media environment; Including Russian-Chinese relations in an analytical framework to study how RT on Weibo creates common narratives and space for a unified position, shaping the image of a "partner country".

Keywords: China, Russia, Image, Russia Today, Weibo, International image, Media, RT, Social Media, National Image

References (transliterated)

1. Zhang Aijun, Liu Shijin. The Imagined Other: Chinese netizens' differentially constructed image of the Russian state // *Frontiers of foreign social sciences*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pg. 34-36.
2. Tolokonnikova A. V., Budakova D. O. Rol' telekanala RT v formirovanii mezhdunarodnogo imidzha Rossii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10*. 2019. № 5. S. 9. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119. EDN: ACWTIY.
3. Boulding K. E. National Images and International Systems // *The Journal of Conflict Resolution*. 1959. Pg. 120-131.
4. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. S. 130.
5. Baloglu S., McCleary K. W. A Model of Destination Image Formation // *Annals of Tourism Research*. 1999. Vol. 26, No. 4. Pg. 868-897. DOI: 10.1016/S0160-7383(99)00030-4. EDN: YCBTBW.
6. Rakhmanko P. Sotsial'nye seti v internete i kul'turnyi imidzh gosudarstva // *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh issledovaniy*. 2015. № 3. S. 203-206. EDN: UILQUJ.
7. Smirnov S., Kapustin A., Isaev N. Obraz Rossii. Mezhdru proshlym i budushchim // *Mir Rossii*. 2012. № 1. S. 63-90.
8. Yang Lei. The strategic experience of media discourse in 'Russia Today' // *Media*. 2023. No. 3. S. 58-59, 61.
9. Ivanov S. P. RT kak instrument formirovaniya imidzha Rossii v zarubezhnykh sotsial'nykh media // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2021. S. 25-28.
10. Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii // 24.02.2024. S. 1-2. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.
11. Zhang Yan, Lin Yalong. An Empirical Study on the Effect of International Communication of ACGT Model--Taking the Case of 'RT Russia Today' on Website B // *Modern Communication*. 2023. Vol. 45. No. 5. Pg. 52-59.
12. Kuznetsova E. V. Deyatel'nost' RT v sotsial'nykh media: mezhdru zhurnalistikoi i propagandoi // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2022. № 8. S. 29-30.
13. Smirnov D. L. RT i formirovanie informatsionnoi povestki v sotsial'nykh setyakh // *Politicheskaya lingvistika*. 2019. № 9. S. 68-70.
14. Kazuhiro Watanabe. Conspiracist Propaganda: How Russia Promotes Anti-Establishment Sentiment Online // *ECPR General Conference*. 2018. Pg. 66-69.
15. Kolokol'tseva E. V. Ponyatie imidzha Rossii i ego evolyutsiya vo vneshnepoliticheskoi strategii strany // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2019. Arkhiv 11 nomera. S. 16-19. EDN:

MXNWHG.

16. Tian Fengjuan. Shaping and spreading Russia's national image in cyberspace // Siberian Studies. 2021. August. Vol. 48. No. 4. Pg. 51-53.
17. Weng Zeren. 'Putin's Image' and Media Shaping Power // News Window. 2023. No. 1. Pg. 53-67.
18. Zhang Juxi, Wang Zhenyu. From Yeltsin to Putin: A Study on the Transformation of Media Image of Russian National Leaders in the New Period // Journalism University. 2021. No. 1. Pg. 19-21.
19. Yan Huanhuan. The Experience and Inspiration of 'Russia Today' in Reshaping National Image // Young Journalists. 2020. No. 33. Pg. 99-100.
20. Liu Lifan, Yan Qiuju. Izucheniye natsional'nogo imidzha v Rossii // Political Linguistics. 2024. No. 1 (103). Pg. 171-178.
21. Sofya Glazunova, Axel Bruns. Soft power, sharp power? Exploring RT's dual role in Russia's diplomatic toolkit // Information, Communication & Society. 2023. Pg. 38-40.
22. Vasilenko I. A. Evraziiskaya ideya kak faktor formirovaniya imidzha sovremennoi Rossii // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2015. № 6. S. 17-22. EDN: VJLTTF.
23. Guo Jinfeng. Russian Media's International Communication Strategy from RT TV // Modern International Relations. 2022. No. 3. Pg. 22-26.

Stress in the Dargwa language, its functions, and lexicographic practice

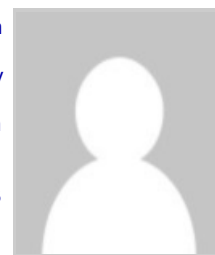
Yusupov Khizri Abdulmadzhidovich

PhD in Philology

Head of the Department; G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art; Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

367008, Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, Kirovsky district, Arukhova str., 5, sq. 3

✉ h-yusupov@mail.ru

Temirbulatova Sapiyahanum Murtuzalievna

Doctor of Philology

Chief Researcher; G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art; Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, Gaidar Gadzhiev str., 12a, sq. 67

✉ sapiiakhanum@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the accent system of the Dargin language. The aim of the research is to study the accent system of the Dargin language. To achieve this goal, the following tasks have been outlined: firstly, to determine the range of scientific works that address the stress of the Dargin language to some extent; secondly, to describe each of these works (highlighting the main points of view); thirdly, to identify and show the position of stress in disyllabic and polysyllabic words of the Dargin language. The lack of research on the accent system of the literary language significantly complicates the work of a lexicographer. The issue of stress in the literary language is of great importance for clarifying some grammatical questions, such as establishing the boundaries of words, defining the process of merging two words or roots into a single whole, which, in turn, can assist in solving orthographic issues—the question of whether to write a particular word together or separately.

In writing this article, traditional research methods were mainly used: the continuous sampling method to identify illustrative material for the research; the descriptive method to characterize the stressed syllables of the Dargin language; and the comparative method to reveal the common and distinctive features in the study of stress in the Dargin language. The article analyzes various works (scientific grammars of the Dargin language and its dialects, monographs, and scientific articles) that contain information about the accent system of the Dargin language. The scientific novelty of the research lies in the fact that the work, based on a significant amount of factual material, not only describes the stress of the Dargin language but also identifies its main functions. As a result of the research, it was established that the Dargin language is predominantly characterized by fixed weak stress on the last syllable, although there are many cases where the stress falls on the first syllable. In the Dargin literary language, the stress is weak and it is fixed on a certain syllable, both in and out of context. In compounds, as well as in some words with prefixes, two stresses are possible, alongside the main word stress.

Keywords: accentology, accent, stress, two-syllable syllable, syllable, lexeme, word, Darginian language, dictionary, article

References (transliterated)

1. Abdullaev Z. G. Darginskii yazyk. I. Fonetika. M.: "Nauka", 1993. 286 s.
2. Abdullaev S. N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). Makhachkala, 1954. 216 s.
3. Avanesov R. I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie. M.: Prosveshchenie, 1984. 383 s.
4. Altaiskaya E. M. Nekotorye leksicheskie zakonomernosti perenosa udareniya na predlog v sochetaniyakh "predlog plyus sushchestvitel'noe" // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. Vyp. 1. S. 6-12. DOI: 10.30853/phil20220001 EDN: BMENKF.
5. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e. M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2010. 576 s.
6. Bondarko L. V. Fonetika sovremennogo russkogo yazyka. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1998. 275 s.
7. Gabibullaeva P. M. K voprosu ob udarenii v darginskom yazyke // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 5 (72).
8. Zhirkov L. I. Grammatika darginskogo yazyka. Moskva: Tsentr. izd-vo narodov SSSR, 1926. 103 s.
9. Kasatkin L. L. Sovremennyyi russkii yazyk. Fonetika. M.: Akademiya, 2006. 256 s.
10. Moroz G. A. Imennoe udarenie v darginskikh yazykakh // Aktual'nye voprosy teoreticheskoi i prikladnoi fonetiki. Sbornik statei k yubileyu O. F. Krivnovoi. M.: Buki Vedi, 2014. S. 245-269.
11. Musaev M.-S. M. Dargan mez = Darginskii yazyk. Posobie dlya vuzov. Makhachkala: Izd-vo "Raduga", 2014. 408 s.
12. Mutalov R.O. O meste gapshiminskoi rechi v sisteme darginskikh yazykov i dialektov: morfologicheskie dannye // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2022. № 12. S. 29-36. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39482 EDN: UIQTOC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39482
13. Mutalov R.O. Sistema form budushchego vremeni v darginskikh yazykakh // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. № 12. S. 38-46. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69328 EDN: EYYTBR URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69328

14. Pozdnyakova N. A. Udarenie v russkom yazyke: vse li tak odnoznachno? // Psikhologiya, pedagogika, yazykoznanie: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya : Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Rostov-na-Donu, 16 fevralya 2024 goda. Krasnodar: IP Kabanov V. B. (izdatel'stvo "Novatsiya"), 2024. S. 123-124. EDN: QKHJTK.
15. Semenova G. P. Osvoenie zaimstvovannoi leksiki: problemy russkogo udareniya // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2024. № 211. S. 289-303. DOI: 10.33910/1992-6464-2024-211-289-303. EDN: QUGJFZ.
16. Sulaibanov G. R., Sumbatova N. R. Ob odnom tipologicheskom raritete: kauzativ v tsugninskom dialekte darginskogo yazyka // Voprosy yazykoznanii. 2022. № 3. S. 109-131. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.109-131. EDN: WPUMSL.
17. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A grammar of Icar Dargwa. München: LINCOM EUROPA, 2003. 257 p.
18. Temirbulatova S. M. Udarenie v khaidakskom dialekte darginskogo yazyka // Sovremennye problemy kavkazskogo yazykoznanii i tyurkologii: Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 65-letiyu kafedry dagestanskikh yazykov Daggosuniversiteta. Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi universitet, 1997. S. 206-207. EDN: SKPZZV.
19. Temirbulatova S. M. Khaidakskii (kaitagskii) yazyk - dialekt darginskogo yazyka: monografiya. Izd. 2-e, dop. Makhachkala: IYaLI DNTs RAN, 2012. S. 55-58. EDN: QXDUOX.
20. Forker D. A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press, 2020. 604 p.
21. Khramov B. O. Otkloneniya ot aktsentologicheskikh norm u predstavitelei raznykh regionov RF // Den' nauki: Materialy XXXII nauchnoi konferentsii Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Blagoveshchensk, 20 aprelya 2023 goda. Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2023. S. 273-274. EDN: RYYFFV.
22. Shakhbanova P. G. Udarenie v karbachimakhinskom govore darginskogo yazyka // Vestnik Un-ta Rossiiskoi akademii obrazovaniya. 2010. № 3. S. 80-82. EDN: NRANQP.
23. Yusupov Kh. A. Darginsko-russkii slovar'. M.: Izdatel'stvo "Pero", 2017. 1136 s. EDN: ZXUEFH.

The semantic content of the concept of CALMNESS in the minds of native speakers of the Russian language

Ershova Irina

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language Instruction in Other Language Media, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pokrovskaya str., 37, office 223

✉ imilashevskaya@mail.ru

Abstract. The object of the research is the concept of CALMNESS in the national consciousness. The object of research is the dynamics of this concept, because under the influence of economic, political processes, and changes in society as a whole, the content of the concept also change. The subject of the study is the lexical means of objectification of the

concept of CALMNESS in the Russian language, presented in lexicographic sources, and the means of its speech representation, presented by the materials of a chain associative experiment conducted in 2023, in which 130 native speakers of the Russian language aged 18 to 80 years took part. The object and subject of the study determine its purpose – to describe the semantic content of the concept of CALMNESS in the minds of native speakers of the Russian language based on data from dictionaries and psycholinguistic experiment. The work uses linguistic methods of definitional and component analysis, the field method, and the method of conceptual analysis. The results of the study: during the interpretation of the results of the analysis of dictionary data, eight cognitive features of the concept of CALMNESS (CF1 – CF8) were identified, all of them were verified when processing the results of an associative experiment, i.e. they are relevant to the consciousness of modern native speakers. The research materials can be used in the development of manuals on Russian as a foreign language, the lexicology of the main language, as well as in the creation of associative dictionaries. The analysis of the experimental results showed that in the content of the concept it is also possible to identify such new cognitive features as 'the state in which a person is at home / with his family' (CF9) and 'the cessation of being, existence' (CF10). It should be noted that the linguistic objectification of the CF10-feature was found in etymological dictionaries, however, modern explanatory dictionaries do not record the corresponding meaning of the key lexeme. Despite this, this cognitive feature is still present in the minds of some native speakers of modern Russian.

Keywords: psycholinguistic meaning, associative field, the key lexeme, psycholinguistic experiment, field model, cognitive feature, content of the concept, concept, cognitive linguistics, Russian language

References (transliterated)

1. Krashenninnikova E. S. Kontsept «spokoistvie» v tvorchestve B. K. Zaitseva v aspekte eticheskoi lingvoekologii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 2. S. 144-149.
2. Babushkin A. P., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya. Voronezh: OOO «Ritm», 2018.
3. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: V 2-kh t. T. 2. M.: Rus. yaz., 1990.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka. M.: AZ", 1996.
5. Bol'shoi slovar' sinonimov i antonimov russkogo yazyka / Sost. N. I. Shil'nova. M.: OOO «Dom Slavyanskoi knigi», 2016.
6. L'vov M. R. Slovar' antonimov russkogo yazyka. M.: AST-PRESS, 2008.
7. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2-kh t. T. 2. M.: Rus. yaz., 1999.
8. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingvistich. issledovani; Gl. red. A. S. Gerd. T. 27. M. – SPb.: Nauka, 2021.
9. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingvistich. issledovani; Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2004.
10. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. M.: Russkii yazyk, 2000.
11. Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dal'a: V 4-kh t. T. 4. SPb. – M.: t-vo M. O. Vol'f, 1903–1911.
12. Nauchnaya shkola v oblasti obshchego i russkogo yazykoznaniya professorov Zinaidy

Danilovny Popovoi i Iosifa Abramovicha Sternina: kollektivnaya monografiya / Nauch. red. M. A. Sternina, A. V. Rudakova. M.: Izd-vo OOO «RITM», 2024.

13. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Voronezh: Istoki, 2007.

Idiographic style features in drama (a case study: "American dream" by Edward Albee)

Bukach Olga Vladislavovna

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Philology and Intercultural Communication; Kazan (Volga Region) Federal University

420029, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Sovetsky district, Sibirskiy Trakt str., 13

✉ olga.bukach1987@gmail.com

Shelestova Olga Vadimovna

PhD in Philology

Associate Professor; Institute of Philology and Intercultural Communication; Kazan (Volga Region) Federal University

420100, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Sovetsky district, Akademika Sakharova str., 25, sq. 18

✉ olga.shelestova@kpfu.ru

Abstract. The paper analyses peculiar features of Edward Albee's individual style with a special focus on drama being a synthetic art form, as well as the development of the theater of the absurd. The subject of the research is the ways of expressing the author's style in the text of the play "The American Dream"; the aim of the analysis is to identify the features of the expressive language that play a decisive role in conveying the intended meanings and ensuring the intended emotional impact on the recipient. The research methods include stylistic and linguo-cultural interpretation of the text, quantitative analysis, frequency analysis, as well as a method of continuous sampling. The methodology of idiostyle analysis suggests the use of cultural and anthropocentric approaches at the initial stage, as well as conducting linguistic analysis at the subsequent stage of the research. The research methodology involves using cultural and anthropocentric approaches to analyze historical context, the speech characteristics of characters, and the emotional impact on the reader (and the viewer); the linguistic analysis allowed to identify the idiographic features of the author's style in lines the characters have. These features are: anaphora, epiphora, and polysyndeton, as well as numerous lexical repetitions. The said repetitions of different types allow the author to achieve a sense of detachment typical for theatre of absurd works. This technique creates a picture of an indifferent and cruel society, where communication is devoid of meaning and people are not interested in connecting with each other; moreover, the repetitions provide a certain rhythmic organization of dialogues and, therefore, create the dynamics each scene demands.

The results can be used when working with existing translations or when creating new translations of this play and other works by this author with the aim of accurately reflecting the features of the author's style in the translated texts. This approach appears to be particularly relevant because, during his lifetime, the renowned playwright closely monitored the interpretations of his plays, sometimes forbidding the productions from being staged; after 2016, his foundation adheres to a similar policy. The method of analysis proposed in the article will allow to achieve the precise transmission of the author's intention in translated

texts, further granting directors and actors an opportunity to achieve the necessary emotional impact on the audience.

Keywords: idiographic style features, stylistics, individual style, theatre of absurd, epistrophe, anaphora, language of the drama, functional style, repetition, expressive means

References (transliterated)

1. Bart, R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. – EE Media, 2024. – 616 s.
2. Bentli, E. Zhizn' dramy. – M.: Iskustvo, 1978. – 367 s.
3. Veraksich, I.Yu. Zarubezhnaya literatura. KhKh vek: Kurs lektsii, Lektsiya № 14. Teatr absurda. – URL: <https://studfile.net/preview/4032209/> (data obrashcheniya: 01.10.2023).
4. Gal'perin, I. R. Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka. – M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958. – S. 258, 261.
5. Zhilichev, P. E. Drama absurda: etapy literaturovedcheskogo osmysleniya v otechestvennoi i zarubezhnoi nauke. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 24. № 5. S. 626-634. – DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-5-626-634. EDN: OWIMNT
6. Kreg, E.G. Vospominaniya, stat'i, pis'ma. – M.: Iskustvo, 1988. – 394 s.
7. Kubryakova, E.S., Petrova, N.Yu. Lingvokul'turologicheskii status dramy (novoe v izuchenii yazyka p'es). Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2010. № 2 (023). S. 64-73. EDN: MVDFNF
8. Kukhareno, V.A. Praktikum po stilistike angliiskogo yazyka. – Vinnitsa: Nova kniga, 2000. – 160 s.
9. Metsler, A.A. Pragmatika kommunikativnykh edinit. – Kishinev: "ShTIINTsA", 1990. – 103 s.
10. Smetanina, N. A. Muzykal'nost' p'es Edvarda Olbi (na primere p'esy "Tri vysokie zhenshchiny"). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. Vyp. 7. S. 2097-2103. – DOI: 10.30853/phil20230344. EDN: KYEVAL
11. Stanislavskii, K.S. Moya zhizn' v iskusstve. – M.: AST, 2022. – 608 s.
12. Kharaz, M. K. Tsena uspekha: krushenie "amerikanskoi mechty" v dramaturgii SShA serediny XX veka. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. Vyp. 7 (875). S. 152-158. – DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_152. EDN: IRFMYW
13. Chepurov, A.A. V storonu metafiziki teatra. Ob aktual'nykh napravleniyakh teatrovedcheskikh issledovaniy. Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka. 2023. № 4. S. 82-91. – DOI: 10.35852/2588-0144-2023-4-82-91. EDN: OCSOEW
14. Albee, E. The American Dream and The Zoo Story. – New York: Penguin, 1997.
15. Al-Wahsh, D. M., Zalloum, G. B., Abd-Rabbo, M. The Futility of Language as a Means of Communication in Edward Albee's Who's Afraid of Virginia Woolf?, Fam and Yam, and The Sandbox. Journal of Language Teaching and Research. 2024. 15(3). S. 1-10.
16. Bennett, M. Y. The Routledge Companion to Absurdist Literature. – Taylor & Francis, 2024. – 532 s.
17. Enyue, T., Liu, L. Research on the Theater of Absurd. Arts Studies and Criticism. 2023. 4(1). S. 1-6.
18. Esslin, M. Theatre of Absurd. – URL: <https://faculty.uobasrah.edu.iq/uploads/teaching/1642439873.pdf> (data obrashcheniya:

01.10.2023).

19. Han, X. A Comparative Study on Krapp's Last Tape and The Zoo Story. Academic Journal of Humanities & Social Sciences. 2023. 6(1). S. 45-52.
20. Kirsznner, L. G., Mandell, S. R. COMPACT Literature: Reading, Reacting, Writing. – Cengage Learning, 2017. – 8th ed.

The word forms "minimum" and "maximum" in the aspect of gradual transposition into adverbs: core and hybrid zones

Shigurov Viktor Vasil'evich

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language; Ogarev National Research Mordovian State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna

Doctor of Cultural Studies

Professor; Department of Cultural Studies and Library and Information Resources; Ogarev National Research Mordovian State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Panfilova Dar'ya Vital'evna

Teacher; Additional education Center 'Gymnasium. Russian Classical School'; Saransk, Russian Federation

430000, Russia, Rep. Mordovia, Saransk, Sevastopolskaya str., 56, room 2, sq. 194

✉ dashavitpan@mail.ru

Abstract. The paper presents the experience of a comprehensive semantic-grammatical study of the stages, features and limits of transposition of nominative and accusative forms of nouns into adverbs of measure and degree in the Russian language. Adverbialization is understood as a process of changing the differential features in the structure of word forms, gradually moving in typical contexts from nouns to adverbs. The results of the analysis of the zones of nuclear nouns and hybrid, substantive-adverbial formations, synthesizing in approximately equal proportions the properties of the interacting classes of nouns and adverbs during adverbialization, are presented. Using the example of the substantive word forms "minimum" "maximum", it is shown how, in different syntactic conditions, the proportion of features in the specified word forms changes as they move away from nouns and approach quantitative adverbs. The study used general scientific, general linguistic and special methods (comparison, generalization; structural-semantic, oppositional, distributional, transformational and componential analysis, linguistic experiment). As a result of the study, the main stages of adverbial transposition of the word forms "minimum" and "maximum" were established, representing the zones of the core of nouns, hybridity and periphery of substantive adverbs. Particular emphasis in the study is placed on the semantic and grammatical description of the word forms "minimum" and "maximum" when they explicate the features of nuclear nouns, as well as when combining the properties of nouns and adverbs in the status of hybrid formations. It is concluded that in the process of moving towards adverbs, the word forms "minimum" and "maximum" bypass the stage of the periphery of nouns and do not reach the

zone of nuclear adverbs at the final stage of adverbialization. The transposition of the considered substantives into quantitative adverbs has an exclusively functional character: it does not lead to the formation of new adverbial words – lexical homonyms. The limit of their adverbialization is associated with the emergence of a special, adverbial type of use within the semantic zone of the original lexemes. The results of the study can be used in lexicographic practice, in compiling different types of dictionaries, as well as in the practice of teaching Russian grammar in secondary and higher education.

Keywords: core, transitivity scale, adverbialization, functional transposition, adverb, noun, grammar, Russian language, periphery, hybridity

References (transliterated)

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka: monografiya. M.: Drofa, 2000. 640 s.
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
3. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / pod red. L. G. Babenko. 2-e izd., ster. M.: AST-Press KNIGA, 2005. 864 s.
4. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
5. Vorotnikov Yu.L. Slovo i vremya. M.: Nauka, 2003. 168 s.
6. Zaliznyak A.A. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Rus. yazyk, 1980. 880 s. EDN: UFUIPL
7. Kachmazova E.S., Tsallagova I.N., Tsarikaeva F.A. Konversiya v osetinskom yazyke (na materiale ironskogo i digorskogo dialektov) // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12. № 10. S. 68-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84 EDN: PZRNPQ
8. Kim O.M. Transpozitsiya na urovne chastei rechi i yavlenie omonimii v sovremennom russkom yazyke. Tashkent: Izd-vo "Fan", 1978. 228 s.
9. Kravtsov S.M., Golubeva A.Yu. Konversiya v slovoobrazovanii: uzus i okkazional'nost'. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU, 2016. 170 s. EDN: VVQNTJ
10. Kubryakova E.S., Gureev V.A. Konversiya v sovremennom angliiskom yazyke // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2002. № 2. S. 33-37. EDN: YSABNZ
11. Kustova G.I. Mental'nye predikaty v metatekstovykh konstruktsiyakh 2-go litsa // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2018". Vyp. 17 (24). M., 2018. S. 380-390.
12. Mel'chuk I. Dve russkie leksemy: VOZ'MI [i Y-ni] i VZYaT' [i Y-nut'] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2023. № 2. S. 9-25. DOI: 10.31912/rjano-2023.2.1 EDN: QNWLOP
13. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 14.06.2025).
14. Pen'kovskii A.B. Ocherki po russkoi semantike. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 464 s. EDN: QQUIPJ
15. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988. 656 s.
16. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i "naivnaya" kartina mira // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 4. S. 25-38. EDN: PYIDOP

17. Filipenko M.V. Semantika narechii i adverbial'nykh vyrazhenii. M.: Azbukovnik, 2003. 304 s. EDN: QQUUHP
18. Tsimmerling A.V. Ot integral'nogo k aspektivnomu. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. 652 s. DOI: 10.31754/nestor4469-1792-1 EDN: GFHGFF
19. Shigurov V.V. Raznovidnosti funktsional'noi transpozitsii slovoform v sisteme chastei rechi russkogo yazyka // Filologicheskie nauki. 2001. № 6. S. 59-65. EDN: SAZRQN
20. Shigurov V.V. "Sudya po" v kontekste modalyatsii i prepozitsionalizatsii: k ischisleniyu indeksov transpozitsii // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 6. S. 42-55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2 EDN: GSXGES
21. Shigurov V.V. Teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka: modalyatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovykh edinit v sisteme chastei rechi. M.: NITs Infra-M, 2025. 1063 s.
22. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen, 1982. 241 p.
23. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
24. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. T. 97. № 25. S. 177-191. EDN: XXYSOD